

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ЗОНА ТЕНЕЙ

Классика мирового бестселлера
- Убийственно просто

TOP
Thriller

Annotation

Гибель сына Фабиана разрушила спокойную и размеренную жизнь успешной писательницы Алекс Хайтауэр. Ее стали одолевать страхи, видения и навязчивые идеи. Ощущение присутствия Фабиана не покидало ее ни на миг.

Алекс с каждым днем все больше погружалась в омут безумия. И чтобы обрести покой, она решилась в конце концов на встречу с потусторонним миром...

- [Питер Джеймс](#)
  - [Благодарности](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Питер Джеймс

Зона теней

Джорджине

Жизнь есть не что иное, как сон, чьи образы постоянно возвращаются, некоторые редко, а другие часто, иногда – ночью, порою – днем.

Джеймс Томпсон

Благодарности

Особую благодарность я хотел бы выразить моему литературному агенту Иону Тарли, чья вера в меня, поддержка и советы были неиссякаемым источником вдохновения. А также Джоанне Голдсуорти и команде Виктора Голанда за их конструктивный вклад в работу, за их доверие и смелость, с какой они вели мяч в этой игре.

Моя запоздалая благодарность Дэвиду Саммерскейлу, который учил меня английскому языку в Чартерхаусе и который, может сам того не подозревая, подвигнул меня к писательству.

Многие так или иначе помогали мне в моих изысканиях, и им я обязан тем, что эта книга вообще появилась на свет. Список их длинен, причем зачастую я получал от них гораздо больше, чем просил. К числу таких людей относятся Кэннон Доминик Уолкер; преподобный Дэвид Гастелл; преподаватели физического колледжа; преподобный Джим Майнорс; преподобный Джеральд Шоу, капеллан больницы в Бродмуре; доктор Дункан Стюарт; моя секретарша Пегги Флетчер и моя жена Джорджина, которая с бесконечным терпением ободряла меня, не позволяя упасть духом.

Питер Джеймс

Фабиан, наслаждаясь теплым и мягким уютom постели, смотрел в проем раздернутых занавесей. Рассветное небо наливалось красноватым светом восходящего солнца, приобретая кровавый оттенок.

Повернувшись, он взглянул на спящую рядом с ним девушку. Потом, соскользнув с постели, переступил через разбросанную по полу одежду и подошел к окну. Утренний туман почти рассеялся, с виноградника тянулся дымок: там жгли последние остатки зимней пикировки лоз. Пейзаж после битвы, подумал он и поежился – его худое мускулистое тело покрылось пупырышками гусиной кожи.

Воздух был чистый, наполненный свежестью и странным животным ароматом спящей девушки, который пропитал и его тело; он почесался и снова задумчиво уставился в окно.

– Фабиан? – раздался осторожный стук в дверь и вслед за тем звук удаляющихся шагов.

– Минуточку. – У него перехватило горло, когда он попытался громким шепотом произнести это слово.

Девушка пошевелилась, простыни зашелестели, как листья на ветру, и она снова затихла.

Он натянул джинсы, безрукавку и пуловер, сунул остальную одежду в сумку и плеснул в лицо холодной водой. Насухо вытершись, он было сделал шаг к спящей девушке, но остановился, поднял сумку и вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой тяжелую дверь.

Отто, Чарлз и Генри уже ждали его. Отто, с его крючковатым носом, нависшим над линией губ, с вихрами черных волос над испещренным оспинами лицом, в пальто в елочку, свисающем с угловатой фигуры, напоминал огромного стервятника. Рядом с ним, растирая зябнувшие руки, стоял Чарлз с заспанными глазами, выражение лица которого было, как всегда, растерянным, словно утро застало его врасплох.

– Господи, я прямо не в себе. – Чарлз зевнул.

Генри, глубоко засунув руки в карманы, стоял прислонившись к машине, прикрыв глаза.

– Прошу прощения, я заспался, – сказал Фабиан, открывая багажник «фольксвагена», и вынул резиновый скребок.

– Может, кофе перед дорогой? – предложил Чарлз.

– Перехватим где-нибудь по пути, – ответил Фабиан, снимая скребком

обильную росу с окон машины. Вокруг еще царили предрассветные сумерки. Фабиан посмотрел на черные мрачные силуэты высоких сосен, на холодные серые стены шато. Бросив взгляд на ряд окон, он попытался найти то, за которым были раздвинуты портьеры; ему показалось, что в окне мелькнуло чье-то лицо, и он отвел глаза. – Сначала поведу я.

Чарлз и Генри втиснулись на заднее сиденье, Отто опустился на место рядом с водителем. Фабиан включил зажигание. Двигатель сразу же зарычал, но тут же смолк.

– В десятку, – сказал Чарлз. – Сегодня утром, похоже, нас ждут сплошные радости.

– Вот уж точно, – хрипло пробормотал Генри. Он снова закрыл глаза. – Разбудите меня в Кале.

– Я бы предпочел двинуться на юг, а не на север, – возразил Отто, взясь с привязным ремнем. – Вот чертово устройство; никогда не мог запомнить, как оно действует.

Яростно взревел двигатель.

– Прости, что мы тебя вытащили, Фабиан, – сказал Чарлз.

Пожав плечами, Фабиан наклонился к приборной доске и включил фары.

– Она хорошо трахается? – спросил Отто.

Фабиан улыбнулся и промолчал. Он никогда не обсуждал женщин.

Девушка с усталым, безжизненным лицом стояла у окна, наблюдая, как красный «гольф» исчезает в тумане. Она осторожно прикоснулась к левой руке: чертовски больно. Оторвавшись от окна, села за туалетный столик и уставилась на себя в зеркало. Поежившись, внимательно взгляделась в заплывающие кровью синяки на груди, на ссадину под левой скулой, на припухший правый глаз и на рассеченную губу, на которой засохла кровь. Она долго смотрела в глаза своему отражению, не в силах отвести взгляд, после чего легонько провела пальцами между ногами и поморщилась от боли, которую вызвало прикосновение.

– Привет, – сказала она.

– Как ты думаешь, на какой паром мы успеваем? – спросил Чарлз.

– Если дорога будет так же пуста, мы будем в Кале около четырех.

– Ну ты и лихой сукин сын, Фабиан, это точно.

– Лихой?

– Именно.

ДИЖОН... ЛИОН... ПАРИЖ...

Мимо летела вереница дорожных знаков – Фабиан, каждый раз миную пересечения дорог, прибавлял газ; он чувствовал надежное сцепление шин с шершавым гудроном, покорность рулевого колеса, ровный гул горячего двигателя, шуршание дорожного полотна пустой, открывающейся перед ним трассы. Выйдя из поворота, он вдавил акселератор, и «фольксваген» рванулся вперед. Порой ему казалось, что машина стелется над дорогой, что сейчас она оторвется от полотна и взлетит прямо к звездам. Не спуская ноги с педали газа, он следил за счетчиком оборотов, чуть сбрасывая скорость, когда стрелка заходила в опасную красную зону. Сто двадцать пять. Сто тридцать.

– Какие у вас планы на этот семестр? – крикнул Фабиан, перекрывая рев двигателя и свист ветра.

Отто и Чарлз переглянулись, не поняв, кому адресован вопрос. Отто вытащил из мятой пачки «Мальборо» искрошившуюся сигарету и щелкнул зажигалкой.

– У меня нет никаких планов, – сказал он. – Я их никогда не строю.

– Как твои родители? – спросил Чарлз.

– Мои? – переспросил Фабиан.

– Да.

– О'кей. – Он смущенно замялся. – По-прежнему по отдельности. А как твоя мать?

Подняв руку, он сдвинул крышу, ворвавшийся в машину порыв холодного ветра и рев двигателя унесли ответ Чарлза. Справа от себя он видел багровый шар солнца, который медленно вставал над холмами Бургундии – его жар согреет виноградные грозди, и они превратятся в вино, в великолепные вина, розовые и кроваво-красные. Лет через двадцать он откроет такую бутылку «Кло де Вуже» и, склонившись к кому-нибудь, скажет: «Я видел солнце, лучи которого остались в этой бутылке; я был там».

Им снова овладели мрачные мысли; шар солнца внезапно оказался перед глазами. Ему захотелось открыть окно и оттолкнуть его. Блики света скользнули по приборной доске, и он подумал, что их дрожащие переливы напоминают подтеки свежей крови.

– На этот раз попробую поиграть в крикет, – сказал Чарлз.

– В крикет, значит. – Отто как-то странно посмотрел на него.

– Кембридж, может быть, моя последняя возможность поиграть.

– Ты говоришь о крикете? – выкрикнул Фабиан.

– Да! – крикнул в ответ Чарлз.

Вдалеке Фабиан увидел цепочку красных огней; рассвет только

занимался, и трудно было разобрать, что делается на дороге. Впритык друг к другу тянулись несколько машин, о чем говорили янтарные хвостовые огни; одна из машин вырулила на среднюю полосу. Он вывел «гольф» на скоростную полосу, чуть ослабил давление на акселератор и мигнул фарами.

– А я и не знал, что ты играешь.

– В Винчестере я еще малышом был в первой команде.

– В первой команде онанистов, – на мгновение обернувшись, ухмыльнулся Фабиан.

– Что?

– Онанистов!

– Фабиан!

Фабиан услышал короткий сдавленный вскрик Отто, почувствовал, как тот дернулся, напрягся. И снова уставился на дорогу.

Прямо на них летели фары. В глаза им бил мощный слепящий поток света; какая-то машина, сбившись с пути, летела им навстречу по полосе скоростного движения.

– Грузовик! – крикнул Фабиан. – Иисусе!

Он ударил по тормозной педали, понимая, что все бессмысленно, что уже слишком поздно. В сияющей пелене света он успел увидеть лишь две цифры номера машины: «75». Париж, мелькнула у него мысль.

И тут внезапно он очутился над «гольфом», глядя на него сверху: сквозь проем открытой крыши он видел Отто, Чарлза и Генри, которых мотало во все стороны, как тряпичные куклы. Он пораженно смотрел, как, словно при замедленной съемке, «гольф» начал сминаться о радиатор грузовика, и тут увидел, что это вовсе не грузовик, а «ситроен», старая тяжелая модель, который, встав дыбом, оторвался от земли.

Сначала смялся капот, потом согнулась и съежилась крыша, затем ветровое стекло словно бы затянулось изморозью и тысячью осколков разлетелось по сторонам; в воздух взмыли куски и обломки стекла, маленькие и большие. Задние дверцы «ситроена» распахнулись – одна наружу, другая вдавилась внутрь, – и «ситроен», похоже, стал заваливаться на бок, отлетев к обочине. Свертки и пакеты, набросанные на заднее сиденье, медленно вздымаясь в воздух, вываливались сквозь разодранную крышу: маленькие человечки, покрытые мехом, белые, коричневые, черные, раскинув ручки, вращались в воздухе в каком-то странном ритуальном танце. Игрушечные медвежата, понял он, пока они падали и, подпрыгивая, разлетались по сторонам.

Все вокруг было заполнено удушливым запахом бензина. На

мгновение картина расплылась, словно кто-то закрыл ее мутным стеклом; затем раздался странный приглушенный хлопок, будто лопнули шины, после чего хлынула волна сухого жара. Первыми занялись игрушечные медвежата, пошла волдырями краска на машинах.

От этого жара Фабиана стала колотить дрожь. Он попытался изменить положение, но не смог – все мерцало, сжимая его в плотных объятиях.

– Нет, – внезапно сказал он. – Нет! – Напрягая все силы, он в отчаянии огляделся. – Кэрри! – крикнул он. – Кэрри!

Неожиданно жар отпустил его, и он снова взмыл над автотрассой. Свет был ослепительно-белым – должно быть, быстро восходит солнце, мелькнула у него мысль, – он ухватился за рулевую баранку и почувствовал, как машина набирает ход. Переключать передачу не было необходимости, скорость увеличивалась сама по себе – оторвавшись от дорожного полотна, машина скользила над его поверхностью. Мимо летела дорожная разметка, указатели – все, все... Он тоже летел. Он мог улететь к звездам! Фабиан потянул рулевую колонку на себя, но машина отказалась задирать нос; она бесшумно плыла сквозь сияние, направляясь к какой-то невидимой точке на горизонте, затянутом белым туманом. Он миновал чадящие останки машины на обочине и груды металла сбоку от них – грузовик с развалившейся надвое кабиной: две машины переплелись, как драчливые пчелы; вот еще одна машина, дымящиеся очертания ее смутно виднелись сквозь огонь, и свет впереди с каждой секундой становился все ярче. Он огляделся. Сиденье, которое занимал Отто, было пусто.

– Где Отто?

– Должно быть, вывалился, – ответил Чарлз.

– Он же только что закуривал. Где его сигарета?

– Скорее всего, улетела вместе с ним.

У Чарлза был какой-то странный голос, он звучал словно бы издалека. Фабиан решил, что Чарлз и Генри рядом, но не был в этом уверен.

– Мы что, врезались в эту машину, Чарлз?

– Не знаю. Думаю, что да.

Яркий свет резал глаза, и Фабиан, нагнувшись, стал искать солнечные очки. Впереди в белом тумане он увидел тени, очертания движущихся фигур.

– Мне понадобятся деньги, – сказал он.

– Нет, – возразил Чарлз, – нет, не думаю, что нам понадобятся деньги.

Фабиан почувствовал, что машина поднимается, после чего она исчезла, и он обнаружил себя висящим в коконе белого света; вокруг стояло приятное тепло, и он откинулся на спину, видя, как к нему

приближаются какие-то фигуры.

Тут он снова все вспомнил, и его стало колотить.

«Кэрри! – захотелось крикнуть ему, но ничего не получилось. – Кэрри! Ты должна отпустить меня! Ты должна!»

Теперь фигуры окружили его – добрые, улыбающиеся, они радовались ему.

Алекс видела, как официант плеснул шамбертена в бокал мужа и, отступив на шаг, застыл рядом с ним. Дэвид поднял к свету бокал, круговыми движениями разогнал вино по стенкам и стал внимательно присматриваться к маслянистым каплям, оставшимся на стекле. Глубоко вдохнув, он нахмурился, глотнул вино, звучно посмаковал его и стал перекачивать во рту, словно бы жевал бифштекс. «Только бы он не отказался, ради бога, только бы не отказался, – взмолилась она про себя, – я не вынесу, если он откажется».

К ее облегчению, он коротко кивнул официанту, и с заказом было покончено.

– Шамбертен семьдесят первого, – сказал Дэвид с такой гордостью, словно сам произвел его.

– Вот как. – Алекс попыталась изобразить восторг; ради его спокойствия она сделала вид, будто в самом деле может оценить хорошее бургундское и способна отличить его от кларета, чего ей никогда не удавалось, и она сомневалась, что когда-либо ей это удастся. – Спасибо, он просто превосходен.

– Что-то ты очень сдержанна сегодня. Словно за чаем у незамужней тетушки.

– Прости, я попытаюсь быть раскованней. – Она уставилась на его загоревшие руки, короткие пальцы красного, чуть ли не багрового цвета, с черными каемками под ногтями, поношенный твидовый пиджак и мятую шерстяную рубашку под ним – то ли это часть его нового имиджа, то ли он в самом деле больше не обращает внимания на свой внешний вид? Она рассматривала его спокойное загоревшее лицо, слегка задубевшее от пребывания на свежем воздухе, его кустистые спутанные волосы, густую щетину на подбородке. Он поднял бокал, приглашая ее присоединиться:

– Твое здоровье.

Она подняла свой, и стекло зазвенело.

– Ты знаешь, почему люди чокаются? – спросил он.

– Нет.

– Вино можно видеть, обонять, ощущать, пробовать на вкус. Но слышать его ты не в состоянии. Поэтому мы и чокаемся, удовлетворяя все пять чувств.

Улыбнувшись, она вынула сигарету.

– А как насчет телепатии? Не можешь ли ты с ее помощью общаться с вином?

– Я общаюсь с ним все время. С моими винами я могу даже разговаривать.

– И они тебе отвечают?

– Они не любят много болтать. Мне казалось, что ты бросила курить.

– Так и есть.

– Вот что с тобой сделал Лондон, съел тебя с потрохами, затрахал вконец. Ты делаешь то, от чего отказалась, и не делаешь того, что сама себе обещала.

– Я делаю.

Усмехнувшись, Дэвид неохотно кивнул:

– Да. Может, и делаешь.

Алекс, улыбнувшись, вскинула брови.

– Ты здорово выглядишь.

Она покраснела. Он был не мастак говорить комплименты.

– Спасибо, – сдержанно сказала она.

– Ну вот. Снова как на чае у незамужней тетушки.

– А что ты хочешь от меня услышать?

Он пожал плечами и стал нюхать вино.

– От Фабиана что-нибудь слышно?

– Нет – вот уже несколько дней. Он возвращается завтра вечером.

– Когда он уезжает в Кембридж?

– В конце недели. – Алекс увидела, что муж огорчился. – В чем дело?

– Я надеялся, уик-энд он пробудет здесь. Мы бы занялись посадками.

Алекс отбросила с лица длинную прядь светлых волос. Дэвид заметил, что в ее жесте промелькнуло раздражение – Фабиан был болезненной темой.

– Знаешь, дорогая, это отдельное существование довольно глупо. Мы в самом деле должны... – Он не договорил, почувствовав, что между ними появилась стена.

Покрутив в пальцах сигарету, Алекс покатила ее по столу, несколько раз ткнула ею в пепельницу.

– Я немало думала обо всем этом, Дэвид. – Сигарета вывалилась из пепельницы на розовую скатерть, и она торопливо подхватила ее, смахнув пальцем горсточку пепла. – Я хочу развестись.

Дэвид продолжал гонять вино по стенкам стакана, на этот раз небрежно – несколько капель выплеснулось ему на пальцы.

– У тебя кто-то есть?

– Нет.

Она убрала с лица еще несколько прядей; слишком торопливо, подумал он, стараясь прочесть истину по ее покрасневшему лицу, в голубизне глаз, которые не отрывались от скатерти. Господи, до чего она хороша. Уверенность в успехе и упрямство, пришедшее с ним, преобразили ее, но лишь в лучшую сторону: она стала почти красавицей.

– Ты не против, если я останусь на вечер?

Она покачала головой:

– Нет, Дэвид, я бы не хотела, чтобы ты тут оставался.

– Это мой дом.

– Наш дом.

Отпив еще вина, он стал старательно вдыхать его аромат, не пытаясь скрыть разочарование.

– Тогда я поеду в Суссекс.

Дэвид высадил ее на Кингс-роуд, в начале тупика.

– Я позвоню тебе, – сказал он.

Кивнув, Алекс закусила губу, стараясь не дать воли грусти.

– Прекрасно.

Она захлопнула дверцу пыльного «лендровера» и заторопилась вниз, минуя изящные домики времен Регентства; ветер бил в лицо, и она прищурила глаза, стараясь скрыть подступающие слезы. Кинув пальто на вешалку, Алекс вошла в гостиную и стала бесцельно расхаживать по ней. Взглянула на часы. Половина двенадцатого. Она слишком взвинчена, чтобы заснуть.

Открыв дверь под лестницей, она спустилась по узким ступенькам, улавливая знакомые запахи проявителя и фиксатора из своей лаборатории. Дверь закрылась с сухим щелчком, напоминающим пистолетный выстрел. Внезапно воцарившаяся тишина вызвала у нее острое беспокойство, и на мгновение пришла мысль: неужели звуки несут с собой свет, смолкают ли они, когда свет гаснет? Алекс прислушалась к тем звукам, которые издавала сама: дыхание, шуршание блузки... На какое-то мгновение ей показалось, что она незаконно вторглась в свое собственное помещение.

Она включила свет, разложила сохнувшую ленту с негативами и внимательно присмотрелась к одному из кадров – на нее смотрел толстый темный цилиндрический предмет с двумя головками.

Алекс разрежала ленту на четыре куса и занялась печатью. Включив красный свет, она заправила в принтер фотобумагу.

– Тысяча один, тысяча два, тысяча три. – Сосчитав до пятнадцати

тысяч, она потушила свет и поместила фотобумагу в плоский пластмассовый поднос с проявителем. Приподняв его, она решительным движением послала фотобумагу в дальний конец ванночки.

Алекс смотрела, как появляются кадры: сначала белые тени на белом, потом серебристо-серые очертания. Ряд дырочек перфорации и очертания двух овалов, один ниже другого. Что это такое? Нечто длинное, торчащее между этими овалами стало обретать очертания, и тут она поняла.

– Вот подонок! – сказала она, улыбаясь.

Выплыли несколько волосков, их стало больше, и наконец появился сам фаллос, толстый, обмякший, со складками кожи у головки и небольшой расщелиной впереди, напоминая уродливую ухмыляющуюся рептилию. Интересно, чей он, подумала она, кому он принадлежит. Слону? Явно не человеческий.

Усмехаясь, Алекс покачала головой, вытащила влажный лист из проявителя и опустила его в фиксатор. Несколько секунд она раскачивала ванночку, после чего, глянув на часы, подождала сорок секунд. После проявителя кадрам предстояло пойти на промывку, и она, полная нетерпения, снова сверилась с часами.

Когда прошло пять минут, она вынула влажный отпечаток и повесила его сушиться. На нее с пленки смотрели тридцать шесть фаллосов, все смахивали друг на друга, но каждый кадр был сделан под несколько иным углом.

Продолжая улыбаться, она поднималась вверх, чувствуя себя куда лучше, словно бы втайне ей удалось одержать победу над Дэвидом.

Алекс проснулась на широкой постели, как от толчка, и, озираясь, подумала, не проспала ли. Потянувшись, взяла часики. Четверть седьмого. Она облегченно откинулась на подушки и закрыла глаза. Слышалось рычание грузовиков на Кингс-роуд. Затем до нее донеслось щелканье дверей: похоже, открылась парадная. Она внимательно прислушалась – нет, должно быть, ей показалось – и снова закрыла глаза. Еще час сна. Как она нуждалась в нем. У нее ныло в груди, в голове пульсировала острая боль. Она слишком много курит и, когда встречается с Дэвидом, злоупотребляет алкоголем. Расставание не проходит легко и безболезненно, порой оно труднее, чем совместное существование.

Перед глазами в темной комнате проплыла тень, и Алекс внезапно почувствовала озноб. Открыв глаза, она увидела стоявшего у ее постели Фабиана – несмотря на темноту, она видела его четко и ясно.

– Дорогой! – сказала она.

– Привет, мам.

Он казался усталым и возбужденным.

– Я ждала тебя не раньше вечера, дорогой.

– Я очень устал и хотел бы немного отдохнуть.

– Ты, должно быть, всю ночь вел машину.

Фабиан улыбнулся:

– Поспи еще, мама.

– Увидимся потом, – сказала она и смежила глаза, ожидая услышать звук закрывающейся двери. Но его не последовало. – Фабиан, дорогой мой, прикрой двери, – напомнила она. Открыв глаза, она устала на дверь перед собой и увидела, что та закрыта. Смущенно улыбнувшись, она провалилась в сонное забытие.

Кажется, прошло всего несколько секунд, когда ей почудилось, будто она слышит писк обеспокоенного насекомого, настойчивый, въедливый, он становился все громче и громче. Она пошарила рукой в поисках будильника – надо остановить его, пока не проснулся Фабиан. Пальцы ее нащупали ключи, книгу, стакан с водой. Пронзительное настойчивое дребезжание продолжалось; еще несколько секунд она лежала на спине, надеясь, что оно прекратится, пока не осознала, что такого не произойдет: эти потрясающие часы на солнечных батареях сами никогда не выключаются, запрограммированные, они могли в случае необходимости звонить до скончания времен. Еще одна причина, по которой она испытывала неприязнь к Дэвиду. Что за дурацкий подарок к Рождеству он ей преподнес, что за садизм. Дэвид приобрел часы, потому что они его развеселили: ему нравились только вина и такие игрушки. Для человека, который отрешился от городской цивилизации, он испытывает чертовскую привязанность к таким безделушкам.

Алекс влезла в спортивный костюм и бесшумно двинулась по коридору, опасаясь разбудить Фабиана; испытывая радость, что он вернулся, она напомнила себе – надо отменить все встречи, назначенные на этот вечер: они проведут его вместе; может, сходят в кино, а потом перекусят в китайском ресторанчике. У сына сейчас самый прекрасный возраст: второкурсник Кембриджа, он уже начал понимать, как устроен мир, но тем не менее еще преисполнен энтузиазма юности; он был хорошим спутником и товарищем.

Алекс отмахала свои привычные две мили по Фулем-роуд и вокруг Бромптонского кладбища; по возвращении подобрала газеты и пакет молока на пороге, после чего вошла в дом. Ей показалось несколько странным, что Фабиан не разбросал, как обычно, свои вещи по всему

холлу. Не заметила она снаружи и его машину, но, может быть, он поставил ее на другой улице. Она тихонько поднялась наверх, чтобы принять душ и переодеться.

Алекс подумала, а не стоит ли разбудить его, но вместо этого, спустившись на кухню, нацарапала ему записку:

«Вернусь к семи, дорогой. Если ты свободен, мы можем сходить в кино. С любовью *мама*».

После чего, взглянув на часы, вылетела из дома.

К тому времени, когда она добралась до парковки на Поланд-стрит, настроение ее изменилось в худшую сторону. Она машинально кивнула служителю, когда выезжала по рампе. Что-то было не так, и она никак не могла понять, в чем дело; она чувствовала себя подавленной и усталой, за что и проклинала Дэвида. Выражение лица Фабиана тоже не давало ей покоя, словно он скрывал от нее какую-то тайну, секрет, в который лишь она единственная не была посвящена.

Алекс, не веря своим глазам, наблюдала, как секретарша кладет ей на стол третий бумажный пакет.

– И все это лишь за сегодня, Джулия? – Она взяла один из пакетов и с сомнением пригляделась к надписи: «Миссис Алекс Хайтауэр», «Литературное агентство Хайтауэр» – было выведено крупными косыми буквами. – Надеюсь, хоть рукопись у него не от руки.

– Несколько минут назад звонил Филип. Спрашивал, ознакомились ли вы с его посланием. Может, он и шутил, я не уверена.

Алекс вспомнила негативы, которые она проявила, и усмехнулась.

– Я перезвоню ему, когда разберусь с почтой.

– Разве что недели через две.

Алекс взяла нож для бумаги и растерянно стала искать щель в полосках клейкой ленты.

– Звонил еще некий Уолтер Флетчер, хотел узнать, прочитали ли вы его рукопись.

– Колокол еще не прозвонил.

– Он жалуется, что она у вас уже неделю.

Алекс бросила взгляд на полки за ее столом, доверху заваленные грудями рукописей романов, пьес и сценариев.

– Уолтер Флетчер? А название?

– «Развитие и становление племенных танцев в Средние века».

– Ты шутишь. – Алекс сделала глоток кофе. – Разве ты не сказала ему, что мы не занимаемся такого рода темами?

– Пыталась. Но он совершенно убежден, что создал нечто гениальное.

Алекс наконец справилась с конвертом, из него вывалилась бесформенная кучка страниц с жеваными, загнутыми краями, толщиной в несколько дюймов, для надежности перехваченная резинкой.

– Это явно тебе, – сказала она, перепасовывая послание секретарше, которая едва не согнулась под его весом.

Положив рукопись на стол, Джулия попыталась разобраться с первой страницей; вся в перечеркиваниях, вставках и красных стрелках, показывающих, что куда, она практически не поддавалась прочтению.

– Да, поработал... – протянула Джулия.

– Смотри на мир с большим оптимизмом, – посоветовала Алекс. – По крайней мере, она на машинке.

Зажужжал интерком, и Джулия сняла трубку.

– Вас просит Филип Мейн.

Алекс помедлила несколько секунд.

– О'кей. – Она нажала кнопку. – Ты с ума сошел, – сказала Алекс. – Совершенно рехнулся.

Она услышала привычное фыркание, за ним откашливание, напоминающее ворчание, затем долгий свистящий звук – это он глубоко затянулся неизменным «Кепстеном, сорт крупный», трубку с которым держал пожелтевшими от никотина большим и указательным пальцами, разглаживая черенком усы.

– Ты поняла, что тебе досталось? – В его тихом низком голосе звучало мальчишеское воодушевление и восторг.

– Поняла? Что я должна была понять?

Фыркание, ворчание, сопение.

– Это совершенно новая форма коммуникативного общения, новый язык. Мы перешагнули стадию диалога, система общения организуется посредством целлулоида. Никто больше не будет утруждать себя произнесением звуков – это так тривиально; мы будем делать фильмы, моментальные снимки и посылать их по кругу. Диалогичность чрезмерно подавляет – у тебя нет возможности обдумать мысль, если ты участвуешь в диалоге, – но ты можешь обдумать изобразительный ряд, и он заговорит, ибо в нем будет часть твоей души.

Алекс бросила взгляд на секретаршу и выразительно постучала пальцем по лбу.

– Иными словами, тридцать шесть изображений гениталий некоего животного должны для меня что-то обозначать.

Бурчание. Сопение.

– Верно.

– До меня дошло лишь, что они весьма невелики по размерам. – Она услышала, как захихикала Джулия.

– «Разновидности органов».

– «Разновидности органов»?

– Это заголовок, я придумал его.

– Для чего?

– Для новой книги, мы напишем ее вместе. – Бурчание. Сопение. – Я знаю твою страсть к фотографированию. Мое же внимание отдано половым органам.

– Филип, я вся в работе. Пятница для меня самый тяжелый день.

– Разрешите пригласить тебя на ленч на будущей неделе.

– Я буду очень занята.
– А как насчет обеда?
– Я думаю, что лучше все же ленч.
– Ты мне не доверяешь. – Голос у него был обиженный.
– Во вторник. Я могу позволить себе непродолжительный ленч во вторник.

– Заеду за тобой к часу. Договорились?

– Отлично. Пока.

Положив трубку, Алекс покачала головой и улыбнулась секретарше:

– Сумасшедший. Совершенно сумасшедший, но книга, которую он пишет, может оказаться блистательной – супер! – если он вообще закончит ее.

– А сможет ли кто-нибудь ее понять?

– Нет, но посему ей достанется несколько премий.

Снова зажужжал зуммер интеркома.

– Да? – сказала Алекс.

– Тут внизу полисмен, миссис Хайтауэр.

– Полицейский? – Первой ее инстинктивной реакцией было чувство вины, она стала лихорадочно вспоминать, все ли штрафы за неправильную парковку она оплатила. Или ее засекли на превышении скорости? Вроде бы нет. – Что ему нужно?

– Он хочет поговорить с вами. – В голосе девушки чувствовалась настойчивость; может, она тоже побаивается полицейских?

– А что, если он написал книгу? – предположила Джулия.

Алекс пожала плечами:

– Попроси его подняться.

Он появился в дверях, держа в руках фуражку и не отрывая глаз от ярко начищенных ботинок, затем уставился в точку на уровне письменного стола Алекс. Как он молод, удивленно подумала она; Алекс ожидала увидеть кого-то постарше, этот же был в возрасте ее сына. У него был приплюснутый, как у боксера, нос, но добрые голубые глаза и застенчивый смущенный взгляд.

– Миссис Хайтауэр? – Он выжидающе смотрел на обеих женщин.

– Да, – сказала Алекс.

Нервно, он посмотрел на Джулию, потом перевел взгляд на Алекс и заложил руки за спину, слегка переминаясь с ноги на ногу.

– Вы не против, если я перемолвлюсь с вами парой слов с глазу на глаз?

– Все в порядке, офицер, моя секретарша давно работает со мной.

Он снова посмотрел на Джулию и на Алекс:

– Я все же думаю, нам было бы лучше поговорить наедине.

Алекс кивнула Джулии. Та вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь.

– Миссис Хайтауэр... констебль Харпер из городской полиции. – Он отчаянно моргал.

Алекс вопросительно посмотрела на посетителя, он вызывал у нее какое-то беспокойство.

– Насколько мне известно, у вас есть сын... Фабиан?

– Да? – Похолодев, она посмотрела куда-то мимо него, в горизонтальную щель в жалюзи, на серые крыши внизу, обратив внимание, что капли дождя ползут по стеклу, как улитки. При этом она лихорадочно размышляла, что к чему.

Полицейский расстегнул верхнюю пуговицу форменной куртки и снова застегнул ее; уронил фуражку на пол и, поднимая ее, опустился на колени, после чего наконец успокоился.

– У него красный «фольксваген-гольф-ОТ»?

Алекс кивнула. Что, черт побери, он натворил опять? В последний раз полиция являлась полтора года назад, когда его засекли на превышении скорости. Она лишь молча кивнула, когда полицейский назвал регистрационный номер.

– Он путешествовал по Франции?

– Да. Катался на лыжах с друзьями... потом поехал в Бургундию на прием в честь дня рождения... ей минуло двадцать один год... дочка друзей моего мужа.

Полицейский не мигая смотрел на нее широко открытыми глазами, неожиданно он передернулся, словно от удара электрического тока. Алекс видела свое отражение на экране компьютера, стоявшего рядом с ее столом. Какой она выглядит старой, внезапно пришла ей в голову неуместная мысль, как она постарела.

– Нам позвонили из их полиции... жандармерии... в Меконе. Боюсь, там произошла дорожная авария.

Слова начали плавать вокруг нее, словно каждое из них было заключено в мыльный пузырь; она видела их, слышала их раз за разом в разных сочетаниях. Найден. Больница. Отправлен. В больницу. Незамедлительно. Но. По. Прибытии. Констатирована. Смерть. Она почувствовала, как по колену ударило что-то тяжелое, потом по другому. Глядя на полицейского, она видела перед собой два лица, потом они превратились в четыре.

– Не хотите ли чаю?

Кто произнес эти слова, неожиданно удивилась она. Он? Она? Алекс говорила автоматически, с привычной любезностью, стараясь быть вежливой, чтобы человек не чувствовал себя в идиотском положении, хотя она с трудом справлялась с душившимся ее гневом.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Произошла ошибка, ужасная ошибка. Мой сын дома, спит в своей кровати; он в целости и сохранности вернулся этим утром.

Констебль Харпер рассыпался потоком извинений и объяснений. Сев и не отрывая глаз от потеков дождя на стеклах, Алекс набрала номер домашнего телефона.

Она услышала щелчок, когда сняли трубку, и глухое гудение на линии. Сквозь него пробился голос ее уборщицы:

– Подождать, не уходить, пожалуйста. – Раздался стук положенной трубки, гул прекратился, и снова возник голос, на этот раз куда чище: – Очень извиняйте, я пылесос выключать. Мисс Айтоер дом.

– Мимси, говорит миссис Хайтауэр.

– Мисси Айтоер дома нету; звонить офис, пожалуйста.

Терпеливо переждав поток ее слов, Алекс повторила свои слова, медленно и громко.

– Хэлло, мисси Айтоер. – Наступила пауза, словно Мимси рылась в разговорнике. – Как вы есть там? – торжественно спросила она.

– Отлично. Могу ли я поговорить с Фабианом?

– Масса Фабиан. Он нет здесь.

– Он спит у себя.

– Нет, он не спит. Я только что чистить его комната. Вы сказать, он вечером возвращаться; вот комната для него чистить.

Повесив трубку, Алекс схватила пальто и вылетела в коридор, на ходу бросив Джулии:

– Буду через час.

Джулия обеспокоенно посмотрела на нее:

– Все в порядке?

– Да, все отлично! – буркнула Алекс.

Приткнув машину прямо на улице, она побежала к дому и взлетела по ступенькам. Слышался могучий гул пылесоса, остро пахло мастикой для полов. Минув гостиную, она увидела, как Мимси, сухонькая, как цыпленок, приводит пол в порядок. Взлетев по лестнице, она чуть ли не бегом добралась до комнаты Фабиана, приостановилась перед ней и легонько постучала. Не услышав ответа, открыла дверь. Постель была нетронута, в комнате ни дорожной сумки, ни разбросанной по полу одежды. В проветренном помещении пахло нежилой чистотой.

Она обвела взглядом комнату и наткнулась на странный неприятный портрет своего сына. Он смотрел на нее серьезно и надменно, засунув руку

за отворот пиджака, подобно Наполеону. Глаза полны какой-то холодной жестокости – никакого сходства с его теплыми, живыми глазами. Фабиан преподнес ей портрет в прошлом году как подарок на день рождения, но он ей не понравился; она пробовала пристроить его то на одной стене, то на другой и наконец повесила в комнате сына. Она вздрогнула, взглянув на портрет.

Алекс осмотрела другие комнаты, заглянула в ванную – пусто: вернувшись, Фабиан и следа не оставил. Она вернулась в его спальню, сняла трубку и набрала номер телефона Дэвида.

– Могу я перезвонить тебе? – спросил он. – У меня тут как раз кое-что срочное.

– Как и у меня, – ответила она, поймав себя на том, что голос у нее звучит более взволнованно – чуть ли не истерично, – чем ей хотелось бы. – Фабиан у тебя?

– Нет, – нетерпеливо сказал он. – Прошлым вечером он собирался быть на совершеннолетию у Арбуазов. Он еще не мог вернуться в Англию.

– Дэвид, произошло нечто странное.

– Послушай... я перезвоню тебе через полчаса. Ты у себя в кабинете?

– Нет. Я дома.

Алекс услышала с улицы клаксон, в котором явно чувствовалось нетерпение. Повесив трубку, она сбежала по лестнице. Мимси так и подпрыгнула от изумления, увидев ее.

– Мисси Айтоер, ой, вы и напугать меня!

Алекс торопливо вышла из дома.

– Прощу прощения! – крикнула она маленькому тонкогубому человечку, который, сидя в огромном БМВ, бросил на нее укоризненный взгляд и покачал головой.

Она торопливо залезла в свой «мерседес», отъехала чуть подальше и вернулась на то место, которое только что занимал БМВ. Потом снова возвратилась в дом.

– Так ты не видела Фабиана, Мимси?

Мимси покачала головой:

– Не видеть масса Фабиан. Он не возвращается домой.

В гостиной Алекс опустилась на диван; обводя взглядом стены абрикосового цвета, она почему-то подумала, как хорошо смотрится комната, и тут же перескочила на другое: странно оказаться дома утром в уик-энд. Глянув на вазу с красными розами на столике у дверей, она улыбнулась. Их доставили из «Интерфлоры» в ее день рождения три дня назад. К ним была приложена карточка с поздравлением от Фабиана.

Пурпурные розы – ее любимые цветы. Он всегда преподносил ей красные розы. Она закрыла глаза, прислушиваясь, как снова взвыл пылесос – звук обрел мощь и постепенно перешел в низкое гудение: Мимси безостановочно таскала его взад и вперед по ковру.

Утром Фабиан был в ее комнате, она видела его; но может ли она поклясться в этом?

Она услышала звук открывающейся парадной двери, но не обратила на него внимания – должно быть, молочник; Мимси разберется с ним.

– Мисси Айтоер.

Открыв глаза, она увидела перед собой взволнованную Мимси.

– Полицейский пришел. – Вытаращенные глаза Мимси чуть не вылезали из орбит; она ткнула себе за спину большим пальцем.

– Все в порядке, Мимси,пусти его.

Мимси продолжала смотреть на нее, и Алекс, кивнув, ободряюще улыбнулась.

Через несколько секунд в дверях уже неловко мялся констебль Харпер, держа в руках головной убор; губы у него нервно кривились.

– Простите, что снова беспокою вас, – сказал он.

Алекс убрала падавшие ей на глаза волосы и показала ему на кресло. Сев, он положил фуражку на колени.

– Прекрасный дом.

– Благодарю вас, – улыбнулась Алекс.

– Похоже, у нас проблема. – Он покрутил в руках фуражку. – Даже не знаю, как ее изложить. В больнице в Мелоне лежит молодой человек, который оказался жертвой... м-м-м... дорожного происшествия, – мистер Отто... – Констебль вытащил блокнот и заглянул в него. – Мистер Отто фон Эссенберг. Он говорит, что в машине были еще трое: мистер Чарлз Хетфилд, мистер Генри Хетфилд и мистер Фабиан Хайтауэр. Очевидно, он все еще не оправился от шока.

– Чарлз и Генри Хетфилды?

– Да.

Она кивнула.

– Вы их знаете?

– Да, их родители живут в Гонконге. Чарлз учится в Кембридже с Фабианом. Генри его младший брат. С ними все в порядке?

Побледнев, Харпер опустил глаза и отрицательно покачал головой.

– Насколько я понял... – он снова качнул головой, – они погибли. – Подняв глаза на Алекс, он опять стал вертеть в руках головной убор. – Вы сказали, что видели утром своего сына.

Алекс с трудом кивнула.

– Прошу прощения, это очень нелегко. – Он снова отвел от нее глаза. –

Где именно вы его видели?

– Он вошел в мою спальню.

– В котором часу?

– Около шести. Не уверена, но кажется, я посмотрела на часы.

Он старательно записал что-то в блокноте, руки у него подрагивали.

– Около шести?

– Да.

– Здесь?

– Да.

– Но сейчас его тут нет?

– Нет. – Она закусила губу, чувствуя, что не может отрицать очевидное.

– Вы не знаете, куда он ушел?

Она покачала головой – говорить становилось все труднее.

– Он что-нибудь сказал?

Алекс кивнула:

– Только одно: «Привет, мам». Я сказала, что удивлена его столь быстрым возвращением, а он ответил, что устал и пойдет спать. Утром, когда я уходила, он был в своей комнате.

– Вы видели его утром еще раз?

Алекс в упор посмотрела на полицейского:

– Нет, не видела; дверь была закрыта, и я не хотела его будить.

– Вы отправились к себе в офис?

Она кивнула.

Полицейский сделал еще одну пометку.

– Во сколько вы ушли?

– Около девяти.

– А во сколько приходит ваша уборщица?

– Примерно в четверть десятого.

– Этим утром она явилась вовремя?

– Сейчас я спрошу ее.

Алекс вышла из комнаты.

– Мимси! – позвала она. Мимси, поглощенная работой, не отозвалась.

Алекс коснулась ее плеча. – Мимси!

Уборщица подпрыгнула:

– Второй раз вы меня пугать сегодня. Нам не хватать «Вима». Вы забыть?

Алекс кивнула:

– Прости, я постараюсь запомнить.

– Окномой не приходите. Ленивый сволочь.

– Мимси, во сколько ты пришла сегодня утром? Это очень важно.

– Это утро рано. Девять и пять минут. Я успеть на ранний автобус – обычно не успеваю на него, мужу завтракать делать надо; сегодня он не завтракать – он ходит к врачу на анализы, и я успеть пораньше; я и уходить пораньше, если о'кей, да?

– Хорошо.

Алекс, кивнув, вернулась в гостиную.

– Она была здесь в пять минут десятого.

– Всего через десять минут после вашего ухода?

Алекс кивнула.

– Прошу прощения, это звучит несколько грубовато, но... вы не думаете, что возвращение вашего сына вам просто привиделось, может быть, приснилось?

Зазвонил телефон; секунду она прислушивалась к звонкому эху, и его обыденность несколько успокоила ее. Она сняла трубку:

– Алло?

– Привет, дорогая, прости, что так разговаривал.

Она бы предпочла, чтобы муж перестал называть ее дорогой, – никакая она теперь для него не дорогая; почему он продолжает делать вид, что у них все в порядке?

– У меня как раз самая критическая стадия эксперимента – я получил катализатор, который, по моему мнению, даст возможность производить шардоне, который не уступит шабли и будет куда дешевле. Ты себе представляешь отменное английское шабли?

– Звучит потрясающе, – ровным голосом сказала она.

– Как минимум речь может идти о «Премьер Крю»! Ты хорошо спала ночью?

– Да, – удивившись, сказала она. – Отлично. А ты нормально добрался?

– Да, без проблем... Можешь подождать секундочку?

Алекс услышала отзвуки голосов на заднем плане.

– Послушай, дорогая, мне нужно бежать в лабораторию, возникла небольшая проблема. Все становится коричневым. Знаешь, мне приснился какой-то странный сон – то есть я не подумал тогда, что это сон, но что же еще может быть? Я проснулся около шести, и могу поклясться, ко мне в спальню зашел Фабиан. Сказал: «Привет, пап» – и исчез. Проснувшись, я

обыскал весь дом, настолько я был уверен, что видел его. Нет, эта сельская жизнь мне явно не на пользу – Должно быть, у меня крыша едет!

Она смотрела на гроб светлого дуба с медными ручками, на красные розы, лежащие на крышке; на полосы солнечного света, пробивающиеся сквозь витражи; на доброе лицо священника на кафедре.

– «И видим мир мы как сквозь темное стекло», – прочитал он тихо, торжественно.

Гроб легко подняли. В нем лежал ее сын; она попыталась представить, как он выглядит. Дэвиду не дали взглянуть на него, когда тот приехал за ним во Францию. Слишком обгорел для опознания, сказали ему. Она видела, как вздулись вены на руках Дэвида. «Что я должна делать, – внезапно запаниковала она, – идти по проходу под взглядами всех этих людей или стоять на месте?» Тут до нее дошло, что это друзья, все вокруг – друзья, она покорно последовала за мужем, в глазах – туманная пелена слез, которые она старалась сдержать, и вышла наружу, где ждал черный «даймлер».

Кортеж остановился перед аккуратным зданием крематория из красного кирпича; все вышли на солнечный свет и в молчании остались ждать, пока могильщики вынут гроб и подготовятся к совершению обряда. Двое мужчин собрали розы, а двое других внесли гроб в помещение и поставили его перед темно-синим занавесом. Алекс подошла к гробу и положила на крышку единственную красную розу. Склонив голову, она еле слышно прошептала:

– Прощай, мой дорогой.

Алекс вернулась в передний ряд, где стоял Дэвид. Опустившись на колени и прикрыв глаза, Алекс старалась припомнить хоть одну молитву, но ей ничего не шло на ум. Она слышала, как помещение заполняется людьми, звучит тихая органная музыка. Она вслушивалась в слова заупокойной службы, но ничего не воспринимала, ничего, лишь щелчок и шорох материи, когда синяя завеса раздернулась и гроб медленно поплыл за ее пределы.

Она очнулась только в своем доме и, почувствовав себя неловко в толчее людей, сразу же осушила стакан шампанского. Над ухом, выкинув пенную струю, хлопнула бутылка, и она беспомощно откатнулась в толпу людей, которая понесла ее, словно огромная волна.

– Мне очень жаль, Алекс, – сказала женщина под темной вуалью, которую Алекс не узнала.

– Он был замечательный парень, – кивнула Алекс. – Из тех, кто никогда не позволял себе никаких глупостей, не так ли? – Она мяла в руках сигарету. Она заметила, что сквозь толпу к ней пробирается Сэнди, ее волосы в ужасающем беспорядке торчали черными клоками, напоминая вязальные спицы. Алекс инстинктивно отпрянула: вынести театральные эмоции Сэнди ей было сейчас не под силу. Она видела, как Отто повернулся к ней, его лицо с острыми чертами хищной птицы было страшно изуродовано: многочисленные раны заклеены пластырем. – Спасибо, что пришли, Отто, – улыбнулась она.

Он кивнул, с трудом выдавив из себя ответную улыбку, которая превратилась в жестокую гримасу.

– Фабиан попросил меня, – сказал он.

Алекс уставилась на него, но он отвернулся, вернувшись к прерванному разговору.

Закрыв дверь за последним из гостей, она еще раз затянулась сигаретой и приникла к стакану. Теперь она чувствовала себя лучше – сказывалось легкое опьянение, к тому же теплота и участие друзей и родственников помогли ей. Дэвид стоял прислонившись к стене, с бокалом в руках, не отрывая взгляда от двери в кухню.

– Хочешь, чтобы я остался? – спросил он.

– Нет, Дэвид.

– Думаю, сегодня вечером тебе не стоит оставаться в одиночестве.

– Я в самом деле предпочла бы побыть одна. Прошу тебя, я сама должна со всем справиться.

– Почему бы тебе не приехать в Льюис?

– Со мной и тут все будет о'кей.

Дэвид пожал плечами:

– Мне кажется, ты винишь меня.

– Тебя?

– За то, что я купил ему машину.

– Нет. Дорожные происшествия случаются довольно часто; не думаю, что так важно, какая это была машина.

– А если бы он не так гонял?

Алекс усмехнулась и покачала головой.

Взяв бутылку, Дэвид налил себе бокал – несколько капель пролилось. Он посмотрел на этикетку:

– «Вдова Клико».

– Любимое вино Фабиана: он всегда считал, что это самое лучшее шампанское.

– «Вдова Клико». – Он помолчал, смущенно глядя на Алекс, и покраснел. Понюхал вино. – Бутылка могла бы отлежаться еще немного.

– Очень жаль, – сказала Алекс. – Может, если бы ты попросил его, он подождал бы умирать еще пару лет. – Она прошла мимо него на кухню и поставила чайник на газ.

Последовав за ней, Дэвид мягко обнял ее.

– Ты знаешь, просто невероятно, что он явился во сне к нам обоим – и в одно и то же время. Я все думаю об этом.

– Должно быть, в это время он как раз и погиб, – сказала Алекс.

– Совершенно невообразимое совпадение.

Алекс открыла банку с «Нескафе» и насыпала кофе в две чашки.

– Тебе все так же, с сахаром?

– Одну ложку.

– Ты думаешь, это было совпадение? – осторожно спросила она.

Дэвид поднес бокал к свету и стал внимательно изучать цвет вина.

– Понимаешь, я уверен, что окраска должна быть более желтой. Не удивлюсь, если они сократили время выдержки, хотя, может, я и ошибаюсь. Но букет отличный.

Алекс не сводила с него глаз.

– Значит, ты считаешь, что это было совпадение?

– Совпадение? – рассеянно переспросил он. – Ах да, ну конечно. – Он заметил выражение ее глаз. – Ох, да брось ты, Алекс, неужели ты думаешь, тут что-то еще?

Она пожала плечами:

– Все это было очень странно. Слишком реально.

– Нужно сообщить в Кембридж, – сменил он тему разговора.

– Я об этом еще не думала.

– Завтра я туда позвоню.

– А я напишу родителям Чарлза и Генри.

– Хорошо.

Сидя лицом друг к другу, они пили кофе.

– Как твое шардоне? – спросила Алекс.

Дэвид улыбнулся:

– Шаг вперед, два шага назад; не могу добиться стабильных результатов. Как твое агентство?

– Дел выше головы.

– Готовишь какой-нибудь супербестселлер?

– Антологию боевых песен урду.

– Мир ждет от тебя именно этого?

– Сомневаюсь.

Он вскинул брови:

– А я думаю написать книгу о винах.

– Хорошая тема, – сказала она. – В этом году ко мне на стол легло шестьдесят четыре рукописи о виноградниках.

Дэвид встал.

– Ты же знаешь: говорят, шестьдесят пять – счастливое число.

Алекс улыбнулась:

– Позвони мне, когда приедешь домой.

– Тебе это нужно?

– Мне нужно знать, что ты благополучно добрался.

Когда она, поцеловав Дэвида, закрыла за ним двери, на нее внезапно навалилось одиночество.

В холле, где пол отделан черно-белыми плитками, а потолок достаточно высок, было темно; Алекс включила свет. Она вошла в гостиную – там стояла густая пелена сигаретного дыма, висели запахи косметики и шампанского, – раздернула шторы и сквозь высокое окно уставилась на улицу; чистое небо уже померкло, обретя сумрачную окраску. Она снова припомнила странные слова Отто: «Меня попросил Фабиан». Внезапно за спиной что-то шевельнулось. Ее обуял ужас, какого ей еще никогда не приходилось испытывать, – она похолодела, кожа ее покрылась мурашками. Ей показалось, что комната смыкается вокруг нее, ей захотелось разбить окно, позвать на помощь, но, парализованная страхом, она не могла пошевелиться. Краем глаза Алекс увидела, как за ее спиной, поднимаясь из кресла, шевельнулась какая-то тень.

– О, дорогая, прости меня, должно быть, я вздремнула, – сказала тень.

Онемев, Алекс уставилась на нее, внезапно поняв, что это Сэнди.

– Меня совершенно вымотали все эти переживания, понимаешь, я сижу на транквилизаторах, а они никак не совмещаются с алкоголем. – Зевнув, она потянулась. – Все ушли?

– Да, – еле шевеля языком, ответила Алекс. Она включила настольную лампу и, когда цветные тени из-под абажура протянулись по комнате, почувствовала себя куда спокойнее. – Ну ты и напугала меня.

– Прощу прощения, дорогая. – Проморгавшись, Сэнди пригладила руками копну черных волос, придав им форму двух толстых вязальных спиц.

– Хочешь кофе? – обрадовавшись подруге, спросила Алекс. Она почувствовала благодарность к Сэнди, что та может составить ей компанию.

– Не отказалась бы. Что ты собираешься делать вечером?

– Ничего.

– То есть... ты хочешь остаться тут сама по себе?

Алекс кивнула:

– Да, хочу побыть в одиночестве.

– Не стоит, радость моя, только не сегодня.

– Я уже которую ночь в таком состоянии, мне все равно.

Они двинулись в кухню. Алекс поймала себя на том, с какой обостренной внимательностью она рассматривает обстановку дома, словно идет по музею. Вот потемневший портрет прадедушки Дэвида в кавалерийской форме. «У Фабиана точно его глаза», – любил громогласно хвастаться Дэвид, а она предпочитала помалкивать – какой смысл его разочаровывать? Лишь она одна знала, что Фабиан ровно ничего не унаследовал от Дэвида, ни одного гена – эту тайну она хранила двадцать два года.

– Ужасно все это, – сказала Сэнди. – Там были еще двое ребят, они...

Алекс кивнула:

– Братья. Чарлз и Генри Хетфилды.

– Невероятно. Просто невероятно. Какое жуткое происшествие.

Грузовик вылетел на встречную полосу, не так ли?

– Автомобиль, – сказала Алекс.

Сэнди нахмурилась:

– Я была уверена, что в газете говорилось о грузовике.

– Так оно и было. Они ошиблись.

– Пьяный француз?

Алекс кивнула.

– Как можно вылететь на другую сторону автотрассы? До чего надо напиться!

Чайник засвистел.

– Ты о нем что-нибудь знаешь, дорогая?

– В общем-то нет, – ответила Алекс. – Вроде он поссорился с женой и выскочил из дому. Всю ночь пил: дела его шли неважно. Мягкие игрушки, что-то такое. – Она пожала плечами. – Дэвид знает больше.

– Ужасно.

Алекс принесла чашки в гостиную, и они снова уселись. Голова у нее раскалывалась от боли, и она прикрыла глаза.

– Я думаю, тебе надо повидаться с медиумом, дорогая, – сказала Сэнди, не отрывая глаз от чашки, в которой пыталась растворить последние крупички «Нескафе».

– С медиумом?

- Да.
- Нет, Сэнди, это не для меня; боюсь, я не верю во все эти штучки.
- А я думаю, все-таки веришь.
- Ты так считаешь? – удивленно спросила она.
- Ты же христианка, значит, должна верить в вечную жизнь.

– Сомневаюсь. – Алекс смотрела на охваченную нервным возбуждением женщину по другую сторону стола, которая пыталась засунуть сигарету в длинный тонкий мундштук, что было для нее сейчас не проще, чем вдеть нитку в иголку. Она знала ее еще девчонкой, со школьных дней, она всегда была с какой-то сумасшедшинкой, но доброй; за спиной у нее три развода, она была наркоманкой, алкоголичкой, увлекалась «Христианской наукой», вегетарианством, медитировала, погружаясь в махариши-йогу, и пыталась усвоить одновременно все религии, которые есть под солнцем, в результате чего ухитрилась сделать из своей жизни невообразимую путаницу, а вот теперь дает ей советы.

– Дэвид рассказал мне, что Фабиан приходил к нему в то утро, когда погиб, он приходил и к тебе.

– Да, мы оба видели один и тот же сон.

– Сон? – Она покачала головой. – То был не сон, дорогая, он приходил повидаться с тобой – дело обычное.

– Что ты имеешь в виду?

Сэнди уставилась на нее; ее тонкое, измученное лицо, в свое время довольно хорошенькое, было теперь основательно помято, а большие голубые глаза казались двумя заброшенными водоемами.

– У нас у всех есть духовные пастыри, дорогая, которые не спускают с нас глаз, но им не всегда удается быть рядом. Если кого-то постигает внезапная смерть, неожиданная для пастыря, теряется контакт, и душа человека бродит потерянной. Может, это и случилось с Фабианом; вот почему вы оба и увидели его; он пытается вернуться к своим истокам.

Сделав глоток кофе, Алекс уставилась на подругу со смешанным выражением жалости и презрения.

– Ты небось думаешь, дорогая, что я полная дура, дура, которая не смогла устроить свою жизнь? Хотя я и живу в одно время с тобой, но у меня было множество и других жизней; некоторые, очень счастливые, меня вернули в эти времена, чтобы я помогала другим справляться с трудностями. Душа моя стара, дорогая, она закалилась в испытаниях, а твоя нет, у тебя еще молодая душа, и ты должна принять мою помощь; это одна из причин, почему я здесь, – помогать другим.

Алекс покачала головой. На нее опять навалилась усталость, в ушах

стоял гул, словно в комнате было полно народу; ей захотелось встать и выйти прогуляться.

– Может быть, сон был телепатический, – сказала она. – Ведь это возможно, не так ли?

– Возможно, дорогая, – и тому есть масса свидетельств из потустороннего мира, но почему ты так считаешь? О телепатии мы знаем не больше, чем о мире духов. Я думаю, он явился к тебе, потому что нуждается в помощи.

– Какой помощи?

– Может, теперь у него все в порядке, дорогая; может, он мог уже воссоединиться со своим пастырем и о нем позаботились. Но если этого не произошло, он все еще бродит здесь, покинутый и одинокий.

– И как долго он будет скитаться?

– С той стороны время воспринимается по-другому, в иной перспективе; это может длиться вечно. Ты должна убедиться, что с ним все в порядке, и помочь, если этого еще не произошло.

– Как?

– Встретившись с медиумом; уж он-то все узнает. В таком случае, милая, ты, по крайней мере, будешь уверена, что сделала все, что в твоих силах. Я могу свести тебя с одним выдающимся специалистом. – Помолчав, она с силой затянулась, потом, выпустив клуб дыма, разогнала его ладонью. – Ты мне не веришь, да, дорогая?

– Нет, – встряхнувшись, сказала Алекс, – прости, не верю.

Алекс, испугавшись чего-то, проснулась. В комнате пульсировал свет; она не осмелилась открыть глаза, чувствуя, как по коже пошли мурашки, и еще плотнее сомкнула веки, боясь невольно поднять их; она замерла в ожидании. В комнате что-то было, она это чувствовала.

Алекс ясно видела перед собой деревянный гроб и красную розу на нем; лицо ее запылало жаром; она вдохнула запах бензина и почувствовала на лице жгучий ожог. Дыхание стало сбиваться, она задыхалась, судорожно сжав колени под простыней. Потом глаза ее широко открылись, в них ударил зеленоватый пульсирующий свет. Рассеянное мерцание собралось в слепящую точку. Она моргала на четыре счета: раз-два, раз-два. Жар как будто уменьшился, и теперь ее начало знобить; страх тоже отступил.

Алекс бросила взгляд на циферблат будильника, на нем также мигали точки. Полночь, подумала она. Обведя глазами комнату, она увидела знакомые очертания. Ребенком она боялась темноты, всегда спала при свете, но страхи ушли давным-давно, еще до того, как она вышла замуж. Точки продолжали подмигивать.

Она включила ночничок – все было как обычно: привычные звуки, привычные предметы. Издалека доносился гул грузовиков, сбрасывающих скорость на Кингс-роуд; казалось, что за окнами идет дождь. Она поднесла к глазам часы. Пять часов, но четыре точки продолжали мигать. Тут она поняла, что случилось с ее часами: они автоматически перевелись на полночь – ноль часов. Она потрясла их, пытаясь припомнить, как ставить время, устало посмотрела на мигание точек и поежилась – было невыносимо холодно.

Алекс вылезла из постели, подошла к окну и, раздвинув тяжелые занавеси, высунула руку. Воздух был теплым и мягким; удивившись, она убрала руку. Увидев, как изо рта вырываются облачка пара, она тихонько вскрикнула от изумления, чувствуя, что шевелятся волосы на затылке. Потом еще раз посмотрела в проем штор – на припаркованные внизу машины, на конус света от уличного фонаря; все было тихо и спокойно. Она слегка раздернула занавеси, позволив проникнуть в комнату оранжевой полосе света. Под ногами скрипнула паркетина, и она едва не подпрыгнула. Забравшись снова в постель, Алекс закуталась в одеяло и закрыла глаза, но продолжала чувствовать холод, жуткий холод, который пугал ее. Подтянув к себе телефон, она сняла трубку, послушала гудение тишины, набрала

номер, который знала наизусть, и стала ждать.

Один звонок, второй – «Пожалуйста, будь на месте», – третий, четвертый... «Ох, прошу тебя, будь на месте», – шептала она.

– Да-а?..

Она услышала привычное ворчанье и с облегчением вздохнула.

– Дэвид? – еле слышно прошептала она.

Снова растерянное ворчанье.

– Прости, что разбудила тебя, Дэвид.

– Алекс?

– Ты не спал?

– Мгм...

– Ты мне так и не позвонил.

– Не позвонил? – Голос у него был полусонный.

– Ты собирался позвонить, когда приедешь. Я беспокоилась.

– Который час? – пробормотал он.

– Половина пятого.

Наступила пауза, и она услышала шелест простыней.

– Я подумал, что на самом деле тебе не нужен мой звонок.

Она едва ли не физически ощущала теплоту его голоса, добродушные интонации, которые всегда успокаивали ее – говоришь словно с игрушечным мишкой.

– Я беспокоилась о тебе, – сказала она.

– Со мной все более или менее о'кей. А ты как?

– Не очень. А все-таки, что с тобой?

– Я себя чувствую чертовски странно. Как-то омерзительно. Все время думаю о том водителе, об этом ублюдке.

– Не надо.

– Если б он выжил, я бы убил его.

– Не надо.

– Прости.

– Мне так жаль Отто и ребят Хетфилд.

– По крайней мере, Отто остался в живых, – заметил он.

– Понимаешь, сейчас ему, должно быть, очень не по себе.

– Я не должен был покупать Фабиану эту машину.

– Тут нет твоей вины, дорогой; ты всегда был добр к нему.

– Я должен был заставить его ездить помедленнее.

– Не думаю, чтобы это имело какое-то значение. Прости, что подняла тебя. Спи.

– Да все в порядке, я уже совсем разгулялся.

– Поспи. Я позвоню тебе позже.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Посмотрев на трубку, Алекс грустно улыбнулась, осторожно положила ее на рычаг и снова прилегла на подушки. Она знала, что тоже любит его; ей не хватало его большого теплого тела, его нежности. Какого черта они расстались? На нее неожиданно навалилась усталость, усталость и жара, и она провалилась в глубокий сон; ей снился Фабиан – то воздушный и легкий, то мрачный и смущенный; он, смеясь, держал ее за руку и играл с ней, как ребенок, если не считать, что он был взрослым человеком, который неожиданно постарел, и так заметно, что она видела морщины на его лице. Она проснулась, дрожа и страшась открыть глаза в темной спальне. Затем она снова заснула, и на этот раз спала без снов.

В семь часов ее разбудил будильник, она не обратила на звонок внимания, но когда снова посмотрела на часы, то увидела, что уже без десяти восемь. Все, нужно возвращаться к нормальному существованию, подумала Алекс. Она еще будет посыпать голову пеплом, но ей необходимо решить, понравилось бы это Фабиану или нет. Последние десять дней прошли в каком-то тумане, заполненном ожиданием, пока французская бюрократия соизволит выдать тело, чтобы перевезти его в Англию. Дэвид вылетел во Францию – позаботиться обо всех формальностях, все организовать. Он не обращался к ней ни с какими просьбами. Вел себя безукоризненно. И теперь она должна вернуться к жизни, собраться с силами и заняться делами. В любом случае ее ждут – и сотрудники, и партнеры, и клиенты. Пришло время доказать им, что она может собраться, доказать это Дэвиду, но главным образом самой себе.

Алекс колебалась, прикидывая, что бы надеть. Фабиан всегда пристрастно относился к ее внешнему виду, он был куда внимательнее, чем Дэвид. Правильный подбор цветов, рисунка и линий, правильное сочетание предметов – господи, порой он становился невыносимым снобом. Она даже позволила себе чуть развеселиться и улыбнулась, сдерживая слезы, когда рылась в ящике, полном шелковых шарфиков, все работы Корнелии Джеймс, большинство из них куплено Фабианом. Так какой же из них? Она перебирала их один за другим, позволяя соскальзывать с рук легким цветным водопадом, и выбрала наконец бирюзовый. Аккуратно обернув им шею, она завязала его таким образом, чтобы был виден фирменный знак Корнелии Джеймс. «Ты доволен, дорогой? – подумала она. – Хорошо ли я выгляжу?»

Алекс залпом проглотила полчашки кофе, он оказался слишком горячим, схватила пальто и заторопилась выйти. Когда она уже была у

двери, звякнул звонок, и она сразу, едва он перестал звенеть, открыла дверь. Стоявшая на пороге женщина удивленно подняла на нее глаза и отступила на шаг: грудастая блондинка, с волосами выбеленными перекисью водорода, аккуратно, но несколько вызывающе одетая в белое и черное. Она смахивала на работницу актерского агентства, явившуюся за сценарием; розовый ротик был явно маловат для ее широкого лица.

– Миссис Хайтауэр? – Она с подчеркнутой аккуратностью выговаривала слова, словно на занятиях по выразительному чтению, дабы скрыть свой акцент Ист-Энда.

– Да? – Алекс оцетинилась, пытаясь понять, что она собирается ей всучить. На «свидетелей Иеговы» не похожа – слишком напоминает куклу, да и вообще те обычно ходят парами.

– Я Айрис Тремьян. Сэнди сказала, чтобы я поторопилась. Вы уходите рано, и лучше всего застать вас в это время.

Женщина смотрела Алекс прямо в глаза, и та почувствовала, что не может отвести взгляд. Какое-то мгновение Алекс еще думала, что же продает гостя – кухонные принадлежности или косметику «Эйвон»; да, скорее всего, косметику, хотя у нее не было при себе чемоданчика с образцами.

– В общем-то я уже опаздываю в офис, – заметила как бы между прочим Алекс, стараясь быть повежливее.

– Да, конечно, если вам сейчас неудобно, я полностью вас понимаю, но все же решила заглянуть не откладывая. Вдруг вы захотите получить известие о своем сыне.

И тут только Алекс поняла, кто такая эта женщина.

– Нет, – ответила она. – Благодарю вас, но я не хочу никаких известий о моем сыне.

– Мне было очень грустно услышать, что произошло.

– Спасибо.

– Сэнди очень беспокоится за него.

– Неужели? – бросила Алекс, понимая, что в ее тоне прозвучала воинственная нотка.

– Если бы вы присели, я была бы очень рада. Об оплате не идет и речи – Сэнди моя хорошая подруга.

– Миссис Тремьян, – холодно сказала Алекс, – мой сын мертв. Ни вы и ни кто другой не в силах изменить этот факт; боюсь, что я не очень верю в... – она сделала паузу, – как бы его ни называли... в мир духов.

– Я думаю, он хочет поговорить с вами.

Женщина настолько серьезно смотрела на нее, и на лице под слоем

косметики была написана такая искренняя заинтересованность, что Алекс, подпав под обаяние серьезности и искренности, забыла о нелепой прическе гостьи. «Ты бедная запутавшаяся дурочка», – хотела сказать она, но промолчала.

– Благодарю вас, – сказала она. – Но я должна идти.

Алекс кивнула секретарше и, избегая ее взгляда, направилась к своему столу.

Когда Алекс проходила мимо, Джулия подняла глаза от машинки и мягко улыбнулась.

– Доброе утро, – сказала она. – Занимайте свой пост. Хотите, чтобы я отменила встречи на этой неделе?

– Нет, Джулия, мы и так уж вволю наотменялись на прошлой неделе. Представление продолжается. – Прикрыв за собой двери, Алекс уставилась на огромную кучу почты у себя на столе. Перевела взгляд на календарь, где Джулия каждый день ставила нужное число: 21 апреля. Последние десять дней исчезли, словно она провалилась в дыру во времени.

Она вскрыла бумажный пакет и вытащила из него аккуратно напечатанную и переплетенную рукопись: «Предвидение жизни – сила моя и других». Стала просматривать первую главу – по первой же странице можно определить, стоит ли читать рукопись самой или передать ее Джулии.

«Бывало, я видел в темноте манящую руку. Когда я замечал ее, то знал – кто-то должен умереть. В первый раз это случилось, когда мне было семь лет, и на следующий день моя сестра попала под трактор. Тогда до меня дошло, что я обладаю способностью к ясновидению».

Она закрыла обложку и связалась с Джулией.

– Нам звонил автор, именующий себя Стенли Хилл?

– Нет.

– Думаю, мы что-то получали от него и раньше.

– Хотите, чтобы я проверила?

– Нет, я займусь сама. – Алекс включила свой БВИ, блок визуальной информации, и увидела в центре экрана три четких слова яркими зелеными буквами:

«ПОМОГИ МНЕ, МАМА».

Ее будто окатило холодной водой из шланга. Слова исчезли, экран поблек. Ее бросило в жар, лоб пылал, лицо заливал пот. Она выключила блок, снова включила его, но на этот раз на нем не появилось ничего, кроме стандартного перечня функций.

В ужасе она нажала на несколько клавиш; предыдущий текст исчез, и появилось «Досье клиентов». Она провела дрожащей рукой над клавиатурой в поисках нужной клавиши, но ошиблась, и машина гневно запищала, сетуя на ее оплошность.

– Вы в порядке, Алекс?

Она смотрела, как Джулия, словно при замедленной съемке, опускает на столик чашку кофе, и как бы со стороны услышала свой собственный голос:

– Да, со мной все в порядке.

– Вы ужасно побледнели.

– Я очень устала. Не выспалась как следует.

– Может, вам стоит принимать какие-нибудь пилюли... вы понимаете, пока не пройдет самое тяжелое время...

Алекс улыбнулась:

– Оно уже позади.

– Я думаю, вы очень мужественная женщина.

Глаза Алекс увлажнились, и она плотно сжала веки, но не смогла справиться с переполнявшими ее эмоциями, и из-под ресниц поползли слезы. Она почувствовала пожатие чьей-то руки и сжала ее в ответ; открыв глаза, Алекс увидела симпатичное личико Джулии, полное сочувствия; она заметила, что Джулия изменила прическу: теперь волосы у нее были коротко подстрижены, и она вспомнила, что ничего не сказала по этому поводу.

– Извини, – сказала она. – Мне нравится, как ты подстриглась.

– Спасибо.

– Не беспокойся. Я не собираюсь разваливаться.

– Мы это знаем. – Джулия протянула Алекс носовой платок.

– Все о'кей, у меня есть свой. – Она высморкалась. – Когда будут звонить, попроси, чтобы не задавали вопросов о моем самочувствии, хорошо?

Джулия кивнула.

– Скажи также, чтобы не упоминали о Фабиане, так мне будет куда легче.

– Да, конечно.

Алекс со страхом посмотрела на монитор процессора. Слова

отпечатались у нее в мозгу. Четко. Безошибочно.

– Не могу припомнить, как работает эта штука... хочу найти имя автора... этого типа.

Джулия пробежала пальцами по клавиатуре, и через мгновение появились слова: «СТЕНЛИ ХИЛЛ».

– В 1982 году представил нам рукопись под названием «Звездочет улетает к звездам», – сказала она.

– Скромненькое название, – заметила Алекс. – Почему мы ее отвергли?

Джулия склонилась к экрану:

– Недостаточно содержательна.

– Существует дюжина других агентов, почему он послал новую рукопись именно нам?

– Должно быть, вы написали ему очень любезное письмо.

– Сомневаюсь, – буркнула Алекс.

– Хотите, чтобы я ее прочитала?

– Нет, отошли обратно, прямо сейчас. Напиши, что нас не интересует подобная тематика.

– Такие книги хорошо продаются, – заметила Джулия. – Посмотрите на Дорис Стоукс.

– Мне все равно, пусть разойдется хоть миллион экземпляров; я не хочу заниматься этим.

Джулия, взяв рукопись, вышла из комнаты, Алекс снова уставилась на экран. «Помоги мне, мама». Эти слова снова и снова прокручивались у нее в голове. Она опять включила компьютер, и на экран выплыли ровные немигающие слова:

«ПОМОГИ МНЕ, МАМА».

– Похоже, ты очень озабочена.

Алекс взмахом руки разогнала клубы дыма.

– Ты куда-то исчез.

Филип Мейн запрятал кончик сигары «Кепстен» под свои моржовые усы, издал длинное ворчанье, напоминающее рокот гоночных машин на дальней дистанции, и выпустил очередной клуб дыма.

– В космическом смысле?

– Нет, – улыбнулась Алекс. – В физическом.

– Мгм... – задумчиво пробурчал он.

Она снова отмахнулась.

– Этот дым... тебя прямо не видно.

– О, – пророкотал он, смущенно пожав плечами, – в жизни осталось так мало удовольствий; а это – лишь временное неудобство: на ближайшую тысячу лет, а может быть, на пять или шесть тысяч, срок несуществен.

– А потом?

– А потом мы эволюционируем настолько, что будем предоставлены лишь самим себе; никаких встреч, все контакты будут осуществляться с помощью телепатии и непроявленных пленок, восторг при их проявлении заменит сегодняшние социальные контакты... все прочие удовольствия и... – он вскинул сигарету, – все прочие мелкие неудобства.

Она, улыбаясь, рассматривала его угловатую сутулую фигуру в поношенном твидовом пиджаке и костистую возбужденную физиономию с обвисшими усами. В свои сорок он все еще больше смахивал на студента, охваченного революционным пылом, чем на ученого, автора трех заметных, хотя и противоречивых книг.

– Как движется книга?

Склонив голову, он стал рассматривать ее, словно она была золотой рыбкой в аквариуме.

– Доказательства, я обрел доказательства. – Он поднял бокал с вином, сделал глоток и снова опустил его, расправив отсыревшие усы.

– Что за доказательства?

– Увидишь. Ты будешь поражена, девочка, в самом деле поражена. – При этих словах его лицо оживилось.

– Отлично, – с легкой растерянностью сказала она.

– Неопровержимые доказательства, что Дарвин был прав.

– То есть в ходе лабораторного эксперимента тебе удалось воссоздать процесс образования Вселенной?

– Предстоит отшлифовать еще кое-какие детали, но, Боже милостивый, да, я увидел, как это было сделано. Из двух пылинок, девочка, появилась ДНК, дезоксирибонуклеиновая кислота.

– А откуда взялись пылинки?

– Из чистого воздуха, девочка, – торжественно провозгласил он. – Из чистого воздуха!

Появился официант и стал раскладывать по тарелкам заказанное филе.

Неожиданно голос Мейна обрел мягкость:

– Твой муж был рядом с тобой последние две недели?

– Что ты имеешь в виду? – Она почувствовала, что краснеет, уловив еле заметное движение официанта – тот стал прислушиваться.

– Он помогал тебе?

– Да, он держался молодцом.

– Отлично, – без воодушевления сказал Мейн.

Она снова покраснела и посмотрела на официанта, который был занят разделкой филе.

– Он по-прежнему хочет, чтобы ты вернулась?

– Я... м-м-м... – начала она и запнулась. Взглянув на часы, она вывела на экранчик дату и удивленно уставилась на нее: 05.04. Может, 4 мая? Какой же сегодня день? Ведь все еще апрель, не так ли?

Смутившись, она снова посмотрела на часы.

– Алекс? Алекс?

Слова эхом отдавались в голове, и она попыталась понять, откуда они возникают; лицо с открытым ртом по другую сторону приблизилось к ней.

– Алекс? Ты в порядке?

Лицо было расплылось, но потом снова обрело четкость.

– Да, – сказала она, – да, я чувствую себя прекрасно.

– Ты страшно побледнела.

– Прошу прощения. – Она снова посмотрела на часы и нахмурилась. –
Который час?

– Без двадцати два.

Часы шли правильно.

– Прошлой ночью была гроза? – спросила она.

Нахмурившись, Мейн с подозрением осматривал стоящее перед ним филе.

– Оно что, побывало в сражении? – неожиданно громким и серьезным голосом спросил он официанта.

- В сражении, сэр?
- Похоже, этот кусок только что вышел из боя.
- Прошу прощения, сэр. – Помявшись, официант исчез.
- Гроза?
- Или буря с молнией?
- Возможно. Прошлой ночью было очень душно.

Алекс почувствовала облегчение.

– А может это как-то влиять на электрические приборы – скажем, на часы и тому подобное?

Мейн нахмурился:

– Возможно. Могут быть перебои в подаче энергии.

Несколько мгновений она молчала, раздумывая.

– А не может ли это оказывать какое-нибудь воздействие на механизмы, подпитываемые солнечной энергией?

Он медленно склонил голову:

– Вероятно. А что?

– Да ничего.

Он еще раз возмущенно взглянул на блюдо, отпил вина и разгладил усы салфеткой.

– Что ты думаешь о медиумах, Филип?

– О медиумах?

– Моя приятельница сказала, что мне стоит повидаться с одним из них.

Он подцепил на ложку вареную морковь и взыскательно осмотрел ее.

– Возьми моркови, – сказал он. – Тут ее готовят отменно.

Она подняла бокал.

– Ты не ответил.

– Некоторые считают, что медиумы могут быть полезны.

– Кому? Людям, которые не могут смириться с чьей-либо смертью?

Он пожал плечами.

– Ты христианка?

– Думаю, что да.

– Значит, ты веришь в вечную жизнь.

– Не знаю, во что я теперь верю.

– Блестящий пример эволюции вот эта дуврская камбала. – Он подцепил на вилку кусок рыбы. – Плавала вертикально, – он положил вилку и, имитируя движение рыбы, поднял ладонь, – и, лишь когда ей пришлось опуститься на дно, изменила характер движения – чтобы быть не такой заметной.

– Умно.

– У этой рыбешки были проблемы... с глазами. Когда она плыла плашмя, один глаз обшаривал дно, а второй смотрел в небо, а в один прекрасный день – хоп! – оба глаза оказались на верхней части головы.

– Какое это имеет отношение к медиумам?

– Неужели ты не видишь? Эволюция заставляет развиваться то, что заложено природой. Мы можем доказать, что человек создан не Богом. А если наоборот?

– Старый аргумент.

– Нет, новый, совершенно новый.

– Что человек выдумал Бога?

Он наколот на вилку кусок филе и, поднеся ко рту, стал внимательно его рассматривать.

– Нет, девочка, не выдумал. Сделал! Сделал! Если все животное царство возникло из двух пылинок и электрического разряда, почему бы и духовный мир не мог пройти такой же путь?

– Ты сумасшедший.

– Я умнее, чем эта рыба.

– С чего ты это взял?

– В противном случае она бы ела меня.

Алекс улыбнулась:

– Во всяком случае, ты меня развеселил.

– Вот и отлично, всем нам не мешает время от времени немного повеселиться.

– Неплохо. Хотя у этой рыбы такой вид, словно она явилась из ледникового периода, – сказала Алекс с набитым ртом.

Мейн положил нож и вилку и, слегка покраснев, сказал:

– Я... м-м-м... я вот думаю... не позволишь ли ты мне как-нибудь пригласить тебя на обед? То есть... может, не сразу... но, так сказать...

Она отрицательно покачала головой:

– Я предпочитаю, чтобы мои отношения с клиентами носили строго профессиональный характер.

Разглаживая усы салфеткой, он стал что-то говорить, его слова звучали приглушенно.

– Мы... э-э-э... наш обед мог бы носить строго профессиональный характер.

Она снова покачала головой:

– Не надо, Филип. Я не в том состоянии, чтобы завязывать какие-то отношения.

– Я предлагаю руку дружбы, всего лишь.

– О'кей, спасибо, я все поняла. Вот и продолжим нашу дружбу за ленчем.

– Значит, завтра к ленчу ты будешь свободна?

Она засмеялась:

– Завтра суббота.

– Прекрасный день для ленча.

– Завтра я еду в Кембридж – надо разобрать вещи Фабиана.

– Тогда, может, на следующей неделе?

– Может быть.

Ленч с Филипом Мейном поднял ей настроение; возвращаясь домой, она чувствовала себя куда лучше. Ей снова вспомнились те три слова на экране. Все дело в перепадах напряжения, подумала она. В чем же еще?

В доме было тихо и спокойно, пахло мастикой для полов. Темнело. Часы немного спешили. Уже было введено летнее время, но на деле летом еще и не пахло.

Остановившись в холле, Алекс как бы провалилась в пустоту. Последние десять дней прошли словно в тумане, и сейчас возвращение к нормальному существованию привело ее в смятение. Лучше бы она приняла приглашение на обед – все равно от кого, от Филипа или от мужа. Ей не хотелось этим вечером оставаться в одиночестве, наедине со своими мыслями. Она просмотрела список телевизионных программ в «Стэндард» – ничего интересного. Бросила газеты на диван и по узкой лестничке спустилась в свою фотолабораторию.

Фотография. В занятиях ею было что-то глубоко личное. И еще одно привлекало Алекс: секунда – и ты все знаешь, не надо продирается сквозь дебри страниц. Может, Филип и прав. Но ей еще надо побольше узнать об этом. Она не окончила последние несколько классов колледжа: время, вечно не хватало времени. Когда Дэвид оборудовал для нее эту темную комнатку, она любила запирается в ней; окруженная тишиной и странными запахами химикалий, она чувствовала себя здесь в абсолютной безопасности. Но сегодня вечером ей было не по себе – тишина буквально навалилась на нее.

На леске по-прежнему сушились отвратительные контактные отпечатки Филипа Мейна. Она сняла их, надеясь, что Мимси не рассматривала изображения, и уже готова была выкинуть их, когда что-то привлекло ее внимание: маленькое, еле заметное пятнышко на одном из кадров. Она взяла лупу, включила фонарь и стала рассматривать отпечаток.

В нижнем правом углу она обнаружила четкое изображение Фабиана,

который смотрел прямо на нее. И тут она заметила, что это изображение есть на каждом из кадров, точно в таком же ракурсе.

Она отшвырнула лупу, которая с треском ударилась о пластиковую стенку фонаря, и выпрямилась; ее била дрожь, кожа снова покрылась мурашками.

Лицо Фабиана возникло на отпечатках уже после того, как она проявила их.

Казалось, стены смыкаются вокруг нее. Она резко повернулась; ей показалось, что качнулась дверь. Схватившись за ручку, она распахнула ее. Никого.

– Эй! – крикнула она, уставившись в дверной проем. – Эй!

Но всюду царил тишина.

Пронзительный скрежет, казалось, потряс дом до основания. Она сдавленно вскрикнула и в ужасе ухватилась за дверной косяк. Скрежет завершился серией металлических звуков. Дверной звонок! Она почувствовала облегчение. *Кто бы ты там ни был, не уходи, прошу тебя, не уходи.* Алекс вылетела из фотолаборатории, взбежала по лестнице – ей было необходимо чье-нибудь общество, какой-нибудь человеческий контакт, все равно какой.

Алекс распахнула дверь и, задыхаясь, остановилась на пороге, уставившись на молодого человека с серьезным, чисто выбритым лицом и короткими вьющимися волосами. На нем был поношенный серый пиджак, слишком старый для него – скорее всего, он одолжил его у кого-то, подумала она, – и свитер с высоким воротником. Она взглянула на его обувь – потрескавшиеся бесформенные черные туфли, которые отчаянно нуждались в сапожном креме. Может, и их он у кого-то позаимствовал?

Он заговорил мягко и вежливо, неторопливо и тщательно выговаривая слова:

– Миссис Хайтауэр?

Алекс кивнула. Он был ей чем-то знаком, как старая газета, которую довелось когда-то прочитать. На коммивояжера он был не похож, и на мгновение ей подумалось, уж не очередной ли это медиум, присланный Сэнди, но в данный момент она ничего не имела бы и против него.

– Я Джон Олсоп, младший викарий... служу в вашем приходе... э-э-э... викарий рассказал мне о постигшем вас несчастье, и вот я подумал, что мог бы зайти и представиться... если это удобно. – Его правый глаз дважды дернулся.

– Пожалуйста... да, конечно. – Она закрыла за ним дверь. – Боюсь, мы не приглашали вашего викария на заупокойную службу... ее вел старый

школьный друг моего мужа, Джон Лэмбурн... у него приход рядом с Гастингсом. Я надеюсь, викарий не обижен?

– О нет, это совершенно в порядке вещей.

Они вошли в гостиную.

– Признаться, я не так часто посещаю церковь.

– Это не важно, – вежливо сказал Олсоп. – Но вам будут рады, если вы заглянете в одну из наших церквей.

– Благодарю вас.

– Как вы себя чувствуете? Похоже, вы еще не оправились от потрясения.

– Вряд ли можно ожидать многого после похорон своего ребенка, – ответила она.

– Да, – сказал он, – да. Смерть ребенка – это ужасно. У вас есть другие... э-э-э... дети?

Она покачала головой.

– Значит, вам еще хуже, если такое вообще возможно. – Глаз его снова дернулся. – Недавно я и сам пережил потерю – своей жены. И понял, что очень помогает разглядывать фотографии.

Алекс уставилась на него широко открытыми глазами, не в силах отделаться от мыслей об образе, который смотрел на нее с фотографий гениталий. Как? Как? Как он попал туда? Не стала ли она жертвой какого-то чудовищного розыгрыша?

– Мне очень жаль, – сказала Алекс.

Он грустно улыбнулся и кивнул.

– Благодарю вас.

– Она скончалась?.. – Она запнулась, подыскивая слова.

– От рака, – коротко ответил он.

Алекс кивнула, не зная, как реагировать.

– Ужасно. – Она снова увидела перед собой лицо Фабиана. – Ужасно. – Алекс решительно встала и тут же попыталась понять, чего ради она стоит. – Я бы... э-э-э... могу я предложить вам кофе?

– О нет, благодарю вас.

– Может, вы предпочитаете чай... или виски, или что-то еще?

– В общем-то ничего.

Но она уже направилась на кухню – ей было необходимо чем-то заняться, чтобы держать себя в руках. Она приготовила кофе, бросив в него щепотку какао, и уже готова была возвратиться с ним в гостиную, когда заметила на кухонном столе визитную карточку «Айрис Тремьян» и адрес – Эрл-Корт. Алекс бросила ее в корзину, но затем извлекла и положила на

стол. Взяв поднос, она вернулась в гостиную:

– Пожалуйста, угощайтесь, вот молоко и сахар.

– Благодарю вас.

Ей показалось, что он как-то странно смотрит на нее. «Неужели я так плохо выгляжу?» – подумала она.

– Да, – он снова дернулся, – фотографии. Они хранят память. И могут оказывать весьма целебное воздействие. И поверьте, со временем боль проходит. – Он улыбнулся и осторожно надкусил бисквит, словно опасаясь, что печенье может укусить его в ответ.

Алекс заметила, что он смотрит на вазу с увядшими красными розами.

– Фабиан преподнес их мне на день рождения – он всегда дарил красные розы; он любил их.

– У вас есть... э-э-э... сад?

– Боюсь, что с этим у меня безнадежно. Мой муж садовник.

– А-а... Насколько я понимаю, вы живете отдельно.

– Да. Мой муж занимался рекламой, но его истинным увлечением были вина. Вот он и решил все бросить и начать разводить виноград. К сожалению, сельская жизнь меня не устраивает.

– Иногда она слишком уж спокойная.

– Да.

– Вы, кажется, литературный агент.

Она кивнула.

– Я и сам пишу книгу. Небольшую.

Алекс почувствовала разочарование: уж не поэтому ли он зашел к ней?

– У вас есть издатель?

– О, я еще далек от ее завершения – и сомневаюсь, будет ли она достаточно хороша.

– Если вы хотите, чтобы я посмотрела рукопись...

– О нет. Не хочу доставлять вам никаких хлопот. Может быть, когда закончу, тогда. Буду вам очень благодарен...

– Наливайте еще кофе.

– С вашего разрешения, я возьму еще печенье. – Склонившись над столом, он взял с блюда бисквит. – Понимаете, может быть, вам стало бы легче, если бы вы поговорили с кем-нибудь из друзей вашего сына. Часто при жизни мы так мало знаем о наших близких и узнаем о них много хорошего, только когда они покидают нас; это может послужить большим утешением.

– Благодарю вас. Это хороший совет. Но он был довольно одинок. Насколько я знаю, у него было лишь два близких друга, и один из них

погиб в той же аварии.

Джон покачал головой:

– Некоторые вещи очень трудно понять, миссис Хайтауэр.

Алекс кивнула:

– Да.

– Но похоже, вы человек, который в состоянии справиться с трудностями.

– Да, – вздохнула Алекс, – я справляюсь. Так или иначе. – Она улыбнулась.

Он улыбнулся ей в ответ и отпил кофе.

– У вас есть какая-нибудь... – она покраснела, – какая-нибудь точка зрения на спиритизм?

Она увидела, как его лицо омрачилось, словно по нему прошла тень.

– Я бы не советовал вам, миссис Хайтауэр, я бы вам решительно не рекомендовал. А вы... – Он замялся.

– Нет-нет, но мне посоветовали...

– Я видел только зло, причиненное им, и никогда ничего хорошего.

Ей показалось, что ему вдруг стало не по себе и он собрался уходить.

– Я вообще не верю во все это.

– Весьма разумно. Если какая-то подруга посоветовала вам такое, то вряд ли ее можно считать близким человеком. Молитвы, любовь, добрые воспоминания и время – вот что исцеляет; ничего не удастся достичь, пытаясь вернуть тех, кто ушел от нас, ничего, кроме разочарования... – Он помедлил.

– И?..

– Существует много сил зла, миссис Хайтауэр. В мире вообще много зла; и те, кто занимаются оккультными науками, причиняют вред и себе и другим.

Алекс кивнула:

– Я и не собираюсь ими заниматься.

– Отлично. – Он улыбнулся. – Не хотите ли помолиться вместе?

– Помолиться вместе? – Алекс замялась, краснея. – Да... м-м-м... благодарю вас, – неловко сказала она.

Младший викарий прикрыл глаза, и они в один голос вознесли благодарение Господу. Затем он продолжал читать молитвы, а она сидела с плотно закрытыми глазами; странно чувствовала она себя в этой гостинице наедине со священнослужителем, но, открыв глаза, Алекс ощутила спокойствие и прилив сил.

– Не позволите ли нанести вам визит еще раз?

– Прошу вас, заходите каждый раз, как будете проходить мимо.

Он ушел – ей показалось, что он куда-то спешит; вообще в нем что-то изменилось в тот момент, когда зашел разговор о спиритизме, – появилась какая-то сосредоточенность, причину которой она не могла определить.

Закрыв за викарием дверь, она вернулась в холл. На лестнице, что вела в фотолабораторию, продолжал гореть свет, и она подумала, не стоит ли вернуться и еще раз просмотреть фотопленку. Нет, решила Алекс, этим она займется утром, при дневном свете, когда отдохнет и зрение не будет откалывать с ней такие номера. Она вздохнула: когда-нибудь ей все же придется заняться комнатой Фабиана, как-то определиться с его одеждой, с его вещами. А вдруг он оставил завещание, внезапно пришло ей в голову.

Алекс поднялась в его спальню и включила свет. В комнате было уютно и спокойно, словно та была рада ее появлению. Его тапочки у кровати, поставленные на место Мимси; глупая Мимси, с улыбкой подумала она. Мимси бурно восприняла все происшедшее; Алекс даже позавидовала подобному взрыву эмоций – так лучше всего расставаться со скорбью, – позавидовала неприязнательности Мимси и ее простодушному латиноамериканскому темпераменту. Порой ей тоже хотелось выплеснуть все свои чувства.

Алекс взглянула на строгий портрет на стене – взгляд Фабиана был холоден и тверд; она поежилась.

– Не смотри так, дорогой, – сказала она, закрывая глаза. – О Господи, позаботься о моем миллом Фабиане, защити его, где бы он ни был. – Она открыла глаза, в которых стояли слезы, присела на постель сына и тихонько заплакала.

Затем, встав, она увидела перед собой на стене фотографию в рамке – спортивная модель «ягуара» и огромные стилизованные плакаты с изображением старинных гоночных машин. Длинные ряды книг: научная фантастика, астрономия. Она посмотрела на стоящий у окна телескоп, который Дэвид подарил ему на шестнадцатилетие. Подойдя к нему, она сняла крышечку с тубуса и заглянула в окуляр. Алекс вспомнила, как Фабиан терпеливо показывал ей звезды: Большая Медведица, Плеяды, Уран, Юпитер. Он знал их все, а она никогда не могла толком разобрать, где какая; ей было трудновато найти даже Млечный Путь. Она снова посмотрела на звезды – огромные сгустки льда, не там ли где-то среди них обитает сейчас Фабиан.

Открыв ящик комода, она стала разбирать носки сына: зеленые, желтые, розовые – он всегда предпочитал яркие цвета. Ее внимание привлекло что-то на самом дне ящика, и она сдвинула носки в сторону. Это

была открытка с изображением длинного красно-кирпичного здания с магазинами и открытым кафе – «Квинси-Маркетс, Бостон, Массачусетс». Ниже лежало еще несколько открыток из Бостона, с самыми разными видами города: «Река», «Массачусетский технологический», «Гарвардский университет», «Гавань», «Панорама исторического „Бостонского чаепития“» – читала она названия. Странно, подумала она, он никогда не был в Штатах, никогда даже не заговаривал о них; почему набор этих открыток лежит на дне ящика, словно он прятал их?

Этой ночью она, как в детстве, спала не выключая света. Со временем все затянется, сказал младший викарий, раны перестанут болеть. Поспав какое-то время, она проснулась, взглянула на зеленый светящийся циферблат часов и лежала, обуреваемая чувством тревоги, слушая тишину ночи. Потом подняла глаза к потолку и перевела их на стену, за которой была комната Фабиана.

И увидела слова на экране монитора. А с фотографии на нее смотрел Фабиан.

Она плотно закрыла глаза, стараясь прогнать из памяти эти образы, заглушить все, что не давало покоя.

Когда Алекс ехала в Кем, начало моросить: точно так же, как в тот день, когда она везла Фабиана к началу первого семестра. Странно, подумала она, что в памяти остаются такие несущественные подробности. Машина, забитая вещами. Их разговор. «У тебя есть какие-нибудь соображения по поводу того, что ты будешь делать после Кембриджа, дорогой?»

Он смотрел перед собой, как бы грезя наяву. «Нет», – несколько торопливо ответил он.

Алекс поняла, что младший викарий был прав: как мало мы знаем о собственных детях, как бы они ни жались к нам, ни дарили розы, как бы ни чувствовали, в каком мы настроении. Она вспомнила тот день, когда сообщила Фабиану, что они с Дэвидом решили жить отдельно. «Я уже давно это знал, мама», – сказал он, подошел к ней и поцеловал, этот ее странный, высокий и худой сын, который с годами заметно окреп – в детстве он был ребенком со слабой грудью, с пугавшими ее вспышками ярости, странными приступами мрачности, он проводил долгие часы запершись в своей комнате.

Слыша эхо своих шагов, Алекс прошла по четырехугольному двору, поднялась по каменной лестнице и нашла 35-ю комнату. «Я волнуюсь, – осознала она, – волнуюсь перед тем, как постучать в дверь».

Дверь открылась почти мгновенно, и она отпрянула в сторону.

Почему он всегда обращается к ней так, словно подсмеивается? – подумала она. Она посмотрела на его мрачное настороженное лицо, которому порезы и синяки придавали еще более сатанинский вид; в его странных глазах читалась сдержанная насмешка, словно это была пара заговорщиков. Неужели он в самом деле был лучшим другом ее сына?

– Добрый день, Отто, как поживаете? – вежливо спросила она.

– О, прекрасно, миссис Хайтауэр. Не хотите ли кофе?

Она отметила легкий немецкий акцент, который только подчеркивал его отточенную итонскую интонацию – она не могла понять, принимает ли он ее сторону или борется с ней.

– Спасибо.

Он заправил кофеварку, поставил кофейник, чашку, молочник – неторопливо, словно совершая ритуал.

– Прекрасно, Отто, а то я думала, что большинство студентов умеют

готовить только растворимый кофе. – Она оглядела комнату.

– Так оно и есть.

Старая мебель, переходящая от одного курса к другому, голые стены с рядами книг, главным образом научных, – все это мало что говорило о его личности. Стопки бумаг, разбросанная повсюду мягая одежда... В корзинке для бумаг две бутылки из-под шампанского.

– Как вы себя чувствуете, Отто?

– Как себя чувствую?

Она кивнула.

– Эмоционально.

Поведя плечами, он сжал губами сигарету и прикурил ее.

– Хотите? – протянул он ей пачку.

Она покачала головой.

– Надеюсь, вы не испытываете чувство вины?

– Вины?

– Да. Из-за того, что вы... вы понимаете... остались в живых.

– Никакого чувства вины я не испытываю.

Кофеварка зашипела и стала плевать паром.

– Пожалуй, я бы и закурила, – сказала она.

Он протянул ей пачку.

– Ужасно несправедливо, что трое молодых людей погибли из-за пьяницы. – Нагнувшись вперед, она прикурила от зажигалки Отто. – Запойного пьяницы.

– Может быть, это было предначертано, миссис Хайтауэр.

– Предначертано? – Она затаилась. – Что они погибнут или что вы останетесь в живых?

Он вскинул брови.

– Скажите... – Она остановилась, чувствуя себя довольно глупо. – На похоронах, когда я поблагодарила вас, вы сказали, что это Фабиан попросил вас прийти. Что вы имели в виду?

Отто перегнулся через подоконник, рассматривая двор внизу.

Она смотрела на него, понимая, что, должно быть, он пропустил ее слова мимо ушей и ничего ей не ответит; сделав глоток кофе, она стряхнула пепел.

– Отто, был ли Фабиан счастлив тут, в Кембридже?

– Счастлив? Не знаю, как можно утверждать, что кто-то счастлив. – Повернувшись, он посмотрел на нее с какой-то усмешкой, будто скрывал что-то.

– У меня было ощущение, что ему тут нравилось; он был очень

привязан к вам и к Чарлзу.

Отто пожал плечами.

– Думаю, Кэрри он тоже был очень увлечен. Пару раз он приезжал вместе с ней, мне же казалось, что она не столь привязана к нему. Тем не менее я была огорчена, когда он бросил ее. Как ни смешно, она ему вполне подходила.

– Бросил ее?

Отто пересек комнату и раздавил окурочек в пепельнице.

– Он не бросал Кэрри. Это она бросила его. Отправилась в Америку, искать себя.

Алекс смущенно улыбнулась:

– Дети никогда полностью не посвящают родителей в свои дела, не так ли?

– Это зависит от родителей, – сказал Отто.

От его тона Алекс стало не по себе.

– Я думаю, у нас с Фабианом были достаточно близкие отношения. – Пожав плечами, она перевела взгляд на серое небо, отметив про себя, что окно давно не мыли, покосившиеся пружины сиденья заставляли ее сидеть несколько скособочившись, и, когда она шевелилась, они издавали громкий лязг. – Он сказал мне, что оставил ее... думаю, ему было бы не по себе... его «я» претерпело бы унижение, признайся он, что был брошен; другое дело, что у него никогда не было проблем с девушками.

– Почему вы мне это рассказываете, миссис Хайтауэр?

– То есть?

– У него вечно были проблемы с девушками.

– Какого рода?

– Я предпочел бы не углубляться в это. – Он улыбнулся какой-то странной улыбкой, как бы про себя.

Она с удивлением посмотрела ему в глаза, но понять что-либо было невозможно.

– Я проведу вас в его комнату.

– Следующая дверь, не так ли?

Отто кивнул.

– Если вы не против, я войду в нее первой. Если вам что-нибудь понравится – книги, что угодно, – прошу вас, возьмите.

– Спасибо.

Она ничего не почувствовала, когда вошла в комнату Фабиана, в такой комнате вполне мог обитать и чужой человек. Зябко, сыро и пахнет старой мебелью. Сквозь прорехи в тонком коврикe виднеются половицы;

дешевенький калорифер и гриль для поджаривания сэндвичей, который она ему подарила. На полке над вешалкой набор бутылок, одна еще наполовину полная. Она открыла пробку и понюхала. Пахнуло заплесневелой лакрицей; портвейн, подумала она. Вдоль стены тоже стояли бутылки с пыльными горлышками, среди них несколько откупоренных. В углу виднелось еще несколько бутылок с горлышками, аккуратно обернутыми золотой фольгой с оранжевыми этикетками. Нагнувшись, она прочитала: «Вдова Клико Поншарден».

На столе в бюро несколько письменных работ, она просмотрела их. «Были ли Гонерилья и Регана воплощением зла? Или же всего лишь практическими деловыми женщинами? Пытался ли Шекспир, опережая свое время, что-то сообщить нам? Если бы Деловая Женщина, обладательница Премии года, существовала в елизаветинские времена, могли бы они с ней справиться?» Алекс улыбнулась. Она вспомнила, что Фабиан всего несколько недель назад обсуждал с ней эту тему; она ясно видела, как он ходит по кухне, засунув руки в карманы джинсов и обстреливая ее вопросами.

Алекс огляделась; казалось, он выскочил лишь на несколько минут. Она подтянула стул, влезла на него и сняла со шкафа чемодан. Защелки открылись с легким металлическим щелканьем. Она подняла крышку и увидела рваное белье, сломанную вешалку и единственный черный чулок; она припомнила тот день, четырнадцать лет назад, когда он впервые сам упаковывал свои вещи: как аккуратно укладывал он тогда выглаженную одежду, полосатый жилетик, белые рубашки и свой серый пуловер начальной школы с аккуратно вышитыми на нем буквами; она поняла, что плачет, а ей не хотелось, чтобы Отто, если он войдет, увидел ее слезы.

Открыв верхний ящик стола, она обнаружила его дневник, прочитала несколько страниц начиная с марта, но не заметила ничего интересного: даты и время лекций; начало каникул было отмечено жирной чертой и надписью под ней: «Льжи». Она вернулась назад, к 15 января: «8 вечера. Обед. Кэрри». Предыдущий день: «7.30. Кино. Кэрри». После 15-го упоминаний о Кэрри больше не встречалось. Несколько дней записей не было, но их отмечала большая звездочка. Она вернулась к 7 апреля и, улыбаясь сквозь слезы, увидела, что дата обведена кружком с подписью внизу: «День рождения мамы».

Она стала листать страницы дальше и заметила еще несколько звездочек; их разделяло примерно две недели. Она увидела звездочку против 4 мая, и эта дата звоном отозвалась у нее в голове. Она почувствовала себя так, словно чья-то невидимая рука схватила ее и

окунула в холодную воду. 4 мая: она как раз что-то почувствовала во время ленча с Филипом Мейном.

– Ну как, справляетесь?

Она повернулась. В дверях стоял Отто, губы которого кривила зловещая всезнающая улыбка; гротескная маска на его изуродованном лице, как она догадывалась, скрывала много тайн ее сына.

– Вполне, – ответила она. – Все отлично. Тут еще остался портвейн в бутылке – можете воспользоваться им, если хотите.

– Портвейн не может стоять долго, – не без отвращения сказал Отто. – От него уже никакого толку.

– Ну что же, вина тут хватает – милости просим. – Ей хотелось, чтобы Отто взял что-нибудь, ей отчаянно хотелось что-то всучить ему, она и сама толком не понимала почему: то ли чтобы он был перед ней в долгу, то ли просто в знак благодарности.

Отто кивнул, не проявляя особого интереса.

– Не думаю, чтобы Фабиан хорошо разбирался в винах.

– Его отец... – возмущенно начала она и остановилась, поняв, что проглотила наживку. – Так что вы имели в виду, Отто, сказав, что у Фабиана вечно были проблемы с девушками?

Подойдя к книжной полке, Отто вытащил книгу и зашелестел страницами.

– Сомневаюсь, чтобы вы хорошо знали своего сына, миссис Хайтауэр, – рассеянно сказал он.

– А ваши родители хорошо знают вас, Отто?

– С тех пор как мне исполнилось четыре года, моя мать находится в доме. А мой отец... – он пожал плечами, – что ж, я достаточно часто видел его.

– Что значит – в доме?

– Просто в доме.

– В психиатрической больнице? – мягко спросила она.

Он отвел глаза.

– Что вы собираетесь со всем этим делать?

– Не знаю. Заберу с собой и... – Алекс поняла, что и в самом деле не знает, что делать. Она закрыла дневник и бегло просмотрела остальные бумаги. Среди них она увидела пачку почтовых открыток и писем, написанных женским почерком и адресованных Фабиану в Кембридж; пачка была перетянута резинкой. Она сунула ее в дневник и положила его на дно чемодана. Алекс чувствовала, что Отто наблюдает за ней, но каждый раз, как она поворачивалась к нему, он продолжал листать книгу. Сложив

пару брюк, она сунула их в чемодан, смутившись, словно ее поймали на мародерстве.

– Если можно, я бы взял эту книгу.

– Конечно. Берите все, что хотите... они не нужны ... то есть... я собираюсь раздать это... так что берите все.

Отто пожал плечами:

– Только эту.

– Что именно?

Он показал ей обложку. На мягком переплете стояло: «Ф.Р. Левис о Т.С. Эллиоте».

Она улыбнулась:

– Мне казалось, что вы изучаете химию?

– Я многое изучаю. – И, не произнеся больше ни слова, он вышел.

Когда она ехала в Лондон с чемоданом, брошенным на заднее сиденье, морось перешла в дождь. Глядя, как «дворники» отчаянно разгоняют воду, Алекс подумала, что это напоминает возмущенное размахивание руками.

Дождь перешел в ливень, щебенка барабанила по днищу машины, но вскоре ливень снова сменил дождь. Она вспоминала странное поведение Отто. Он всегда казался ей довольно неприятным типом, и сейчас она тем более уверилась в этом; после того, что ему досталось, думала она, все можно понять, но в нем была какая-то злобность, которая теперь еще усилилась, словно то, что он выжил, было чьей-то дурной шуткой, почти издевательством. И его странные замечания относительно Фабиана; может, он и прав, может, Кэрри и в самом деле бросила его, но слова Отто, что, мол, у Фабиана всегда были проблемы с девушками, заинтриговали ее. Что он хотел этим сказать? Что он был геем? Что они с Отто были любовниками? Она снова подумала о Кэрри. Симпатичная малышка с торчащими, как у панка, светлыми волосами, с чирикающим акцентом Южного Лондона; Алекс помнила, с каким изумлением она расхаживала по дому. «Букингемский дворец в цвету», – сказала она. Алекс улыбнулась. Едва ли.

«Честно говоря, я бы тут все продраил, мама», – сказал как-то Фабиан. Господи, временами он мог быть ужасным снобом, а порой мог делать что-то совершенно на него не похожее – например, притащить домой под Рождество эту девушку и вилять перед ней хвостом, делая вид, что все это веселая игра. Кэрри была далеко не дурочкой, в этом-то Алекс убедилась. Она попыталась вспомнить, чем та занималась в Кембридже; кажется, писала репортажи в какие-то странные левые журналы – что-то, связанное

с экологией. Алекс вспомнила: как-то, проезжая через Стритэм, Фабиан показал ей на один из домов и сказал, что тут живет мать Кэрри.

Внезапно донесся странный скрипучий звук, и она вздрогнула: по полосе скоростного движения мимо нее пролетела какая-то машина, выбросив из-под колес мощную струю воды, на мгновение ослепившую ее; снова что-то проскрипело – раз, другой...

Когда стекло очистилось, она замерла от ужаса, не в силах оторвать глаз от единственной красной розы, которая, застряв под «дворником», продолжала скользить по ветровому стеклу.

Она остановилась у высокой обочины и выскочила из машины, не обращая внимания на режущий ветер и порывы дождя. Мимо, буквально в дюйме от нее, пролетел грузовик, окатив ее потоком воды, Алекс отпрянула к боковой дверце «мерседеса». Обойдя машину, она протянула руку, но «дворник» снова пополз по стеклу, шелестя стеблем розы, шуршание которой перекрывало и ветер, и шум движения на дороге. Алекс вытянула розу. Уколовшись о шип, она выругалась, отпустила «дворник», и он снова принялся судорожно скрести стекло. Пролетел еще один грузовик, обдав ее клубами дыма из выхлопной трубы и окатив брызгами. Она влезла в машину, захлопнула за собой дверцу и включила освещение в салоне.

Роза была красной, кроваво-красной, как капелька крови, выступившая на пальце, – она сунула палец в рот и пососала. Алекс сидела, уставясь на проносящиеся мимо дьявольские цепочки огней, слушая рев и грохот машин, исчезающих в темноте.

Затем она посмотрела на розу. Как она очутилась на ее машине: то ли ее бросил кто-то из проезжавшего грузовика, то ли... Но нет, это невозможно, это просто совпадение, вот и все, стала уговаривать она себя. Ее била дрожь, она хотела отшвырнуть цветок, но вместо этого положила его на приборную панель и, продолжая испытывать страх, медленно снялась с места...

Захватив розу, Алекс остановилась в темном мрачном холле, оставив дверь полуоткрытой – она не знала, в чем дело, но ей не хотелось терять контакт с миром, лежащим за дверью.

Алекс снова пососала палец, который еще побаливал; стебель цветка был влажным, и она заметила, что некоторые лепестки уже опадают. Алекс вошла в гостиную и поставила цветок в вазу к розам, которые преподнес ей Фабиан на день рождения. Вздвогнув, та гордо выпрямилась среди остальных цветов, которые уже увядали или совсем опали, но Алекс не хотелось их выбрасывать – пусть еще постоят.

Порыв ветра резко ударил в распахнутую дверь, и та гулко стукнулась о стену; еще удар, и дверь с шумом захлопнулась, словно невидимая рука в ярости закрыла ее.

Алекс, направляясь на кухню, чтобы включить отопление, решила, что чемодан может полежать в машине до понедельника, потом она с помощью Мимси оттащит его наверх. Странно. Оказывается, отопление работало

весь день. Она вдруг заметила, что дыхание вырывается клубом пара, и, изумленно выдохнув еще раз, стала растирать озябшие руки.

Наверху раздался какой-то звук – то ли скрип пружин, то ли потрескивание половиц. Она прислушалась. Ее охватил озноб, заставив поежиться: застыв на месте, поджав пальцы на ногах, она стала вслушиваться. Снова что-то лязгнуло, и раздался звук воды, текущей по трубам; котел дважды громыхнул и отключился. Алекс перевела дыхание; идиотка, сказала она себе, дом всегда издает странные звуки, когда работает отопление.

Поставив чайник на газ, она вернулась в гостиную, где, волнуясь, посмотрела на розу и включила телевизор. Аудитория в студии как раз разразилась аплодисментами, и камера прошла по ряду сияющих лиц; на площадке разыгрывала действие вторая команда игроков, изо всех сил демонстрируя непринужденное веселье; ими руководил прилизанный шоумен, который как раз подносил микрофон брюнетке, а та подперла щеку языком. Алекс несколько минут тупо смотрела на экран. Эти тексты писал один из ее клиентов, критики считали их безвкусными, банальными и пошлыми, и они были правы. Но гонорар позволил уплатить арендную плату за прошедшие четыре года.

Все же было слишком холодно, и она не могла расслабиться. Поднявшись, Алекс подошла к вазе с розами, понюхала новый цветок и легонько погладила его лепестки.

Алекс вспомнила о чемодане Фабиана, лежавшем на сиденье «мерседеса», и удивилась: чего ради она решила забрать всю его одежду; на мгновение она даже обеспокоилась, что кто-то украдет ее. Затем пожалала плечами; может, это было бы к лучшему.

Будь тут Дэвид, они могли бы вытащить чемодан; ей захотелось проглотить свою гордость и обратиться к нему за помощью. Она снова потерла руки, поежилась, ей было грустно: хорошо бы оказаться рядом с Фабианом, держать его за руку, обнимать его; вот бы увидеть его в дверях, они бы вместе разобрали чемодан.

Алекс поднялась в его спальню; казалось, тут было еще холоднее; неужели Мимси выключила радиатор? Она приложила к нему руку и сразу же отдернула – горячий металл обжег ладонь. Она взглянула на медный тубус телескопа, на плакат на стене и перевела взгляд на портрет, смутно ожидая увидеть какую-то реакцию Фабиана, но тот лишь все так же холодно и надменно смотрел на нее. Алекс опустила перед ним на колени и закрыла лицо руками.

– Я люблю тебя, дорогой; где бы ты ни был, я надеюсь, что тебе там

хорошо; я надеюсь, что ты счастлив, что тебе куда лучше, чем было здесь. Боже, прошу Тебя, позаботься о Фабиане. – Она какое-то время постояла на коленях, затем медленно поднялась на ноги, чувствуя, что к ней пришло умиротворение.

Алекс вышла, осторожно прикрыв за собой двери, и, остановившись в коридоре, закрыла глаза.

– Спокойной ночи, дорогой, – сказала она и открыла глаза, в которых стояли слезы. Остановившись на верхней площадке, Алекс села на ступеньки и заплакала.

Она вспоминала изрезанное шрамами лицо Отто; представила, как его выкинуло из машины. Интересно, что же произошло в момент столкновения? Как реагировал Фабиан? О чем он успел подумать? Что подумал водитель другой машины? Как это все случилось? Казалось, эти вопросы, написанные ярко-зелеными буквами, наплывают на нее из черной пустоты. Что чувствует Отто, которому посчастливилось остаться в живых? Почему он так чертовски странно ведет себя? В его присутствии у нее мурашки ползут по коже. Что он на самом деле знает? Какие-то тайны, связанные с Фабианом? Или его слова – пустая болтовня, шутка дурного тона; а что, если бы они с Фабианом, смеясь, появились в дверях и, пройдя мимо нее, напрямик направились в его комнату и заперли двери – что бы они там делали? Смотрели на звезды? Занимались любовью?

Она услышала снизу взрыв смеха, аплодисменты и голос – слов она не могла разобрать; на нее снизошло грустное спокойствие, и ей захотелось быть доброй и всепонимающей. Она подумала о Дэвиде, усталом и растерянном, ему, должно быть, очень одиноко на ферме в обществе собаки и овец; войдя в спальню, Алекс набрала его номер.

– Дэвид?

– Как ты? – В его голосе звучала радость; она с грустью поняла – он всегда рад, когда она звонит, а ей иногда хотелось, чтобы в его голосе звучали гневные нотки, чтобы он был чем-то взволнован или расстроен – все, что угодно, лишь бы покончить с чувством вины за то, как она с ним поступила.

– Мне просто захотелось поздороваться.

– С тобой что-нибудь случилось?

– Я сегодня ездила в Кембридж – освободить комнату Фабиана.

– Спасибо, что ты этим занялась; должно быть, тебе было нелегко.

– Все о'кей, если не считать, что я столкнулась с небольшой проблемой.

– Какого рода?

- Не могу вытащить его чемодан из машины.
- Она услышала, как он засмеялся.
- Хочешь, чтобы я подъехал и помог тебе?
- Не говори глупостей.
- Я не против... я бы сейчас приехал... или... – Он понизил голос. – Или у тебя свидание?
- Нет, я ни с кем не встречаюсь.
- Ну, так я сейчас приеду и выведу тебя пообедать.
- Я не хочу, чтобы ты тащился по этой дороге.
- Буду через час... максимум через полтора. Все же лучше, чем разговаривать с бараном.

Алекс повесила трубку, разозлившись сама на себя: она то и дело дарит Дэвиду надежду, так его раны никогда не затянутся. Ее продолжали удивлять облачка пара при дыхании, и она уставилась на них, подумав было, что, должно быть, это дымок сигареты. Но в данный момент она не курила. Она смотрела, как перед глазами проплыл облачный клуб, такой плотный и густой, что ей показалось, будто она различает в воздухе кристаллы льда; внезапно ее снова охватил холод, невыносимая волна холода окутала ее. Возникло ощущение, будто в комнату вошло нечто злобное и неприятное, нечто преисполненное гнева.

Алекс встала и прошла по коридору в кухню, но это ощущение не покидало ее. Руки дрожали от холода, дрожали так, что она уронила на пол пакетик с чаем; наверху снова стали раздаваться какие-то звуки, на этот раз их источником был явно не котел. Она решительными шагами вышла из кухни и, распахнув парадную дверь, очутилась в оранжевом конусе света уличного фонаря.

Дождь прекратился, но по-прежнему дул сильный ветер, и все же ее накрыло пуховым одеялом тепла. Обняв себя за плечи, она медленно направилась вниз по улице.

Алекс услышала звук автомобильного клаксона, шум двигателя и уловила запах свиного помета, столь неожиданный для Челси. Оглянувшись, она увидела заляпанный грязью «лендровер» Дэвида. Опустив стекло, он высунулся из окна:

- Алекс!
- Удивившись, она махнула ему рукой:
- Как ты быстро добрался! Я думала, ты появишься не раньше восьми.
- Уже половина девятого.
- Половина девятого? – Нахмурившись, она посмотрела на часы. Нет,

это невозможно. Ведь прошло всего лишь несколько минут. Она поежилась. Что же происходит?

– Что ты делаешь на улице без пальто?

– Просто вышла подышать воздухом.

– Залезай.

– Тут есть место для стоянки... так что лучше занимай его, ближе все равно не подъедешь.

Он кивнул:

– Субботний вечер, я и забыл.

Она понаблюдала, как он задним ходом подал машину на свободное место и вылез.

– Ты не собираешься ее закрывать?

– У меня нет привычки запирать машины. – Он поцеловал ее, и они направились к дому.

Сколько времени она бродила по улице? Ведь не полтора же часа?

– Ты вроде озябла, – сказал он.

– Я... э-э-э... в доме было жарковато... отопление. Давай вытащим чемодан, я оставила машину как раз здесь.

Пошатываясь под тяжестью чемодана, они вошли в дом, и Алекс почувствовала, как тот стукнулся о стенку.

– Осторожно, – бросила она.

– Прости.

Они опустили чемодан на пол, и Дэвид закрыл двери; Алекс увидела на ковре лепешку засохшей грязи.

– Ради бога, Дэвид, сколько грязи ты натащил! – внезапно оживившись, закричала она.

Он покраснел, словно был в чужом доме, и, нагнувшись, развязал шнурки грубых башмаков.

– Прошу прощения, – покорно пробормотал он. – Сейчас уберу.

Она сразу же пожалела о своей вспышке и виновато посмотрела на Дэвида, который, согнувшись, стаскивал обувь. Она видела его обвисший свитер с высоким воротником, потертую твидовую куртку с неумелыми заплатками и бесформенные коричневые брюки. В бороде пробивалась седина, а загрубевшая кожа на лице покраснела. Трудно представить себе, подумала она, видя, как он стоит в грубошерстных носках, из которых высовываются большие пальцы, как взыскательно в свое время относился он к своей внешности – носил костюмы лишь от лучших портных, шелковые рубашки, мокасины от Гуччи, предпочитал ездить только в «феррари» и любил по утрам заскакивать к «Трампу», приветствуя Джонни

Голда и называя по именам официантов.

– Ты права, – сказал он, – здесь и в самом деле жарко. Невероятно жарко. Ну, как ты себя чувствуешь? – Он потянулся поцеловать ее, споткнулся и чуть не упал. – Оп!

Она почувствовала колючее прикосновение его усов, уловила запах алкоголя; кончик его языка проник между ее губ. Она поежилась.

– Дэвид, – укоризненно сказала она.

– Я всего лишь поцеловал свою жену.

– Тебе обязательно надо было выпить, прежде чем ехать на встречу со мной?

Он смущенно переминался с ноги на ногу.

– Если бы тебя перехватили и заставили подышать в анализатор, с тобой было бы кончено. Хочешь кофе?

– Я бы предпочел немного виски.

– Думаю, тебе уже хватит.

Господи, ну чего ради она вытащила его, подумала Алекс, испытывая чувство вины; теперь ей хотелось, чтобы он исчез, – он был ей не нужен – ни он, ни кто-либо другой. Все это ошибка, игра ее воображения, или нет? Так или иначе, она должна во всем разобраться. Когда рядом с тобой живой человек, чувствуешь себя увереннее.

Она сварила для него кофе и принесла в гостиную. Разозлившись, вырвала у него из рук стакан с виски.

– Выпей вот это; я хочу, чтобы ты протрезвел: мне надо поговорить с тобой.

– Я могу остаться тут на ночь, – сказал он.

– Нет, не можешь.

– Это мой дом.

– Дэвид, мы же договорились.

Он устался в чашку с кофе и сморщил нос. Господи, он и в самом деле смахивает на одного из буколических грубоватых фермеров из книжек, подумала она. Как только человек может столь быстро и решительно измениться? Ведь прошло всего два года. Или же он менялся уже давно, а она не замечала? Сейчас он был тут чужаком, и эта обстановка его явно тяготила; Алекс пришлось напрячь память, чтобы вспомнить: ведь именно он обставлял дом, тут все было сделано по его вкусу – и мебель, и расцветка. И как бы там ни было, в его присутствии она чувствовала себя в безопасности, словно бы рядом с ней был большой мохнатый добрый медведь. Она была напряжена, как рояльная струна, и, присев на ручку кресла рядом с Дэвидом, слушала громкие хлюпающие звуки, с которыми

он тянул кофе, пытаясь разобраться в сумятице мыслей и путанице эмоций.

Смущенно повертев в руках стакан с виски, Алекс осторожно поставила его перед Дэвидом.

– Может, это прозвучит странно, Дэвид, но мне все время кажется, что Фабиан где-то рядом.

Нахмурившись, он поднял на нее глаза:

– Где-то рядом?

– Да.

– Ты хочешь сказать, что, по-твоему, он не погиб?

Алекс взяла сигарету и протянула ему пачку. Он покачал головой и извлек из кармана кисет с табаком.

– Я был в морге. Я провел во Франции шесть ужасных дней с телом моего сына... нашего сына.

– Но ты не видел его?

– Нет, слава богу, не пришлось; мне не дали... сказали, он в таком виде...

Алекс передернулась.

– Я знаю, что он мертв, Дэвид. Но у меня такое ощущение... сама не знаю, в чем дело... такое ощущение, что он рядом.

– Ты продолжаешь помнить его... мы оба, это естественно.

– Ты не думаешь, что тот сон, в то утро, когда он погиб, – тот сон, что приснился нам обоим, – ты не думаешь, что в этом есть какая-то странность?

Он вскрыл жестянку и вытащил из нее листик папиросной бумаги; она смотрела на его сильные грубоватые пальцы: желтые пятна никотина, черные ногти.

– Совпадение, а может, телепатия. У моей матери было нечто подобное во время войны, в тот день, когда погиб мой отец: она клялась, что видела его сидящим у живой изгороди в дальнем конце лужайки. Она обратилась к медиумам, они устроили в доме несколько сеансов, и потом она утверждала, что постоянно разговаривает с ним.

– И что он говорил?

– Ничего; разве что рассказывал, что там вокруг все синее. В этом-то и дело, мертвые никогда не замечают ничего интересного. – Он лизнул краешек бумажки и свернул самокрутку.

Дверь внезапно дернулась, приоткрывшись на несколько дюймов; Алекс подпрыгнула, сердце учащенно забилося; порыв холодного ветра коснулся затылка, и, повернувшись, она увидела, как пузырем вздулась портьера.

– Это ты открыл окно?

– Да, – признался Дэвид.

Она почувствовала облегчение, будто ее окатило потоком теплой воды.

– Ты очень вымоталась, – сказал он. – Тебе бы нужно отдохнуть, отправляйся куда-нибудь.

– В данный момент не могу: мне предстоит заключить две очень важные сделки.

– Отправляйся в «Замок Хайтауэр» – можешь занять свою комнату и заниматься чем захочешь. Там спокойно, а сделки можно заключать и по телефону. Приезжай в любое время, только дай знать, тебе будут очень рады.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Может быть. – Помедлив, она склонилась к столу, рассеянно водя пальцем по кромке стакана с виски. – Я хочу кое-что тебе показать.

Она провела его в фотолабораторию, но, взяв со стола отпечатки, в изумлении уставилась на них; на фотографиях не было ничего, кроме мешанины серых и белых пятен. Покачав головой, она поднесла негативы к стеклу фонаря. Ни на одном кадре ничего не осталось. В полном смысле слова – ничего. Словно их никогда не проявляли.

– Должно быть, ты не закрепила их как следует, – сказал он.

– Не смейся. Конечно, я все сделала как надо.

– А может, раствор хранился слишком долго и стал слабым... так бывает. А что на них было?

– В этом-то все и дело. Эти снимки прислал мне клиент... целую катушку; он несколько эксцентричен... там были кадры гениталий некоторых животных. – Она заметила недоверчивый взгляд Дэвида и покраснела. – Он знал, что я интересуюсь фотографией. Как бы там ни было, я проявила их и сделала отпечатки, получились они отлично; я повесила их сушиться, а когда спустилась проверить, то на каждом кадре увидела лицо Фабиана – оно появилось на них само собой.

Взглянув на нее, Дэвид пожал плечами:

– Двойная экспозиция.

Она покачала головой:

– Нет, не могло быть.

– Он знал Фабиана, этот твой клиент?

– Нет. Да и вообще у него не было никаких причин снимать Фабиана.

И к тому же на негативе его не было.

– Ты хочешь сказать, что не заметила его.

– Нет. Просто его там не было.

– Ты уверена? Может, ты не обратила внимания?

Она покачала головой.

– Алекс, ты понимаешь, что в данный момент очень напряжена и...

– Да нет же, дело совершенно не в этом, – фыркнула она. – Господи, к чему ты клонишь? Хочешь засунуть меня в психушку?

– Может, тебе стоило бы повидаться с врачом?

– Дэвид, я в полном порядке! Я справляюсь со всеми делами; но тут происходит нечто странное. Я чувствую, что Фабиан где-то здесь, вот почему и появилось его лицо.

– И Фабиан стер пленки?

Она повела плечами:

– Может быть.

– Что еще?

– Да разные глупости. – Она встряхнулась. – Скорее всего, ничего особенного. Я просто думаю – может, и в самом деле имеет смысл обратиться к медиуму? Если я так и сделаю, ты придешь?

Он отрицательно покачал головой:

– Забудь, дорогая; тебе же будет хуже. Даже если ты обратишься к медиуму и установишь связь с Фабианом – что ты ему скажешь?

Она посмотрела на мужа и отвела глаза, залившись краской. «Я-то знаю, что я ему скажу», – подумала она.

– И что, как ты предполагаешь, он тебе скажет?

Она пожала плечами:

– Я, как и ты, всегда достаточно снисходительно относилась к такого рода вещам. Дэвид, это всего лишь... – Она помолчала. – Может, ты и прав, может, мне надо остановиться. Давай втащим чемодан наверх.

– А потом я угощу тебя обедом; мы отправимся в какое-нибудь симпатичное заведение, хорошо?

Она посмотрела на него и кивнула.

– Господи, до чего же здесь холодно, – сказал он, когда они внесли чемодан в комнату Фабиана. – Куда его поставить?

– На пол.

– Давай положим его на кровать, – предложил он. – Тебе будет легче его разбирать. И надо включить отопление, а то тут все отсыреет.

– Оно уже работает. И я думаю, что на полу было бы...

Но Дэвид уже направился к постели и под аккомпанемент звона пружин водрузил на нее чемодан.

Алекс заметила, как растерянно Дэвид озирался вокруг, словно посетитель музея, который пытался найти в нем свои вещи.

– Телескоп... Господи, я помню, как подарил его.

– Он обожал смотреть в него.

Дэвид перевел взгляд на портрет, и Алекс заметила, что ему стало неприятно. Он отвел глаза.

– И все тот же бруклинский плакат...

Старые гоночные машины уносились за обрез листа. Дэвид подошел поближе.

– Помню, как я вешал его Фабиану – ему было тогда лет семь или восемь. Я прямо измучился с ним – никак не мог найти нужное расстояние от пола, пришлось раз десять забивать эти чертовы гвозди. – Он снял плакат со стены. – Смотри, все следы остались! – Он показал на облупившуюся штукатурку и зияющие дыры.

– Смешно, какие мелочи застревают в памяти, – сказала Алекс, наблюдая, как бережно он вешает плакат на старое место. Для кого?

Она вышла в коридор, внезапно почувствовав, что хочет быть подальше от этой комнаты и от Дэвида тоже; его присутствие – то, как он ходил по дому, переставляя вещи, – раздражало ее. «Оставь их в покое – хотелось сказать ей, – да оставь же их в покое, идиот!»

Он тоже вышел из комнаты, бледный, с опущенной головой, и она мгновенно разозлилась на себя: как же она позволила таким чувствам овладеть собой, почему она не замечает его горя? Ведь ребенок так много значил для них обоих – после бесчисленных визитов к специалистам, после неудачных беременностей, когда она бесконечно лежала на сохранении, и наконец – последняя надежда. И ее тайна.

Медленно спускаясь вниз, они остановились на лестничной площадке. Дэвид обнял ее, прижал к себе, и Алекс прильнула к нему. Неожиданно ее снова окатила волна холода, захотелось спуститься и закрыть окно. Алекс не покидала печаль – холодная пустая комната, на кровати чемодан, который Фабиан никогда больше не откроет... От сильного тела мужа шло тепло, рука продолжала крепко сжимать ее плечи. Она потерлась о мягкую щетину скулы, поцеловала его в щеку и тут же почувствовала, как он напрягся; влажные губы скользнули по ее лицу, и он начал медленно, шаг за шагом, увлекать ее к спальне; его поцелуи становились все более страстными.

– Нет, Дэвид, нет.

Он поцеловал ее в подбородок и приник к губам. Она отвернулась:

– Нет, Дэвид.

– Да, – сказал он. – Да, мы должны.

То был голос Фабиана; она открыла глаза и увидела его лицо.

– Нет, – повторила она, отталкивая его. – Нет! Уходи!

Он снова приблизился к ней.

– Уходи! – закричала она. – Убирайся!

Застыв от изумления, Фабиан уставился на нее, затем он снова стал Дэвидом и опять Фабианом, пока она уже не могла разобрать, кто есть кто.

– Уходи, уходи!

– Алекс, дорогая, успокойся!

Она с силой ударила его между ног, увидела, как гримаса боли сменилась удивлением, и начала барабанить по его груди. Он перехватил ее руки.

– Успокойся, – услышала она. – Алекс, успокойся!

– Я спокойна! – заорала она в ответ. – Ради бога, я совершенно спокойна. Только убирайся!

– Прости, дорогая, я не имел в виду...

Она задыхалась от необъяснимой ненависти к нему, зрачки были расширены.

– Иди! – крикнула она, не узнавая свой собственный голос. – Иди же, иди, я не вынесу, если ты тут останешься. – Она снова отметила, что он ошарашен, скрестив руки он держался за промежность. – Прошу тебя, Дэвид, – сказала она. – Пожалуйста, оставь меня.

– А как насчет обеда? – растерянно спросил он.

– Я хочу побыть одна. Не могу это объяснить, но мне надо побыть одной. Прости, я сделала ошибку, не стоило просить тебя приезжать. – Она смотрела на него, чувствуя страх, опасаясь, что в любой момент Дэвид может преобразиться в Фабиана. – Просто я еще не готова, ни к чему не готова; мне нужно время, чтобы разобраться в себе.

Она спустилась вслед за ним по лестнице.

– Ты сможешь... доехать до дому?

Дэвид посмотрел на нее и пожал плечами.

– Сюда же я доехал.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Очень жаль.

– Позвонить тебе, когда я доеду?

– Позвонить? – рассеянно переспросила она. – Конечно, если хочешь.

Алекс закрыла двери, вернулась в гостиную и рухнула в кресло. Она слышала, как завелся двигатель «лендровера» и раздался скрежет коробки передач.

И тут ее сразило чувство вины.

– Дэвид! – кинулась она к дверям. – Дэвид! Подожди!

Замок никак не поддавался, наконец она рванула дверь, выскочила

наружу, бежала по ступенькам и вылетела на мостовую. Хвостовые огни быстро удалялись. Она кинулась вслед за машиной.

– Дэвид! Дорогой! Остановись, прошу тебя, остановись! Пожалуйста, притормози, ох, остановись, пожалуйста.

Янтарный указатель поворота чуть приблизился, но тут Дэвид прибавил скорости и исчез за поворотом.

– Дэвид! – Алекс бежала за ним до Кингс-роуд. – Только не гаси огни; ради бога, не гаси огни!

Но он мигнул зеленым и исчез.

Рыдая, она прислонилась к фонарному столбу.

– Дэвид, дорогой мой, прости меня. Мне ужасно жаль.

Затем повернулась и медленно побрела к дому. Передняя дверь была открыта. Она заперла ее, прошла в гостиную и, совершенно вымотанная, не в силах остановить слезы, повалилась на диван и заснула.

Алекс так и не поняла, что разбудило ее – то ли холод в комнате, то ли запах готовящейся пищи, убийственные ароматы жареного.

Несмотря на холод, она чувствовала себя куда лучше и спокойнее. А действительно ли приезжал Дэвид, подумала она, или же он был частью какого-то ужасного сна? Она вдохнула аромат, доносившийся из кухни, и подумала о том, как любил яичницу Фабиан – и всегда с цельными желтками; в детстве бывали времена, когда он несколько дней подряд не ел ничего, кроме яичницы.

Необычный запах для субботнего вечера в Челси – страны кулинарного искусства; она бросила взгляд на часы. Десять. Запах становился все явственнее, и Алекс поняла, что проголодалась – за завтраком она съела всего лишь одно яблоко и сухарик. Интересно, кто из ее соседей кухарит, подумала Алекс и подошла к окну. К ее удивлению, оно было плотно закрыто. Она застыла на месте, пытаясь понять, откуда мог взяться такой сильный аромат, и тут услышала позвякивание тарелок и шипение чайника – совсем рядом, словно они доносились из ее кухни.

Она вышла в холл и увидела, что на кухне горит свет.

Звуки долетали именно оттуда.

Алекс рывком преодолела двадцать футов и остановилась в пустой кухне, заполненной запахом яичницы. Она открыла окно и перегнулась через подоконник, но уловила лишь знакомые ночные запахи окрестностей: мусора, сырой травы, дизельных выхлопов и слабый аромат карри. Она закрыла окно.

Запах не исчезал.

Алекс увидела, что дыхание опять вырывается облачком пара, а запах усиливается еще больше, и ее охватил страх. Она быстро вышла из кухни, закрыла за собой дверь и, оказавшись в гостиной, схватила телефонный справочник.

Менклитоу, Менли, Мейн. У нее дрожали пальцы. В списке было семнадцать Ф. Мейнов. Она знала, что человек живет на Чалкот-роуд, но абонента с таким адресом тут не было. Когда она набрала номер справочной и заговорила, голос был сдавленный и высокий. Оператор разговаривала весьма любезно и, как могла, старалась ей помочь.

– Простите, дорогая, – сказала она наконец, – он значится лишь в старом справочнике.

– Вы можете связаться с ним и попросить, чтобы он позвонил мне?

– Извините, не могу. Тут стоит пометка: «Никакой связи». У меня даже нет его номера.

Вернувшись в холл, Алекс со страхом посмотрела на дверь кухни, чувствуя, как из-под нее тянет ледяным воздухом. Она сорвала с вешалки пальто, накинула его, схватила со стола ключи и торопливо вышла, заперев за собой дверь.

Мимо Алекс прошли подвыпившие бизнесмены; должно быть, они здесь на какой-то конференции, решила она, взглянув на именную табличку, которую один из них забыл снять с лацкана.

– А тут есть аппетитные пышечки, Джимми, – произнес кто-то с шотландским акцентом.

Алекс вошла в офис и, закрывая за собой дверь, услышала взрыв хохота на улице. «Возможно, в мой адрес», – подумала она.

Внутри было тихо, неестественно тихо. И темно. Лишь беспорядочные полосы света, падавшие из витрины массажного салона по другую сторону улицы, отсвечивали на стенах и мебели, производя странный эффект.

Она вгляделась в темноту на лестнице, включила свет, темнота тут же рассеялась, и она оказалась в знакомой обстановке – стены и ковер мягкого серого цвета, пурпурные стеклянные абажуры.

Алекс прошла через тихую затемненную приемную и стала подниматься по лестнице. На потолке она увидела качающиеся тени, и на мгновение ей расхотелось подниматься – показалось вдруг, что тени ползут прямо к ней. И все же она решила добраться до площадки, там находится следующий выключатель. Алекс не сводила глаз с тени: тень шевельнулась, когда она двинулась; когда остановилась, замерла и тень.

Идиотка, подумала она про себя, наконец осознав, что это была ее собственная тень.

В темноте она нащупала выключатель, быстрым нервным движением пальца нажала его, вздрогнула, когда вспыхнул свет, и одолела следующий марш. Дверь кабинета Джулии была открыта, там стояла непроглядная тьма. Нервничая, Алекс не сразу нажала выключатель – замешкалась на пороге. И опять испытала облегчение при возвращении в нормальный мир. На секунду она вышла из себя, увидев, что черная пишущая машинка «Оливетти» стоит без чехла. Джулия вечно оставляет ее в таком виде. Почему она не следит за порядком? Вот он, серый пластиковый чехол, рядом с проволочной корзинкой. Алекс аккуратно расправила его, и тут ее внимание привлекла рукопись, лежавшая на столе. Половину титульного листа занимало заглавие: «Предвидение жизни – сила моя и других». Она вроде бы велела Джулии отослать ее обратно, вспомнила Алекс; стараясь подавить раздражение, взяла рукопись и отнесла к себе в кабинет. В понедельник она поговорит с ней.

Внизу на улице пьяницы толпились у дверей массажного салона, вглядываясь в занавешенные витрины. Алекс опустила жалюзи, отошла от окна, поеживаясь от холода, включила калорифер и вытащила досье с адресами. Набрав номер, она приготовилась ждать, зная, что он долго не подходит к телефону. Наконец с облегчением услышала щелчок снимаемой трубки и уже собиралась заговорить, когда поняла, что телефон продолжает звонить.

Кто-то снял отводную трубку.

Вскочив, она застыла на месте, парализованная страхом.

Кто? – промелькнуло у нее в голове. Кто? Уборщица? Нет, невозможно. Кто-то из ее партнеров? Нет. Она прислушалась, надеясь уловить какие-нибудь звуки: дыхание, покашливание; телефон продолжал звонить, но она ощущала чье-то присутствие, осознавала, что этот человек ждет и слушает. Кто? Кто? Кто? Сердце билось, заглушая звонки, под ухом закололо: так сильно она прижала трубку. Телефон звонил, но никто не отвечал. Опасливо повернувшись, она посмотрела сквозь открытую дверь в коридор. Звонки раздавались по всему офису. Кто-то шевельнулся в конце коридора. Или ей почудилось? «Закрывать дверь, – сказала она себе. – Закрывать дверь!» Ключ был снаружи.

Она осторожно положила трубку на блокнот и на цыпочках подкралась к дверям. Звонки продолжались. Она попыталась бесшумно извлечь ключ, но руки тряслись, и он отказывался повиноваться. Наконец он упал на пол, звякнув о плитки, и отлетел в сторону с таким звуком, словно столкнулись две машины.

– Нет, – произнесла она громко, – нет, нет.

Встав на колени, Алекс стала шарить по полу рукой.

Найдя ключ, она зажала его в руке, повернулась и опасливо уставилась в темноту коридора, ведущего на лестницу; слушая, как продолжает звонить телефон, она нырнула в свой кабинет, захлопнула дверь и прислонилась к ней. Потом попыталась вставить ключ, но руки не слушались, и он снова упал.

– Нет, – сказала она. Подобрал ключ, вставила его в скважину и попыталась повернуть. Ключ не шевелился. Тогда она так резко повернула его, что он согнулся. – Пожалуйста, закрывайся, прошу тебя. – Она попыталась протолкнуть ключ, и внезапно он легко, без усилий повернулся, и язычок замка почти бесшумно вошел в гнездо.

Алекс прислонилась головой к двери, чувствуя облегчение; сердце билось с такой силой, словно кто-то колотил ее кулаком по ребрам. Она обливалась потом, с трудом переводя дыхание.

– Хэлло? Хэлло? – прозвучал еле слышный голос, смахивающий на далекое радио. – Хэлло? Хэлло?

Она схватила трубку, словно это был кусок пищи, которой она не видела уже неделю.

– Хэлло?

Она услышала знакомое посапывание в трубке.

– Алекс? – не веря своим ушам, чуть ли не шепотом пробормотал Филип Мейн.

Внезапно она снова ощутила чужое присутствие, и ей захотелось затаиться, не подавать голоса.

– Да, – тоже шепотом произнесла она.

– Хэлло?

– Помоги мне, – чуть громче прошептала она, ощущая свою полную незащищенность: дверь достаточно прочная, но она не остановит того, кто захочет сюда ворваться.

– Это ты, Алекс?

– Да, – вырвалось у нее, и она с трудом узнала свой сдавленный голос.

– С тобой все в порядке? – спросил он мягко, слегка встревоженно.

Она не хотела признаваться, не хотела, чтобы кто-то узнал о ее страхах. Все нормально. «Говори нормальным голосом», – приказала она себе.

– Я хочу встретиться с медиумом. Не знаешь ли ты кого-нибудь? – Она понимала, что голос у нее снова изменился – теперь он звучал ровно и монотонно, как у автомата; и этот голос был ей совершенно незнаком.

– Ты в этом уверена?

Господи, только не начинай копать; ради бога, не надо. Только не сейчас.

– Алекс?

– Да, уверена, – ответил автомат.

– У тебя несколько странный голос.

– Со мной все отлично, – сказал автомат.

– О медиумах я ничего не знаю. Но тебе нужно хорошенечко все обдумать.

– Прошу тебя, Филип. Я должна...

– Не знаю. Думаю, нам стоит поговорить.

– Прошу тебя, Филип, ты знаешь кого-нибудь из них?

Она взволнованно прислушивалась к его молчанию.

– Лично – нет. Боже милостивый, нет же. – Он помолчал. – Ты рассказывала мне, что твоя подруга предлагала... не знает ли она?

– Она присылала одну. Та оказалась просто ужасной.

Снова молчание.

– Ты должен знать кого-нибудь, Филип.

– Полистай телефонный справочник.

– Пожалуйста, Филип, я серьезно.

Опять наступило молчание. Алекс изо всех сил прислушивалась, стараясь уловить хоть что-нибудь, какой-нибудь звук. Она то и дело оглядывалась на дверь, смотрела на ручку. И вдруг та шевельнулась, поворачиваясь.

Алекс пронзительно закричала, но крик тут же пресекся – ручка не двигалась, просто по ней скользнул блик света – от калорифера поднимался теплый воздух, и по ручке прошла еле заметная тень.

– Алекс? В чем дело?

– Здесь, в офисе, кто-то есть, и он слушает наш разговор. Пожалуйста, позвони в полицию; мне кажется он может напасть на меня.

Положив трубку, она увидела, как погас огонек на панели. Индикатор. Она с трудом сделала вдох: огонек, на панели только один огонек, не так ли? Если бы кто-то снял отводную трубку, то на панели зажегся бы еще один огонек; разве не так? Она обернулась к двери, перевела взгляд на окно, закрытое сплошными жалюзи, и тут что-то привлекло ее внимание на письменном столе: календарь. Уставившись на него, она почувствовала, что с головы до ног ее охватывает холод, словно все клетки тела превратились в ледяные кристаллы.

На календаре стояла дата: «Четв., 4 мая».

– О господи, – сказала Алекс, – только бы мне не сойти с ума. Ради бога, убереги меня от этого. – Она опять уставилась на буквы и на дату, сверилась с числом на своем «ролексе»: 22 апреля. Она обвела взглядом комнату, готовая увидеть в ней что угодно: фантом, призрак, свечение или... Она застыла, вспомнив запах яичницы, розу на ветровом стекле, и опасливо перевела взгляд направо, где из-под чехла виднелся экран компьютера; ей захотелось поднять чехол и убедиться, что экран пуст. И внезапно она разозлилась. Ее так и подмывало сорваться с места, рывком распахнуть дверь и заорать: «Вот она я! Бери меня! И делай что хочешь». Вместо этого она поймала себя на том, что лихорадочно листает справочник.

Алекс перелистывала и перелистывала страницы. Медиумы. Медиумы. Ничего. Такого названия нет. Что еще? Психиатры? Телепаты? Она снова листала. Опять ничего. Нужно взглянуть, нет ли ясновидящих. Ага, что-то есть, хоть что-то. «См. „Хироманты“ и „Ясновидящие“».

Список оказался кратким. Дважды в нем упоминаюсь индийское имя, было еще одно. Она колебалась – эти фамилии не вызывали у нее доверия. Алекс бросила взгляд на лежащую перед ней рукопись Стенли Хилла. Неохотно открыв ее, стала пробегать страницы. Просмотр рукописи, как ни странно, успокоил ее. Она оказалась на знакомой территории.

Затем слова начали расплываться у нее перед глазами – она не могла читать. Она заметила, что руки трясутся, и положила рукопись на стол.

На глаза ей попало имя – Морган Форд. Через пару страниц она снова увидела это сочетание, потом еще раз – оно как магнитом притягивало взгляд. «Скромный трансцендентальный медиум Морган Форд решительно отрицает, что он всегда взимает гонорар за свои сеансы в квартире в Корнуэлл-Гарденз».

«Скромный». Ей понравилось это слово. Она вытащила с полки за спиной справочник и стала листать его.

Сняв трубку, Алекс прислушалась к хриплому шороху и к шелестящему гулу; она ждала, что снова раздастся щелчок – снимут отводную трубку, ждала, что вспыхнувший на панели огонек сообщит ей об этом, но ничего не произошло; линию занимала только она одна. Алекс набрала номер и замерла в ожидании.

Голос человека, который снял трубку, удивил ее. В силу определенных причин она предполагала, что он будет теплым, добрым, располагающим; вместо этого она услышала холодные, раздраженные интонации, уэльский акцент, который усугублял неприятное впечатление. Она думала, он скажет: «Да, это вы, Алекс, я ждал вас. Я знал, что вы позвоните, духи сообщили мне». Вместо этого было произнесено:

– У телефона Морган Форд. Кто говорит?

Имя. Не называть своего имени. Придумай фальшивое.

– Надеюсь, вы простите меня, что я беспокою вас в такое время, – нервничая, сказала она, не зная, как вести себя, и прислушиваясь, не раздастся ли щелчок снятой отводной трубки. – Дело в том... это страшно смешно.

– Простите, кто вы такая?

– Мне нужна помощь. Мне необходимо встретиться с медиумом. Прошу прощения, вы действительно медиум?

– Да, – ответил он таким тоном, словно имел дело с сумасшедшей.

– Могу я приехать и увидеться с вами?

– Вам необходим сеанс?

– Да.

– У меня есть свободное время в понедельник, в десять часов. Вас это

устроит?

– Я бы хотела выяснить... нельзя ли завтра?

– Завтра? – возмутился он. – Боюсь, что никак не получится. В понедельник или... в противном случае только в мае. Дайте-ка взглянуть. Да, 4 мая я могу вас принять.

4 мая. Она снова бросила взгляд на календарь. Что это? Что это такое, черт побери?

– Нет, прошу вас, в понедельник. – Она уловила звук подъезжающей машины. Хлопнула дверца, гавкнул пес.

– Могу ли я узнать ваше имя, будьте любезны.

– Меня зовут... – Она замялась. Как назваться? Каким именем? – Шуна Джонсон, – наудачу брякнула она. Ей показалось, что он немного насмешливо повторил имя – словно поймал ее на вранье, – и она смутилась.

– Могу ли я узнать ваш номер телефона?

– Я... м-м-м... в гостях. – Только не давать ему номер телефона, который он может проверить и выяснить, кто она такая, главное – не оставлять никаких следов. Оглядываясь в поисках выхода, Алекс заметила надпись на кожухе монитора – «Юго-Восточная система деловых связей» – и дала ему номер, напечатанный под ней. – До встречи в понедельник, – сказала она.

– До свидания.

Ей не понравилось, как он попрощался с ней, словно она ничего для него не значила и его совершенно не волновало, позвонит ли она ему или нет. Хотя... Чему удивляться: сейчас уже четверть одиннадцатого, суббота. А как бы реагировала она, если бы кто-нибудь позвонил ей сейчас и осведомился, просмотрела ли она рукопись. Снова послышался шорох. О господи, кто-то пытается открыть дверь.

Она резко повернулась, но никого не было. Снова тот же звук, но приглушенный, где-то под ней, опять залаяла собака. Она подошла к окну и выглянула. У обочины она увидела машину, рядом с ней – Филип Мейн, который с тревогой смотрел на ее окна.

Уже? Как он только успел? Она повертела ручку окна, распахнула его и высунулась наружу. Нет, он еще не мог оказаться здесь, слишком быстро.

– Алекс, ты в порядке?

Куда-то исчез целый кусок времени. Что происходит? Что, черт возьми, происходит?

– Алекс? Мне что, выломать внизу двери?

– Нет, – слабым голосом ответила она. – Я кину ключи. – Она бросила

связку, увидела, как он отпрыгнул в сторону, услышала звяканье, когда связка упала на тротуар.

С облегчением переведя дыхание, она вышла в офис. За дверью раздавалось ворчанье. Открыв ее, она увидела маленького черного бультерьера; он стоял оцетинившись, обнажив зубы, вывалив язык, с которого стекала струйка слюны, и издавал низкое рычание.

На лестнице послышались шаги, и на площадке, отдуваясь, появился растрепанный Мейн.

– Блэк! – гаркнул он. – Спокойно!

Пес посмотрел на Алекс; ему явно не терпелось приступить к делу.

– Блэк!

Тот неохотно подчинился.

Мейн положил ей руки на плечи:

– Так ты в порядке?

– Да, все о'кей.

– Я все же решил приехать. В чем дело? Что случилось?

Подняв на него глаза, Алекс разразилась слезами.

– Не знаю, Филип. Я не понимаю, что происходит.

– О господи. – Порывшись в карманах, он извлек носовой платок. – Ты явно не в себе.

– Это был телефон; я слышала, как кто-то снял трубку.

– Здесь?

Она кивнула и взяла платок.

– Прости, он не первой свежести.

Алекс плотно скрутила его и вытерла глаза. Он подвел ее к дивану, и они сели. Филип вытащил пачку сигарет. Собака без особого интереса осмотрелась и неторопливо вышла из комнаты.

– Когда я звонила тебе, кто-то поднял отводную трубку.

– Здесь никого нет, я убедился, когда поднимался по лестнице; насколько я успел заметить, все окна плотно закрыты. Ты уверена?

Она кивнула.

– А нет ли где-нибудь, вне пределов дома, блокиратора?

Она посмотрела на него:

– Это было совсем рядом.

– Что именно?

– Какой-то человек, кто бы он ни был.

Мейн предложил ей сигарету.

– Что ты здесь делаешь в такой час, субботним вечером?

– Я... мне был нужен твой номер телефона... дома его у меня нет.

Прости... я побеспокоила тебя?

– Ты чуть не лишила человечество одной из величайших поэм всех времен... я как раз собирался к ней приступить... – Он улыбнулся.

– Прости, я не знаю, что происходит.

– Я отвезу тебя домой.

– Нет. – Она покачала головой. – Я не хочу возвращаться домой.

– Ты не можешь оставаться здесь, я тебе не позволю. Думаю, тебе надо основательно отдохнуть. – Он вытащил зажигалку. – Можешь пожить у меня. – Поймав ее взгляд, он в упор посмотрел на нее. – В отдельной комнате. О'кей?

Улыбнувшись, Алекс кивнула, сморщившись от дыма его едкого табака, встала и положила рукопись Стенли Хилла на стол секретарши, на то же место, откуда взяла.

– Я и не знала, что ученые пишут еще и стихи, – сказала она, возвращаясь в свой кабинет. – Ты мне позволишь когда-нибудь взглянуть на них?

– Посмотрим, – загадочно ухмыльнулся он.

После первой порции виски она почувствовала себя куда лучше и, подтянув колени, уселась на толстом ковре перед пылающим камином. Все стены были заставлены книгами, любимые, зачитанные книги от пола до потолка. Все было отделано деревом и кожей; стены в прекрасных деревянных панелях; надежная деревянная мебель, старая, но прочная, толково отремонтированная – большие глубокие кожаные кресла и массивный диван, тоже обтянутый кожей.

– Не понимаю. Почему ты так решительно против?

– Да чушь все это, сплошные глупости. Мы умираем и исчезаем. – Он внезапно с силой свел ладони; звук хлопка заставил ее вздрогнуть, а бультерьер, гавкнув, подскочил к нему.

– Как ты можешь так говорить?

– Да знаю я это; это доказано. Спокойнее, мальчик, спокойнее! Боже милостивый, ты же образованная женщина, не можешь же ты все еще верить в Бога! Дарвин доказал, что все обошлось без вмешательства Святого Духа. – Он выпустил густой клуб дыма, и сухие резкие черты его лица на мгновение расплылись, окутанные дымным облаком.

У него демоническая, сатанинская внешность, подумала она и поежилась, почувствовав мгновенное недоверие.

– Если бы мы были наполовину эфирные существа, а наполовину телесные создания, мы бы еще имели свободу воли, девочка. Но ее у нас

нет; все мы пленники своих генов; все дело в ДНК, в компьютерной программе генов человека, доставшихся от матери и отца: и цвет глаз, и форма задницы.

Улыбнувшись, она снова расслабилась.

– У нас есть свобода воли, Филип.

– Чушь. И у тебя, и у меня свободы воли не больше, чем у этой собаки, у Блэка.

– А я-то думала, что у собаки есть свобода воли, разве не так?

Мейн ткнул в собаку пальцем:

– Блэк душил кошек; если он не на поводке и видит кошку, он убивает ее. Это заложено в его генах, и он ничего не может сделать, не может остановиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты видела, каким послушным он был в твоём кабинете? Я приказал ему, и он подчинился. Он подчиняется мне во всем, если речь не идет о кошках; но стоит ему увидеть кошку – он душил ее.

– Значит, плохо выдрессирован.

– Нет, тут я бессилен; ни один дрессировщик в мире ничего не может с этим поделать. Этот инстинкт заложен в нем на генном уровне, и изменить это невозможно.

– Ты считаешь, что и души могут обладать генами.

– Бог в нашем представлении тоже эволюционировал: таков наш механизм выживания, который запустили тысячелетия назад, когда человек впервые попытался понять, как и почему он оказался на этой земле. Ты встречала спиритов и медиумов – все они или чокнутые, или хитрые бестии. Чокнутые искренне верят в свою одержимость; те же, кто похитрее, откровенно жульничают. Они непревзойденные мастера телепатии, они заставляют тебя извлечь из закров памяти воспоминания о дяде Гарри, говорят тебе то, что ты и так знаешь, добавляют для убедительности пару общих деталей, и ты произносишь что-то вроде «Мене, текел, фарес!». Затем, подумав, спрашиваешь: «Ну, как ты там, дядя Гарри?» А он отвечает: «Прекрасно», после чего ты уходишь, размышляя над увиденным, и в тебе пробуждаются сомнения. Послушайте, думаешь ты, я похоронила дядю Гарри на прошлой неделе, он в могиле или в виде горсточка пепла в урне, а тут мы опять с ним беседуем. Но если тебе захочется продолжить с ним разговор, порасспросить его, ты выясняешь, что ничего не получается, потому что дядя Гарри просто не может придумать, что еще сказать.

Он глубоко затянулся сигаретой и улыбнулся.

– При жизни он был занудным старым болваном, а ты почему-то вдруг

решила, что после смерти он станет интересным собеседником. – Он остановился, увидев в ее глазах слезы. – Прошу прощения, девочка, но таким образом ты можешь причинить вред себе самой. – Он склонил голову. – Твой сын был прекрасным парнем, но тебе придется смириться с мыслью, что он мертв.

Она долго смотрела на него, не отводя взгляд.

– Я-то смогу это принять, Филип. Но не уверена, что сможет он.

Сквозь пыльное ветровое стекло «вольво» Филипа Мейна пробивалось яркое утреннее солнце; как будто смотришь телевизор сквозь заиндевевшее окно, подумала Алекс. По воскресеньям Лондон выглядел совершенно по-иному – исчезала атмосфера спешки и суеты. Воскресный день – время неспешных прогулок, время размышлений; по воскресеньям Лондон прекрасен.

Она чувствовала себя отдохнувшей – в первый раз после известия о Фабиане ей удалось как следует выспаться.

Алекс посмотрела на выдвинутую пепельницу под приборной доской, забитую окурками, на завал бумаг, журналов, документов и кассет, валявшихся на полу у ее ног.

– Спасибо за прошлую ночь, – сказала она. – Мне сейчас гораздо лучше.

– Нам удалось, – тихо ответил он.

– Что «удалось»?

– Просто удалось.

– Порой ты говоришь загадками.

– Скинуть напряжение, владевшее нами обоими.

Улыбнувшись, она посмотрела на него: из-под усов торчит сигарета, голова чуть втянута в плечи, словно он опасается, что заденет крышу машины.

– Самомнения у тебя более чем достаточно, не так ли?

– Нет... только порой... – проямлил он.

– Что «порой»?

– Порой... – Он замолчал, не в силах подобрать слова. Наклонившись, вставил кассету в плеер, и через секунду раздался громкий чистый голос Элки Брукс. Хмыкнув, он приглушил звук. – Значит, викарий посоветовал тебе выяснить как можно больше подробностей о Фабиане?

– Да, младший викарий.

– И что тебе удалось выяснить?

– Что он не бросал свою девушку, Кэрри, это она бросила его.

– И какой же ты сделала из этого вывод? Что он был гордый?

Алекс засмеялась:

– Знаешь, прошлой ночью я вела себя как идиотка.

– Когда устаешь, воображение выкидывает всякие шутки.

– Ты когда-нибудь слышал о медиуме Моргане Форде?

Он покачал головой и затянулся сигаретой.

– Как можно отличить честного человека от жулика?

– Среди них честных нет.

Алекс уставилась на него:

– Вы, ученые, порой бываете такими ограниченными и самодовольными, что выходишь из себя.

Филип раздраженно подал сигнал маленькой прокатной машине; четыре человека, сидевшие внутри, восторженно глазели на фасад магазина «Либерти».

– Нет, просто мы говорим правду, которая не нравится людям.

– Все равно это ограниченность.

Она была искренне удивлена, увидев, что ее «мерседес» стоит на том же месте, где она его оставила: его не уволокли на буксире, не разграбили и даже не приклеили на ветровое стекло квитанцию о штрафе.

Она поцеловала Филипа в щеку.

– Теперь с тобой будет все в порядке?

– Да.

– Думаю, что вытасу тебя сегодня пообедать, чтобы убедиться в этом.

Она покачала головой:

– Мне не хочется возвращаться вечером в пустой дом. Лучше приезжай ко мне, и я угощу тебя ужином.

– Около восьми?

Алекс чувствовала себя повеселевшей и отдохнувшей, но она знала: боль еще вернется. Она копилась в ней, ожидая лишь повода, чтобы вырваться наружу; и во второй половине дня, когда солнце станет клониться к горизонту, она достигнет предела; так было всегда, с самого детства, – депрессия наваливалась на нее воскресными вечерами.

Она поехала на юг через Воксхолл-Бридж и к Стритэму, перед ней стояла неприятная задача: разыскать Кэрри и сообщить ей о Фабиане. У нее даже не было ее точного адреса. Она помнила лишь, что, когда они миновали антикварный магазинчик с выставленными на тротуар рядами кресел, Фабиан сказал: «Мама, а вот тут живет Кэрри», она посмотрела тогда направо и увидела кирпичную башню. Она возвышалась у подножия холма, похожего на тот, рядом с которым она сейчас находилась; Алекс увидела закрытую антикварную лавочку и справа в отдалении два серых башнеобразных здания. Развернувшись, она направилась к ним по узкой – едва можно протиснуться – улочке, заставленной подержанными машинами и запыленными фургонами. Два чернокожих мальчугана, игравшие на

мостовой, уставились на нее, и она поймала себя на том, что краснеет, словно у нее не было права находиться здесь, словно она вышла за границы отведенной ей территории.

Дорога, изгибаясь, поднималась все выше, мимо двухэтажных строений, с крутыми металлическими лестницами, ведущими на верхний этаж. С балконов и из окон свисали выстиранные полотенца, рубашки и нижнее белье; совсем как в гетто, подумала Алекс.

Наконец она увидела две мрачные кирпичные башни с выщербленной бетонной облицовкой. Они высились на фоне неба, как два нелепых надгробия.

Алекс вылезла из «мерседеса», внимательно закрыла его и вошла в холл ближайшего здания. На полу валялись осколки верхней стеклянной части одной из дверей, другая дверь болталась на одной петле. На стене большими красными буквами аэрозолем из баллончика было выведено слово «трахнуть» и стоял неприятный запах, происхождение которого она не могла определить.

Алекс посмотрела на список обитателей дома. Вот она, нужная фамилия: И. Нидэм. Ее охватили противоречивые чувства. Было бы куда легче, не окажись здесь этой фамилии: она старалась выполнить то, что задумала, но ничего не удалось.

Алекс нажала на кнопку, и массивная створка лифта скользнула в сторону: лифт был скорее грузовой, чем пассажирский. «Пососи». Мастер аэрозольного баллончика поработал и здесь. Она подумала: пожалуй, лучше было бы подняться пешком. Лифт резко дернулся и мучительно медленно пополз вверх. Запах в нем стоял омерзительный, как в общественной уборной; к своему ужасу, она обнаружила у ног лужицу мочи. Алекс отодвинулась. С щелканьем и лязганьем лифт миновал первый этаж.

Наконец он рывком остановился, и Алекс оказалась в мрачном коридоре с каменным полом. Стена была испещрена уже выцветшими призывами бросать бомбы, а дальше кто-то кистью вывел слово «свиньи». Она остановилась у двери с номером 33, синяя дверь с глазком, и нашла кнопку звонка. Звонок зажужжал сердито, как разозленное насекомое. Она стала ждать. Через секунду откликнулся женский голос:

– Да?

Алекс уставилась на дверь.

– Миссис Нидэм? – Она подождала, но ничего не изменилось. Где-то дальше по коридору плакал ребенок, а над головой раздавались ритмы поп-музыки. Она снова позвонила.

Последовала длинная пауза.

– Да кто там?

Алекс буравила взглядом дверь.

– Миссис Нидэм?

– Да кто там? – Теперь голос был ближе; она услышала звук шагов и увидела свет в глазке. – Так чё надо? – враждебно спросили ее.

– Будьте любезны, я хотела бы поговорить с миссис Нидэм.

– Вы из муниципалитета?

– Нет. Меня зовут Алекс Хайтауэр. Мой сын был знаком с вашей дочерью.

Долгое молчание. Алекс услышала хрипкое покашливание, и снова воцарилась тишина.

– Алло? – нервничая, сказала она.

– Так чё вам надо? За телевизор я уже уплатила.

Алекс нахмурилась:

– Я просто хотела поговорить о вашей дочери, Кэрри. У вас есть дочь Кэрри?

Пауза.

– Ага. – Еще одна пауза. – А чё она сделала?

– Ничего, миссис Нидэм. Я хочу ей кое-что сообщить. Откройте, пожалуйста.

Снова раздался хриплый кашель, и она услышала, как гремит задвижка – дверь приоткрылась на несколько дюймов. Женщина была куда моложе, чем ожидала Алекс, примерно ее лет, но годы огорчений, отсутствие какого-либо ухода за лицом наложили отпечаток на ее внешность, явно сказывался и недостаток свежего воздуха. В свое время она, должно быть, была хорошенькой, да и сейчас, если приложить старания, могла бы выглядеть куда лучше. На ней был грязный голубой халат, на голове бигуди, изо рта свисала сигарета. Женщина смерила Алекс взглядом с головы до ног и переспросила:

– Так вы не из муниципалитета?

– Нет.

– Ага, ну да, а то являются сюда с разными глупостями.

Алекс заметила, как хозяйка квартиры скользнула по ней оценивающим взглядом и тут же отвела глаза. Потом, кивнув, сделала шаг в сторону. Алекс приняла ее жест за приглашение и вошла в маленькую прихожую, в которой пахло прокисшим молоком и табачным дымом. За дверью направо она увидела кухню, стол был заставлен пустыми пивными бутылками. Женщина провела ее в спальню странной формы: углом.

– Так говорите, Кэрри?

Кивнув, Алекс огляделась; неубранная постель, голые стены, разбросанная одежда, мусор, старые журналы вперемежку с грязными тарелками, тусклые немытые окна, за которыми простиралась величественная панорама Лондона.

– Мой сын Фабиан встречался с вашей дочерью... до недавнего времени; я думаю, они расстались как раз после Рождества.

Женщина продолжала тупо смотреть на нее, с силой затягиваясь сигаретой, хотя та догорела почти до фильтра и вот-вот могла обжечь ей нос; сделав последнюю затяжку, она растерла ее в пепельнице.

– Я ее и не видела; она тут не часто бывает. Садитесь. – Женщина снова повернулась к ней. – Скиньте эти бумаги на пол.

Алекс сдвинула в сторону стопку газет и пачку купонов на питание и села на диван.

– У нее своя жизнь, если вы понимаете, чего я имею в виду.

Алекс чувствовала, что женщина продолжает пристально ее рассматривать.

– Все дети трудные, каждый по-своему.

– Я ничего не знаю о Фиб... имя-то его как, Фиббин?

– Фабиан.

– Не знаю его. Она о нем ничего не рассказывала.

– Он погиб в автомобильной аварии две с половиной недели назад. Я знаю, он был очень привязан к Кэрри, и подумала, что следовало бы ей сообщить.

– Вон оно как? – деловито сказала женщина, и Алекс подумала, что, может быть, она ее не расслышала.

– Понимаете, я думала, что Кэрри, может быть, придет на похороны. – Алекс закусил губу – скорей бы уйти отсюда, от этой вони, этой потасканной бабы, из этой грязной квартиры.

– Как увижу ее, тут же скажу, дорогая... точно, как только она явится. Виновата, ничего не могу вам предложить... никого, понимаете, у меня не бывает, кроме как из муниципалитета.

– Спасибо, ничего не надо.

– Чашечку чаю или чего другого.

– Нет, спасибо, правда.

– Она в Америке.

Женщина кивнула на каминную полку, и Алекс увидела почтовую открытку с изображением небоскребов.

– Она давно там?

Женщина пожала плечами:

– Да понятия не имею, как долго ее там носит; вот только открытки получаю, и ничего больше; хоть они постоянно приходят. А некоторые мамы, я знаю, и их не имеют.

Алекс улыбнулась:

– Я думаю, Кэрри очень милая, симпатичная девочка.

Женщина снова повела плечами:

– Даже не знаю, как она теперь и выглядит: как-то получила от нее несколько снимков... Куда это я их засунула?

Раздался звонок в дверь, и кто-то стал стучать в филенку.

– Кто там? – выкрикнула она.

Звонок еще дважды звякнул, и в дверь заколотили.

– Иду, иду! – Встав, она закашлялась и потащилась в прихожую.

Алекс взглядела в открытку. Маленькими белыми буквами у самого обреза было напечатано: «Башня Джона Хэнкока». Рядом стопкой лежало еще несколько открыток: «Массачусетский технологический институт, Бостон, Масс.», «Ньюпорт в Род-Айленде», «Вермонт, штат Нью-Хэмпшир». Она услышала звук открываемой двери, шарканье ног и смех, торопливо оглянулась и засунула себе в сумочку открытку с изображением МТИ.

– Да пошли вы отсюда! Мать вашу! – услышала она вопль миссис Нидэм; раздался грохот захлопнувшейся двери, и миссис Нидэм появилась в комнате с бутылкой пива в руках, ее лицо пылало от гнева. – Сопляки, шляются тут. Засранцы. – Она сорвала зубами крышечку с бутылки, сделала глоток и предложила бутылку Алекс.

Та отрицательно покачала головой:

– Нет, спасибо.

Женщина вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Гоняю их все время. А муниципалитет говорит, что, мол, ничего не может поделать. – Она сделала еще один глоток. – Так чё вы там о вашем сыне говорили?

Алекс с ужасом посмотрела на нее, поняв, что все это время ее собеседница была в основательном подпитии.

– Он погиб, миссис Нидэм, – сказала она как можно спокойнее, хотя гнев и жалость сдавливали ей горло. – Погиб.

– Ага, ну да, все там будем, – кивнула миссис Нидэм.

Алекс ехала по Кингс-роуд, радуясь, что выбралась из квартиры миссис Нидэм, из этих мест, которые вызывали у нее клаустрофобию.

В ней бурлил гнев: на эту женщину – за то, что она ведет такую жизнь, за то, что ее совершенно не взволновала смерть Фабиана; на саму себя – за свою патетичность; в ней кипело негодование, что такие омерзительные места вообще существуют. Затем она вспомнила залитый солнцем простор: какой абсурд – единственное достоинство этой квартиры – вид на улицу.

В доме царили мир и покой; она подняла утренние газеты с коврика у двери и кинула их на стол. Мягко стучали часы на кухне, легко вздыхал бойлер. Все было нормально – и пахло нормально, и звучало нормально. Дом дышал, бормотал и потрескивал, как старый друг, которым он всегда и был. Тут она чувствовала себя спокойно и уютно. Дом.

Зазвонил телефон; это был Дэвид.

– Алекс, ты в порядке?

Его бестактный вопрос вывел ее из равновесия, и на мгновение она почувствовала раздражение, но затем вспомнила, как обошлась с ним недавно, и смутилась.

– Привет, Дэвид, – сказала она, стараясь говорить так, чтобы он понял: она рада его слышать. – У меня все отлично... послушай... мне очень неудобно из-за прошлого вечера... я сама не понимаю, что случилось...

– Должно быть, сказалось напряжение, дорогая. Нам всем крепко досталось, все это потрясло нас.

«Ради бога, обложи меня, прояви жесткость, не будь со мной так нежен, черт возьми, обзови меня сукой, гаркни на меня, напугай», – подумала она, но ничего не сказала.

– Да, ты прав, – ровным голосом сказала она. – Прошлым вечером я пыталась догнать тебя, кричала и махала тебе... все, должно быть, подумали, что я рехнулась.

Он засмеялся:

– Для чего?

– Хотела извиниться.

– Я позвонил тебе, когда приехал; никто не отвечал; я страшно беспокоился о тебе.

– Я поехала в офис.

– В офис?

– Я подумала, не лучше ли заняться какими-нибудь делами; кончилось тем, что я там и уснула.

– Думаю, сейчас лучше всего уйти в работу, чтобы забыться... ну, ты понимаешь, но не надорвись... а потом тебе стоит отдохнуть.

Она встретила взглядом с собственным отражением на полированной поверхности тостера и отвела глаза, не в силах выдержать взгляд двойника. Омерзительное ощущение, подумала она: врешь и знаешь, что врешь, а тебе верят; как будто обманываешь сама себя.

– Сегодня я ездила повидаться с матерью Кэрри.

– Кэрри? Она знает?

– Нет. Ровным счетом ничего. Ее мать вообще почти не видит свою дочь. Сейчас та где-то в Штатах.

– Это была обаятельная малышка. – Голос его стал куда-то уплывать. – Как насчет обеда на этой неделе?

– Неплохая идея.

– А твое расписание позволяет?

– Я оставила его в офисе. Давай поговорим завтра.

Алекс повесила трубку и вздохнула, подумав о тех временах, когда они были вместе и были счастливы; или им только так казалось? Неужели все было единой большой ложью? Она сделала сэндвич и пошла в гостиную; затопила камин, поставила кассету с «Дон Джиованни» и свернулась на диване.

День уже переходил в вечер, когда она резко очнулась от тяжелого забытья. Было жарко, Алекс чувствовала смятение. Во сне они с Фабианом куда-то ехали; он шутил, и они смеялись; во сне он был таким реальным, таким неправдоподобно реальным, что она лишь через несколько секунд вспомнила... никуда и никогда больше они не поедут вместе, никогда не будут смеяться в один голос. Она погрузилась – вокруг один обман: ее обманул сон, обманывала жизнь. С тяжелым сердцем она встала, подошла к окну и отдернула занавес: сгущались сумерки.

Как бы ей хотелось, чтобы была жива ее мать, чтобы рядом был кто-то старый и мудрый, кому она могла бы довериться, кто уже пережил нечто подобное. Она так и не привыкла в полной мере к своей роли взрослого человека; порой ей казалось, что она стала матерью, не переставая чувствовать себя ребенком.

Алекс открыла сумочку и извлекла открытку, которую позаимствовала у матери Кэрри: на фоне широкого речного простора были изображены авеню большого университетского кампуса. Она перевернула ее. «Массачусетский технологический институт, Бостон, Масс.» – было

напечатано в самом низу. Бостон, подумала она; Бостон, Бостон, Бостон... Она взглянула на большие аккуратные буквы текста.

«Привет, мам. Тут ко мне все отлично относятся, много чего произошло, я встретила несколько человек поистине потрясающих. Скоро напишу еще. С любовью. К.».

После инициала стоял неразборчивый косой крестик. Она, прихватив открытку, поднялась в комнату Фабиана.

Чемодан его лежал на кровати; как гроб, подумала она, содрогнувшись. «Ф.М. Хайтауэр» – было выведено выцветшими чернилами среди царапин и вмятин на крышке. Алекс открыла первый замок, он сразу же отскочил, больно щелкнув ее по пальцу; второй она открывала более осмотрительно. Откинув крышку, она покопалась в одежде и вытащила дневник Фабиана. Открыв его, извлекла пустые открытки, найденные на его письменном столе в Кембридже, и сравнила их с открыткой Кэрри, которую продолжала держать в руке: изображения на них разнились, но шрифт был один и тот же. Она удивленно свела брови, обвела взглядом комнату и, наткнувшись на Фабиана, глядевшего на нее с портрета, виновато потупилась – ей стало стыдно за то, что она делала.

На задней обложке дневника был кармашек на «молнии», она открыла его. Внутри лежало несколько розовых листков писчей бумаги, исписанных почерком, похожим на почерк Кэрри; датированы они были 5 января. Адрес в Кембридже тоже был написан от руки.

«Дорогой Фабиан,
пожалуйста, прекрати эти бесконечные телефонные звонки, которые всех раздражают и выводят из себя. Я уже сказала, что не хочу больше тебя видеть, и менять решение не собираюсь. У меня никого нет, просто я не могу больше мириться с твоими странными привычками. Так что, прошу тебя, оставь меня в покое. С любовью. К.».

Та же самая кудреватая подпись и тот же почерк, что на открытке, но Алекс показалось, что в них есть какое-то различие, только она не могла сообразить, в чем оно заключается. Она перечитала письмо. Странные привычки... Раздумывая над этими словами, она осознала, что в комнате опять стало холодно, ей было как-то не по себе. Раздался звонок в дверь. Она посмотрела на часы – четверть седьмого, засунула все в дневник,

положила его поверх чемодана и спустилась вниз.

Открыв дверь, Алекс растерялась при виде крупной женщины с высветленными перекисью водорода волосами.

– Здравствуйте, миссис Хайтауэр.

Алекс уставилась на ее плоскую аккуратную черную шляпку, на кожаные перчатки и аккуратно выглаженную белую блузку.

– Айрис Трэмьян. Я заходила к вам на прошлой неделе.

Алекс не сводила глаз с ее розовых губ, которые шевелились, когда она произносила слова, словно среди мягких складок лица приоткрывалась потайная дверца. Глаза гостьи светились решимостью, в них читалась уверенность в том, что на этот раз от нее не отделаются.

– Заходите, – пригласила женщину Алекс, ибо в данный момент не могла подобрать иных слов.

– Могу сказать, что вы нуждаетесь во мне, дорогая, – сказала Айрис Трэмьян, уверенно входя в дом.

У Алекс по-прежнему крутилась в голове строчка из письма: «... странные... странные...»; замораживающий взгляд портрета; внезапный холод в комнате. А действительно ли ей предстоит сеанс у Моргана Форда и не далее как завтра?

– Я думаю, это ошибка... – начала было она.

Айрис Трэмьян, оглядевшись в холле, проследовала за Алекс в гостиную.

– Вас что-то беспокоит, дорогая, не так ли? – Ее голос звучал мягко, что удержало Алекс от резкого ответа.

– Я немного взволнована, вот и все.

– Я так и думала... после всего, что с вами приключилось.

Алекс настороженно посмотрела на нее:

– Что вы имеете в виду... что именно приключилось?

– Дорогая, вас что-то тревожит. Верно? Я почувствовала это еще в прошлый раз; так скажите, права ли я, дорогая?

Алекс уставилась на нее, чувствуя раздражение, что ее уединение нарушают столь бесцеремонно. На завтра у нее уже запланирована встреча; зачем говорить с кем-то еще? Уж не связаны ли Морган Форд и Айрис Трэмьян? Может, по тому номеру, который она ему дала, он смог через ремонтную службу вычислить, где стоит монитор, узнал, кто она, и прислал к ней Айрис Трэмьян? Смешно.

– Хотите чаю?

– О нет, дорогая, благодарю вас.

Она снова огляделась:

– У вас очень симпатичный домик, дорогая. – Ее внимание привлекла картина на стене, и, подойдя к ней поближе, она показала на нее пальцем. – Это Стаббс?

– Нет.

– Единственный известный мне художник, который рисовал лошадей.

– Она принадлежит моему мужу.

– Он что, художник?

Алекс холодно посмотрела на нее:

– Я имею в виду лошадь. Это одно из его увлечений.

– Я предпочитаю не спорить, тем более с моей чувствительностью... но похоже, чувства вечно дают сбои, дорогая, да и вообще я не знаю никого, кто всегда одерживал бы победы. От них веет покоем, от лошадей на картине.

– Никогда не думала об этом. – Алекс бросила на нее нетерпеливый взгляд. – Что вы имели в виду, когда сказали, что меня что-то тревожит?

– Его дух так и не обрел покоя, не так ли, дорогая? Ему нужна помощь.

Она осторожно опустилась в кресло с подлокотниками: словно подъемный кран, опускающий груз, подумала Алекс. Женщина плотно сжала веки, наклонилась вперед и, не снимая перчаток, положила кисть правой руки на ее левое предплечье, потом она открыла глаза, посмотрела на нее снизу вверх, и Алекс в первый раз заметила растерянность в этой уверенной в себе женщине.

– Не беспокойтесь, дорогая. – Губы ее раздвинулись в нервной улыбке, потом приняли прежнее положение, словно существовали сами по себе. – От вас ничего не требуется, равным счетом ничего. Конечно, если хотите, можете внести пожертвование на благотворительные цели, но это не обязательно, совершенно не обязательно. – Она подняла к потолку крупные накладные ресницы, нахмурилась, словно бы заметив огрех в побелке, а потом опять нерешительно улыбнулась. – Вы справляетесь, дорогая?

– Да, – холодно сказала Алекс. – Я справляюсь.

– Он рядом, не так ли, дорогая?

– Что вы хотите этим сказать?

Айрис Тремьян затрясла головой и глубоко вздохнула; плечи ее напряглись и столь же резко расслабились. Закрыв глаза, она замерла. Алекс с интересом наблюдала за ней, хотя чувствовала тревогу.

Женщина начала дергаться, ее сотрясала неудержимая дрожь. Внезапно она успокоилась и, выпрямившись, раскрыла глаза.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я сделала ужасную ошибку. Я не должна была приходить. – Голос ее изменился, теперь он звучал холодно,

выражение благодушия сползло с ее лица, она казалась испуганной. – Да, да, не нужно мне было сюда являться. Ужасная ошибка.

– То есть?

Она затрясла головой.

– Я лучше пойду, дорогая, – резко бросила она, хватая свою сумочку.

Алекс вдруг испугалась:

– Что вы имеете в виду?

– Будет лучше, если я уйду, дорогая; о таком я и помыслить не могла.

Алекс увидела белки ее вытаращенных глаз, точки зрачков, обводящих комнату, и глубокие складки на мясистом лбу.

– Можете сказать мне, наконец, в чем дело?

Присев на краешек кресла, Айрис Трэмьян порылась в сумочке и вытащила из нее компакт-пудру. С громким щелчком открыв ее, она стала рассматривать себя в зеркале.

– Мне было видение, – сказала она, припудривая нос.

Алекс с трудом подавила вспышку гнева.

– Будьте любезны, введите меня в курс дела.

Женщина посмотрела на нее, захлопнула пудреницу и, помявшись, покачала головой.

– Поверьте мне на слово, дорогая, будет куда лучше, если я уйду, лучше не говорить об этом, забудьте, дорогая, забудьте, что я приходила. Вы были правы, вы были совершенно правы в последний раз. – Она подошла к дверям, остановилась на пороге и постаралась изобразить доброжелательную улыбку, но ее била дрожь. – В самом деле, мне лучше уйти; пусть все будет как есть, думаю, это лучше всего. И пусть вас не беспокоит мой гонорар.

– Послушайте, я хотела бы получить объяснение. Не будете ли вы так любезны?..

Сверху раздался глухой звук. Алекс было подумала, что ей почудилось, но она увидела, как женщина, нервничая, уставилась в потолок.

– Он волнуется, дорогая.

– Я сейчас поднимусь и посмотрю, что там такое.

– Нет, я бы не стала этого делать; как вы понимаете, я обеспокоила его, – запинаясь, сказала она. – Ему не понравился мой визит, очень не понравился. – Женщина затрясла головой. – Оставьте, дорогая, послушайте моего совета – у меня никогда не... я никогда и не подозревала... вы должны оставить все как есть, не обращайтесь на него внимания. – Она внезапно приблизилась к Алекс и крепко схватила ее за руку. Алекс почувствовала прохладную кожу перчатки. – Вы обязаны,

дорогая. – Она повернулась и решительно вышла в холл. Послышался звук захлопнувшейся двери, и она исчезла.

Алекс огляделась по сторонам, голова кружилась. Она подошла к окну и раздвинула портьеры. Айрис Трэмьян гусиной походкой торопливо шла по улице, все убыстряя шаг, как будто она пыталась бежать, но не могла.

Алекс задернула шторы и обвела взглядом комнату. Интересно, что такое увидела Айрис Тремьян? Может, она психопатка или... Закурив, Алекс с силой затянулась; у сигареты был неприятный вкус паленой резины. Фабиан терпеть не мог, когда она курила, и при нем она старалась этого не делать; ей показалось, что она обманывает его, и, чуть ли не с отвращением сделав еще одну затяжку, она сморщила нос от неприятного запаха и растерла сигарету в пепельнице.

Алекс пошла в кухню, стараясь не обращать внимания на шорохи наверху. Снова разыгралось воображение, сказала она себе, но перед глазами стояло испуганное лицо Айрис Тремьян, глядевшей на потолок. Скорее всего, опять бойлер. Она открыла дверцу холодильника и покопалась среди замороженных пакетов, прикидывая, что бы приготовить Филипу, затем нетерпеливо захлопнула дверцу. Взглянула на часы: семь, скоро он будет здесь. Филип все и решит. Она сунула пакет в микров печь.

Подняв глаза к потолку, она прислушалась. Тихо. Что себе вообразила та идиотка? Алекс поднялась по лестнице и, остановившись на площадке, снова прислушалась. Внезапно ее охватило беспокойство, на мгновение ей захотелось, чтобы кто-нибудь был рядом. Вдалеке завывала сирена «скорой помощи». Открыв дверь своей спальни, Алекс включила свет – все нормально. Проверила ванную – и тут ничего особенного. Пройдя по коридору, она остановилась у комнаты Фабиана и снова прислушалась. Рывком открыв дверь, она включила свет, и кровь застыла у нее в жилах.

Перевернутый чемодан валялся на полу, содержимое его было разбросано по всей комнате.

У Алекс закружилась голова, и, чтобы устоять на ногах, она ухватилась за стену, но та качнулась, и ей пришлось ухватиться за ручку кресла. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, снова открыла их, огляделась и в совершенном смятении вылетела из комнаты. Промчавшись по коридору, она ворвалась в ванную. Неужели в доме кто-то есть? Нет, невозможно; все окна надежно закрыты. А может быть, чемодан упал сам по себе, может, она положила его на самый край кровати? Нет, и этого не могло быть. Так как же? Как же?

Алекс вернулась в комнату и уставилась на разбросанные по полу вещи: одежда, книги, дневник, мягое соломенное канотье, затем перевела взгляд на портрет. Как?

Звонок. Она выключила свет, прикрыла за собой двери и спустилась вниз.

– Сидеть! – услышала она приказ, за которым последовало злобное рычание. – Сидеть!

Алекс, дрожа, открыла дверь – на пороге стоял Филип Мейн в поношенном грубошерстном пиджаке с измятым бумажным пакетом под мышкой и Блэком на поводке, которого он удерживал с некоторым трудом.

– Сидеть, Блэк! – Мейн глянул на нее. – Прости, если я явился несколько рановато, не мог точно вспомнить время. – Он повернулся к собаке: – Сидеть!

– Вроде я не называла точного времени.

Он протянул ей бумажный пакет.

– Не знаю, что мы будем есть, поэтому купил и белого и красного.

– Спасибо. – Она взяла пакет.

Блэк дернул поводок, чуть не опрокинув Мейна на спину.

– Сидеть!

Пес издал низкое рычание – ну просто мотоцикл на холостом ходу.

– Заходи.

Мейн с силой натянул поводок, и Блэк удивленно заперхал.

– Он... э-э-э... не в самом лучшем настроении сегодня... не нагулялся. – Собака заскребла когтями по бетонным ступенькам и неохотно приблизилась к Мейну еще на несколько дюймов. – Блэк! – Бультерьер обиженно посмотрел на него и с явной неохотой последовал за хозяином в дом; оказавшись в холле, он сразу же сел.

– Привет, малыш. – Алекс погладила его, но пес не обратил на нее равно никакого внимания и подозрительно уставился себе под ноги.

Мейн отстегнул поводок.

– Он в плохом настроении.

– Должно быть, трудно держать собаку в Лондоне.

– Временами. – Он скатал поводок и сунул его в карман. – Но мы справляемся.

Они вошли в гостиную.

– Что тебе налить?

– Выглядишь ты ужасно.

– Вот уж спасибо, – улыбнулась она.

– Бледная как простыня.

– Шотландского?

– Нет ли у тебя пэдди?

– Пэдди?

– Ирландского виски.

Она покачала головой.

– Прости. – Он внимательно смотрел на нее, и Алекс стало неловко. –

Возможно, я немного устала.

Он сел и неторопливо вытащил из кармана пачку сигарет.

Она протянула ему выпивку.

– У меня в самом деле был сумасшедший день. А как у тебя дела?

– Отлично. – Наклонившись, он вдохнул запах виски.

– Как идет работа? Скоро ли я увижу книгу?

– Продвигается понемногу. – Он опять понюхал виски. – Совсем понемногу.

– Если бы все мои клиенты были такими, как ты, я бы не смогла заработать себе на жизнь: три года, а я еще не знаю, о чем твоя книга.

– Ты прекрасно справилась с моей последней работой, девочка.

Алекс улыбнулась; последняя его работа была опубликована в пятнадцати странах, переведена на двенадцать языков, и ни на одном из них понять ее было невозможно.

– Я хоть смогу понять этот твой труд?

– Весь мир сможет его понять, девочка. Но ему это не нужно. – Он чиркнул спичкой и закурил.

– Ты полон решимости, не так ли?

– Решимости?

– Доказать, что Бога не существует.

Он потряс спичкой, гася огонек.

– Дешевый обман, девочка; в мире полно таких обманов.

– Ты уверен, что это не вендетта?

– Вендетта?

– Против своего отца. Он же был священником, не так ли?

В облаке дыма он помотал головой и грустно уставился на ковер.

– Он потерял веру; он решил, что заблуждался и не имеет права быть викарием.

– И кем же он стал?

– Медиумом.

Алекс уставилась на него:

– Ты никогда не говорил мне об этом.

– Ну, есть вещи, о которых не говорят.

Она пожала плечами:

– Почему? Это не имеет значения. Он что, втягивал тебя в эти дела?

– Господи, конечно же, все время.

Она рассматривала сидевшего перед ней человека: высокий, неловкая поза, неуверенно, как старик, держит стакан обеими руками. В его присутствии она чувствовала себя уютно и спокойно. Ей всегда казалось, что Филип со всеми его тайнами и ответами, с его знаниями таит в себе истину о сути бытия, она известна только ему, и в один прекрасный день, если она проявит достаточно настойчивости, он раскроет ей эту тайну.

– Во что именно?

Он покраснел и уставился на свой стакан, словно старался прочесть текст, зашифрованный в виски.

– Спасение души – вот как он это называет.

– Спасение души?

– Гм! – Он неловко двинулся в кресле.

– Расскажи мне об этом.

Филип смущенно огляделся, как бы желая убедиться, что никто больше его не слышит, затем с извиняющимся видом улыбнулся ей.

– Мечтает приобщить меня... что-то вроде... – он пожал плечами, – экзорцизм, спасение заблудших душ и все такое.

– Не понимаю.

– Около Гилфорда есть участок дороги, на котором, как считают люди, появлялся призрак: прямо посреди дороги бродил какой-то тип. Его видели и несколько патрульных полицейских. Мой папаша отправился туда, прихватив меня с собой, потому что я не псих и духи на меня не действуют, я пашу по прямой. – Он сунул сигарету в рот и затянулся. – Выяснилось, что на этом месте несколько лет назад погиб в аварии водитель грузовика; так и не поняв, что он мертв, парень все бродил и бродил в поисках своей жены и детей. Мой отец объяснил ему, что произошло, что он мертв, а также связал его с духовными наставниками, те забрали его, и он обрел счастье. – Мейн робко посмотрел на Алекс, затем перевел взгляд на стакан с виски и повертел его в руках.

– А ты видел этого человека?

– Господи, да нет же. Только слышал, как отец разговаривал с ним.

– И что ты об этом думаешь?

Он сделал глоток и поднял на нее взгляд.

– Я думаю, у моего папаши крыша поехала.

Алекс в упор посмотрела на него, какое-то время они сидели молча.

– Вот уже не думала, что и ты к этому приобщился, – наконец сказала она.

Филип смущенно поерзал на месте.

– Это было давным-давно. – Он помолчал. – Господи, столько времени

прошло...

– И всю оставшуюся жизнь ты стараешься доказать, что он заблуждался?

Выпрямившись, Мейн молча уставился на нее.

– Мой отец кончил в сумасшедшем доме.

– Прости, – сказала она.

Он пожал плечами.

– Может, ему не удалось справиться с теми силами, которыми он обладал, – сказала она.

– Гм...

Она передернулась:

– Мороз по коже.

– Есть определенная связь между старческим мышлением, душевными заболеваниями и подобного рода страстями. Такова судьба большинства медиумов.

– Никогда не слышала, чтобы викарий стал медиумом.

– А ты когда-нибудь слышала, чтобы викарий кончил свои дни в сумасшедшем доме?

Она посмотрела на него, не зная, улыбнуться ли на это или нет.

– А ты когда-нибудь верил в такие вещи?

– Такие вещи погубили моего отца. – Он не отрываясь смотрел на виски.

– А тебе никогда не приходило в голову, что в этом что-то есть? В людях, обладающих даром исцеления?

– Даром исцеления обладает Национальная служба здравоохранения, и по статистике у нее результаты получше.

– А когда и она терпит поражение?

Он продолжал рассматривать виски.

– Тут ничего не докажешь.

– Случалось, люди выздоравливали, когда врачи ставили на них крест, лишали последней надежды.

– Такое случалось всегда, девочка, задолго до появления медиумов.

– И до Христа?

Он снова фыркнул.

– Тебе надо взять отпуск и отдохнуть. Избавляйся от всего этого; и не нужно, чтобы медиумы снова и снова поднимали все это.

– Одна из них была тут днем.

– А... тогда понятно.

– Что понятно?

– Отчего ты была бледная как полотно, когда я явился.

– Она вела себя странно и в самом деле перепугала меня. – Алекс посмотрела на него, но Мейн промолчал. – Я не просила ее приходить, она сказала, что якобы почувствовала – меня одолевают тревоги и что... Фабиан... что он по-прежнему где-то тут. – Алекс натянуто улыбнулась и вытянула сигарету из пачки. – Она села вот здесь, закрыла глаза, и вдруг ее стало трясти, как лист на ветру; потом она вскочила с перепуганным видом и сказала, что сделала ошибку, ужасную ошибку и что я должна оставить его в покое.

– Очень разумно.

– Затем сверху раздался шорох.

Мейн внимательно присмотрелся к ней.

– Какая-то идиотка хочет запудрить тебе мозги, втянуть во что-то.

– Нет, – возразила Алекс, – в том-то и дело, что не хочет. Она просто ушла, ничего не говоря и не отвечая на вопросы. Буквально вылетела, ужасно перепуганная.

– Психи, все они психи.

– Даже Морган Форд?

– Да, девочка. Иначе и быть не может.

– Вот уж спасибо; а я с такой надеждой иду завтра на встречу с ним.

– Я тебе уже все объяснил.

Она пожала плечами.

– Я хочу побывать у него; мне нужно самой составить впечатление. И тем более мне хочется встретиться с ним теперь, после того, что произошло... Я...

Он испытующе посмотрел на нее:

– Случилось что-то еще? Не так ли?

Она разминала сигарету.

– Вчера я привезла из Кембриджа старый чемодан Фабиана; он лежал у него на кровати, полный вещей, очень тяжелый. Вдруг я услышала наверху какой-то шум... поднялась. Чемодан валялся на полу. Сам по себе он никак не мог упасть, Филип.

– Так как, по-твоему, он оказался на полу?

Алекс нервно улыбнулась и почувствовала, что краснеет.

– Может быть, это странно звучит, как бред... может, меня тоже надо отправить в психушку, но, видишь ли, у Фабиана всегда был взрывной темперамент; в общем-то он был мягок и вежлив, но, когда у него что-то не получалось, особенно в детстве, он впадал в неистовство. Случалось, им овладевала такая сила, что я не могла справиться с ним. Может, он и сейчас

разозлился ... из-за этой женщины. – Она снова улыбнулась и с надеждой посмотрела на Мейна.

Он усмехнулся:

– Есть сотни причин, по которым чемодан мог оказаться на полу.

Алекс решительно замотала головой:

– Нет, никоим образом; этот чемодан не мог свалиться. – Она взглянула на него. – Почему ты ухмыляешься?

Он медленно покачал головой:

– То на тебя нападают в твоём офисе, то кто-то разбрасывает по комнатам чемоданы... Задумайся об этом.

– Это не то, Филип. Вчера вечером я была не в себе, но сегодня совсем другое дело, сегодня я чувствую себя нормально. – Она помолчала. – Хочешь сам посмотреть?

Он пожал плечами и встал.

В какой-то ужасный момент Алекс подумала, что вот сейчас они войдут в комнату и увидят: чемодан по-прежнему лежит на кровати и все вещи в нём аккуратно сложены. Она толкнула дверь и включила свет – чемодан по-прежнему валялся на полу с раскиданными вокруг вещами.

– Видишь?

Он посмотрел на чемодан, на одежду и книги, разбросанные по всей комнате.

– Все это было на кровати?

– Да.

Мейн обвел взглядом комнату, задумчиво взглянул на портрет Фабиана, задержав на нём взгляд; проходя мимо телескопа, легко провел по нему рукой.

– Прекрасный инструмент.

– Если хочешь, возьми его.

Припав на колени, Мейн настроил фокусировку и заглянул в окуляр.

– Лондон отвратительное место для занятий астрономией: слишком загрязнен воздух.

– Бери его, если надо.

Он покачал головой:

– Это вне круга моих интересов. Королева Виктория ненавидела микроскопы. Считалось, они так приближают предметы, что трудно сказать – что это такое. Я точно так же отношусь к телескопам: они так отдаляют предметы, что трудно судить, что они собой представляют. – Она улыбнулась. – Дал бы мне кто-нибудь микроскоп. Все мы, девочка, как под микроскопом, все-все... – Он встал, потянулся и перевел взгляд на чемодан:

– Помочь?

– Не стоит. Мне все равно придется все это разбирать; пусть пока полежит. – Она увидела, как Мейн посмотрел на портрет и как-то неловко отвел глаза. – Производит впечатление, не так ли?

– Этот портрет?

Она кивнула.

– Смахивает на одну из работ Ван Эйка. – Он взглянул на портрет и снова резко отвернулся.

– Ты голоден?

– Ну, мне кажется, этот парень не отказался бы перекусить, – вздохнул он.

– Тогда пусть этот парень что-нибудь выберет. Ну а его подружка – приготовит.

– И пожалуйста, получше, – сказал он, снова поворачиваясь к портрету. На лице его появилось озабоченное выражение, и он вышел из комнаты – слишком уж поспешно, подумала Алекс, удивившись столь неожиданной перемене настроения.

Блэк издал звук, напоминающий хныканье ребенка, и Алекс вздрогнула. Скулеж перешел в ворчанье на низкой ноте.

Мейн смахнул с усов крошки, осушил губы салфеткой и повернулся в сторону коридора.

– Тихо, малыш!

Низкое ворчанье продолжалось. Мейн поднял стакан с вином и осушил его.

– Великолепное.

– Ты что-то совсем притих.

Откинувшись на спинку кресла, он извлек из кармана сигареты, подлил вина в бокал Алекс и наполнил свой.

– Прекрасный напиток.

– «Монтепульчиано д'Аббуццо».

– Пардон?

Блэк снова заворчал. Повернувшись, Мейн посмотрел в его сторону.

– Тихо! – крикнул он. – Для Италии на удивление хорошее вино.

Поразительно.

– На эту тему тебе лучше поговорить с Дэвидом – сможешь написать книгу.

Помолчав, он поднял на нее глаза:

– Иисус неплохо разбирался в винах.

– Иисус?

– Он превратил воду не в какое-то там пойло. Кто-то даже спросил трактирщика, почему он такое хорошее вино приберег под конец.

Она улыбнулась:

– Итальянское?

– Нет, мой бог, конечно же нет. Скорее всего, ливанское.

Блэк снова зарычал. Филип нахмурился, но промолчал.

– Так что ты думаешь о чемодане?

Он помолчал, раскуривая сигарету, словно это был наркотик, который должен был дать ему силу заговорить.

– Я думаю, ты положила его слишком близко к краю кровати.

Она отвела глаза.

– Нет, Филип, я этого не делала, и ты это знаешь.

Мейн встал и направился к дверям.

– Блэк! – Пройдя по коридору, он увидел, что собака стоит, не сводя взгляда с лестницы. И снова раздалось низкое рычание. – В чем дело, малыш?

Пес не обратил на него внимания.

– Там наверху ничего нет, малыш.

Мейн удивленно уставился на собаку, начиная испытывать какое-то смутное беспокойство. Повернувшись, он сделал несколько шагов и зашел в туалет под лестницей. Закрыв двери, включил свет и поднял крышку сиденья. Он поймал себя на том, что его бьет дрожь. Тут было холодно, как в холодильнике. Он взглянул на четкие черно-белые разводы обоев и заметил, что они отливают сырым блеском; провел пальцем по стене и увидел, что тот стал влажным. Он стал разглядывать его; казалось, пока он тут стоял, температура еще понизилась. Над его правым ухом раздался резкий, как пистолетный выстрел, треск; он увидел тень и инстинктивно дернулся. Целая полоса обоев отделилась от стены и упала на него. Он отвел ее рукой, и полоса опустилась на пол у его ног; другая полоса обоев прямо перед ним начала медленно сползать вниз. Мейн потушил свет и выскочил, плотно прикрыв за собой дверь. Несколько секунд он стоял в коридоре, пытаясь понять, не привиделось ли ему все это, потом взялся за дверную ручку, но передумал, резко повернулся и вернулся в кухню.

Алекс посмотрела на него с беспокойством:

– С тобой все в порядке?

Он промолчал.

– Ты как будто взволнован.

– У тебя давно эта сырость в туалете?

– Сырость? Какая сырость?

– Обои просто пропитаны влагой, они отклеиваются от стены.

Он увидел, что Алекс нахмурилась.

– Не может быть. Дом сух, как старая кость.

– Может быть, где-то протекает труба?

– Утром вызову водопроводчика.

– Я сам гляну, возможно, там какая-нибудь ерунда. – Он снял пиджак и повесил его на спинку стула.

– Я сделаю кофе, – сказала она ему вслед.

Неся кофе в гостиную, она слышала, как Мейн поднимается наверх. Блэк сидел у входных дверей.

– Привет, малыш! – сказала она. – Хочешь выйти?

Бультерьер не обратил на нее внимания.

Алекс опустила поднос, вынула из плеера «Дона Джиованни» и

поставила композицию Моцарта. На бюро она увидела стопку нераспечатанных писем и, подойдя, стала перебирать их. Почерк на одном-двух конвертах показался ей знакомым, но она не могла заставить себя вскрыть их. «Только не сейчас, – подумала она, – потом, когда я снова обрету силы»; на мгновение она усомнилась, вернутся ли они когда-нибудь к ней. Наполнив чашку, Алекс села на диван.

Мейн вошел в комнату, вытирая ладони о брюки.

– Черного или с молоком?

– Черного, пожалуйста.

– Нашел, в чем проблема?

– Нет.

– Но все равно спасибо.

Он сел рядом с ней и начал задумчиво тянуть кофе.

– Завтра принесу кое-какие инструменты. Подниму половицы; может, утечка где-то в сочленении труб.

– А я и не знала, что ты такой мастер.

– У всех есть скрытые таланты.

– Можешь написать книгу на тему «Сделай сам».

– Слишком большая нагрузка, такое руководство да еще книга о происхождении жизни.

– Не говоря уже о поэзии.

Алекс почувствовала, как Филип внезапно напрягся и бросил взгляд за ее плечо.

– Все в порядке? – Она поймала себя на том, что тоже поворачивается – ею овладевало беспокойство, Филип нахмурился – ему было явно не по себе. Она слушала музыку и молчала. Постепенно он расслабился и, поставив чашку, мягко положил руку ей на плечо. Алекс слегка откинулась назад, нежно прильнула к нему, ощущая какое-то странное чувство неловкости. Она поежилась.

– Это «Фигаро»?

– Да. Отдельные партии, Моцарт такой разный...

Ей хотелось говорить, спорить, лишь бы слышать его голос, лишь бы избавиться от непонятного страха, захлестнувшего ее. Сегодня к вечеру те воскресные кошмары снова вернутся, подумала она.

– Ты все молчишь.

Он вскинул брови.

– Пенни за каждую твою мысль.

– На этом не разбогатеешь: как мой литературный агент, ты должна была бы это знать.

Она рассмеялась и замолчала, слушая музыку. Рассыпался в трелях французский рожок – вот типичный Моцарт, веселый и стремительный. Невольно она стала отстукивать ногой ритм, чувствуя, как в такт музыке подрагивают пальцы Мейна у нее на плече.

– О господи, – вздохнула она, – ну почему все это должно было случиться, ну почему?

– Гм...

– Так ты объясняешь происхождение жизни?

– Что?

– Гм, – передразнила она его.

Алекс почувствовала, как он наклонился вперед, услышала звяканье поставленной на стол чашечки.

– Ты оправишься, старушка; только для этого потребуется время, много времени. Хотел бы я дождаться, когда это произойдет.

У нее появилось импульсивное желание сказать ему: «Ты дождешься!», неожиданно ее охватило странное волнение, и она почувствовала прилив бодрости. Алекс сделала глоток кофе.

– Знаешь, просто смешно... мое настроение меняется несколько раз в час. Как на качелях – то вверх, то вниз.

Он кивнул:

– Какое-то время так и будет.

Она отвела взгляд.

– Ты что, специалист по любому вопросу?

– Да нет, честное слово, нет. Просто невежество – опасная штука.

– Значит, ты знаешь все?

Его рука сжала ее плечо.

– Нет, слава богу, нет. – Несколько секунд он сидел молча. – У меня в школе был учитель, такой напыщенный маленький человечек, который с большим самодовольством рассказывал нам, что он никогда не водил машину и не знает, как это делается. Зато великолепно умеет управлять паровозом.

Алекс улыбнулась.

– Он водил его в 1926 году во время всеобщей забастовки от Кингс-Кросс до Эдинбурга, без остановки. И утверждал, что ему по-прежнему принадлежит неофициальный рекорд скорости на этой трассе.

– Жизнь полна странных маленьких людей, делающих странные маленькие вещи. – Она увидела лицо Мейна совсем близко, заметила оспинки на побледневшей скуле, рыжую щетину его усов; удивившись, она дернулась и почувствовала мягкое прикосновение щетины к ее носу, к ее

губам, его голубые широко раскрытые глаза расплывались перед ней – словно глаза дантиста, когда ты сидишь у него в кресле, подумала она.

И вдруг его лицо изменилось, и она увидела перед собой Фабиана.

– Нет! – вскричала Алекс, резко откатнувшись назад. – Нет!

Лицо Фабиана расплылось и исчезло, и она увидела, как Мейн потрясенно смотрит на нее, на мгновение оцепенев, затем на его лице появилось смущенное, застенчивое выражение.

– Прости, – робко сказал он. – Я... м-м-м...

Она продолжала смотреть на него широко раскрытыми глазами, ее била дрожь. Алекс видела Фабиана так ясно, так живо. В нем было что-то трогательное и в то же время глубоко омерзительное. Господи, какие странные шутки играет с ней воображение.

– Прости, Филип, – сказала она. – На самом деле я... ну, не знаю... я не готова. – Она почувствовала, как его рука соскользнула с ее плеча; он наклонился вперед, поставил локти на колени.

– Нет, это моя ошибка, только моя, – сказал он. – Ты всегда казалась мне... такой потрясающе привлекательной, что я... я... – Он выпрямился и улыбнулся добродушной, растерянной улыбкой.

– Думаю, мне лучше пойти спать, – сказала она.

Он взглянул на часы:

– О господи, как поздно. – Он неторопливо поднялся, снова огляделся, и она увидела, что он испуган. – С тобой все будет в порядке?

Алекс кивнула и сделала гримасу.

– Должно быть, почему бы и нет?

Мейн направился в холл. Ну и холодина... Он потер руки и зашел в кухню. А тут и вовсе мороз. Он осмотрелся: может быть, и здесь отсырели стены или же то было всего лишь его воображение? Неожиданно Мейн почувствовал себя очень неудобно – дом не принимал его, он приказывал ему уходить. Мейн с подчеркнутой медлительностью снял пиджак со спинки стула и натянул его, после чего опять осмотрелся. Холод пронизывал его до костей. Он коснулся стены и провел по ней пальцем сверху вниз; палец остался сухим. С трудом сдерживая сотрясающую его дрожь, он поднял глаза к потолку, затем подошел к дверям, повернулся и в последний раз окинул взглядом кухню.

– Да пошел ты!.. – громко и твердо сказал он, после чего, развернувшись, вышел в холл.

– Ты что-то сказал? – спросила Алекс, вынося поднос из гостиной.

– Я? Нет.

– А я уверена, что слышала твой голос.

– Просто я окликнул Блэка, вот и все.

– А-а...

Он вытащил из кармана смотанный поводок, и Блэк сразу же оживился, запрыгал вокруг него, радостно взлаивая.

– Домой, малыш!

– Спокойной ночи, Филип.

– Спасибо за ужин.

– А тебе спасибо за вино. – Она быстро поцеловала его в щеку. – Будь осторожен.

– Можешь пожить у меня, если... э-э-э... если хочешь. Займешь опять свою комнату, милости просим... если тебе не хочется...

Она покачала головой:

– Благодарю, но это мой дом. Мне просто нужно снова к нему привыкнуть, вот и все. Как ты понимаешь, Фабиан тут больше никогда не появится. – Она закрыла дверь, слыша, как собака заливается в ночи радостным лаем, и повернула ключ в замке. И сразу же на нее снизошли мир и покой, словно неведомое зло ушло наконец из этого дома.

Алекс припарковалась на мрачной пустынной площадке в стороне от Глочестер-роуд и скрестила на счастье пальцы. Нумерация домов не подчинялась никакой логике, поэтому Алекс с каждой секундой беспокоилась все сильнее из-за того, что запаздывает и намеченная встреча может не состояться. Она, миновав стоянку, пересекла улицу.

Наконец Алекс увидела нужный номер – 49. Как раз перед ее машиной, здание смотрело прямо на нее. Как будто издевается, сердито подумала Алекс. Поднявшись по ступенькам, Алекс быстро просмотрела список жильцов: Голдсуорти, Мэгуайр, Томас, Кей, Блэксток, Покок, Аззиз. Несколько фамилий вписаны от руки, одна, Аззиз, перечеркнута. В этом перечне она нашла выцветшую желтоватую бумажку, на которой было аккуратно напечатано на машинке одно слово: «Форд».

Алекс облегченно вздохнула, но потом снова занервничала и стала оглядываться по сторонам: ей казалось, что все соседи знают о цели ее визита, что прохожие подталкивают друг друга, показывая на нее пальцами. Интересно, много зарабатывают медиумы? Судя по фасаду здания – не очень: плитка на крыльце растрескалась, штукатурка на колоннах осыпалась.

В домофоне раздался холодный, неприветливый голос:

– Да?

– Это... – О господи, каким же именем она назвалась? Совершенно вылетело из головы; надо как-то выкрутиться, подумала она, потянуть время. – Джонсон! – с облегчением сказала она наконец. – Миссис Джонсон. – Вроде бы она назвалась еще и по имени. – Алекс стала лихорадочно рыться в памяти.

Мрачный полутемный холл мало что мог сказать об обитателях дома – несколько рядов помятых почтовых ящиков, у стены старый велосипед.

Квартира Форда была на третьем этаже. Когда она добралась до нее, дверь была открыта. Внешность хозяина несколько обескуражила Алекс, но она тут же подумала: «А кого, собственно, я ожидала встретить – пожилого бородача, колдуна, которому далеко за шестьдесят, в кафтане и сандалиях, с волшебной палочкой в руках?» Перед ней стоял невысокий седовласый человек: аккуратная прическа, ладно сидящий на нем серый костюм; лет пятьдесят с небольшим, прикинула она.

– Шуна Джонсон?

Алекс едва не выпалила: «Нет, нет, Алекс Хайтауэр», но вовремя спохватилась. За его спиной она увидела небольшой кабинет, где на маленьком столике были сложены аккуратные стопки газет.

– Да. – Это она, Шуна. Какого черта она назвалась Шуной? Никогда в жизни не встречала женщину с таким именем.

Он протянул ей маленькую розовую руку, украшенную вульгарным перстнем; рука была такой маленькой, что Алекс подумала, не деформирована ли кисть. Ей показалось, что она пожимает руку ребенка.

– Заходите. Благодарю вас за пунктуальность. – В его речи чувствовался теплый певучий уэльский акцент, и голос совершенно не походил на тот, который она слышала по телефону. – Боюсь, что сегодня я совершенно выбит из колеи; моя секретарша еще не появилась.

Алекс испытала разочарование, оказавшись в чистой полутемной прихожей. Все казалось таким обыденным – ни намек на магию, волшебство, великую обрядность. Деловой костюм, секретарша, офис... Она как-то не представляла себе, что он ведет такой образ жизни.

Но гостиная производила другое впечатление. Стены огромной комнаты были цвета красного бургундского, окна выходили в сад. Прекрасная старинная мебель вызывающе заявляла о затраченных на нее средствах. В газовом камине, издавая шипение, горел огонь. По обе стороны каминной решетки неподвижно, как часовые, сидели две кошки, рыжая и дымчато-серая бирманская; рыжая сразу очутилась на ковре и с любопытством обошла Алекс вокруг.

И тут на столе в центре комнаты она увидела вазу, в которой стояли розы.

Алекс стала бить дрожь, и она отступила назад. Зазвонил телефон.

– Будьте любезны, садитесь. – Форд скользнул мимо нее и снял трубку. – Алло. – Она заметила, как он напрягся и заговорил уже знакомым ей холодным, отстраненным тоном: – У меня есть окно в четверг, в половине одиннадцатого. Могу вас принять в это время. Очень хорошо. Представьте, пожалуйста.

Всем ли он говорит, что у него есть окно? – подумала Алекс. Она сидела в неудобном викторианском кресле и глядела на розы.

– Секундочку, я возьму свое расписание и проверю. – Подняв глаза, она поймала его взгляд. – Вам нравятся розы? Они прекрасны, не так ли?

Когда он покинул комнату, ей показалось, что она уловила двусмысленное подмигивание, хотя, возможно, просто почудилось и замечание было самым невинным. Алекс снова взглянула на розы; должно быть, это всего лишь совпадение; розы прекрасно гармонируют с камином,

кошками и резной мебелью. Странная комната для мужчины средних лет, подумала она, больше смахивает на дом пожилой титулованной вдовы.

Алекс стала рассматривать картины на стенах. Три фантома с глазами-щелочками сбились в одну кучу – бледные тени на белом фоне. На полке, как раз под картиной, страшноватая восточная статуэтка. Осмотревшись, она заметила еще картины, все такие же мрачные – комната начала наводить на нее страх. Она уставилась на розы – точно такие преподнес ей Фабиан. Подойдя к вазе, она сосчитала их. То же самое число. И тот же цвет. Может быть, это послание для нее, подумала она. Знак? Смешно. Пока она смотрела на них, розы, казалось, начали распускаться; она закрыла глаза, встряхнула головой и отошла. Послышались шаги Форда, он громко высморкался. Алекс сразу же ощутила, как изменилась атмосфера, когда он вошел в комнату. Все сразу успокоилось, и она почувствовала облегчение. Алекс снова бросила взгляд на розы – вид красивых и радостных цветов внезапно привел ее в хорошее настроение.

Рыжий кот, задрав голову, посмотрел на нее и вспрыгнул ей на колени. Она нервно улыбнулась ему, подумав было, что он решил напасть на нее, но затем стала гладить кота за ухом. Он устроился поудобнее, положил ей голову на бедро и уставился в глаза немигающим взглядом. Ей стало приятно, что он так потянулся к ней; она положила руку кошке на живот, ощутила тепло ее тела и услышала спокойное, ровное дыхание животного.

– Опустите его на пол, если он вам мешает.

– Нет, он очень симпатичный.

– Некоторые опасаются кошек.

– Этот – прекрасное создание.

Форд стоял перед ней, улыбаясь, заложив руки за спину.

– Поскольку мы несколько запоздали с началом, я отведу вам дополнительное время.

И снова Алекс смутил его деловой подход. Неужели даже медиумы рассчитывают свое время по минутам, как юристы или бухгалтеры?

– У вас есть что-нибудь такое, что вы можете мне дать?

– Простите?

– Какой-нибудь предмет, который вы постоянно носите. Часы, браслет?

Она сняла «ролекс» и протянула ему.

– Итак, вас интересует нечто конкретное или мы просто начнем и посмотрим, как все пойдет?

Она пожала плечами, не зная, что сказать.

Он незамедлительно сел в кресло рядом с ней, несколько секунд подержал на вытянутой руке ее часы, затем зажал их в пальцах.

– Сбой, – тихо сказал он. – Я чувствую сбой. Что-то нарушило ритм, я чувствую, что-то трагическое недавно, совсем недавно, наверно, несколько недель назад. – Он посмотрел на нее.

– Вы хотите, чтобы я вам ответила?

– Как угодно. – Он улыбнулся. – Если не хотите, в этом нет необходимости, но вы могли бы мне помочь более точно определить путь следования, если я на правильном пути.

– Вы на правильном пути.

Он сидел тихо, нахмурившись, затем откинул назад голову, глаза его были широко открыты.

– Да, – сказал он, – я совершенно отчетливо ощущаю нечто... оно совсем рядом... молодое, полное энергии. Это ребенок... нет, нет, не ребенок, но и не взрослый, определенно не взрослый. Юношеский возраст... или двадцать с небольшим? – Он вопросительно посмотрел на нее. Она промолчала. – Мужчина. – Он нахмурился, и Алекс заметила то же странное нервное выражение, которое вчера было на лице Айрис Тремьян. Несколько мгновений он сидел молча, не шевелясь.

Алекс погладила кошку, снова посмотрела на розы, на три фантома на холсте, на пляшущие языки пламени в камине – и перевела взгляд на Моргана Форда. Тело его, напряженное, как кулак, подрагивало, на лице была мрачная решимость, словно он отчаянно сопротивлялся чьей-то воле.

– Это что-то особенное, – сказал он, продолжая смотреть прямо перед собой. – Он пытается сказать мне свое имя. Но это рано, слишком рано, душе требуется несколько месяцев, чтобы обрести себя; в первые несколько недель они слишком взвинчены, взбудоражены, у них много трудностей. – Голос его куда-то уплыл. – Ясность... им трудно обрести ясность. Нечто жестокое... не здесь, не в Англии, где-то за морем, я вижу пламя, взрыв. Что-то связанное с грузовиком. Да, да, кто-то кричит о грузовике!

Алекс наблюдала за ним: глаза закрыты, дрожит, как ребенок.

– Теперь что-то еще... кричит кто-то другой. Гарри? Нет, не Гарри, хотя похоже... Я ощущаю взрыв ярости, ужасное насилие... кто-то кричит: «Грузовик! Грузовик!» Взрыв, кто-то снова кричит: «Гарри!»; похоже, с этим Гарри связано что-то важное.

Алекс видела, как струйки пота текут по его мертвенно-бледному лицу.

– Теперь что-то проясняется, вот опять некая молодая особа, молодой человек, он пытается сказать мне свое имя. Все смутно, ничего не разобрать... может быть, Дэвид? Нет. Адриан? Может быть, Адриан. – Он резко дернулся, словно получил удар электрическим током. – Что-то не так, совершенно не так; продолжается какое-то ужасное столкновение, нечто

очень тревожное; много гнева, ужасного гнева. Фабиан... может быть, Фабиан? – продолжал он, не открывая глаз. – Да, теперь он что-то мне говорит, очень ясно, предельно ясно...

Алекс чувствовала, как кошка ровно дышит ей в ладонь. Она видела перед собой розы, видела медиума, чувствовала странную дрожь внутри, словно на несколько дюймов приподнялась над креслом.

И вдруг медиум громко закричал, закричал так, что она вздрогнула:

– Бог мой, я четко его слышу! – Руки его тряслись, ее часы, которые он продолжал держать, словно сошли с ума. – Теперь появился кто-то еще, пытается пробиться – девушка, она старается мне что-то сказать, но идет какая-то бессмыслица, она говорит, что ее зовут Гарри. Масса помех, их вызывает Фабиан: идет игра, он дурачится, подступает беда, все мечутся, она вот-вот придет, в данный момент все это игра. Девушка снова прорезалась, теперь более четко, Фабиана тут нет; похоже, он словно бы пытается... да... пытается пресечь... ревность... да, конечно... ох, снова все расплывается. – Форд, расслабившись, упал на спинку кресла и повернулся к Алекс: – Плохо слышно, похоже, телефонная связь вышла из строя.

Алекс с изумлением уставилась на него и лишь через секунду поняла, что он отпустил шутку.

– Из ряда вон, совершенно из ряда вон. Я никогда не сталкивался ни с чем подобным, никогда. – Он наклонился к ней. – Это нечто совершенно невероятное.

Алекс машинально гладила кошку, прислушиваясь к ее мурлыканью.

– То есть?

– Экстраординарное. Это понятно?

– Я в полном тупике.

– Я тоже, – улыбнулся Форд.

– Что вы имеете в виду?

– У вас есть какие-нибудь знания в этой области, миссис... э-э-э... прошу прощения... запомнил ваше имя?

– Хай... Джонсон.

– Ах да.

– Так что вы имеете в виду?

– Я говорю о потустороннем мире.

– Нет.

– Вашему сыну удалось пробиться. Это ведь ваш сын, не так ли? Вы хотели установить контакт с вашим сыном? Его зовут Фабиан или Адриан?

Он знает, кто она такая, каким-то образом ему удалось это вывести.

– Вы отлично все выяснили, – холодно сказала она. – Но сделали одну ошибку.

Он поднял бровь.

– Мой сын погиб при столкновении не с грузовиком, а с легковой машиной.

– Миссис Джонсон, меня там не было; я могу сообщить только то, что мне передано.

– Или то, что вы прочитали.

Он вытащил носовой платок и высморкался.

– Прочитал?

– Об этом несчастном случае сообщалось в газетах, мистер Форд, – сказала она. – Не знаю, во многих ли, но в «Дейли мейл» такая информация была. Там упоминался грузовик. Войдя, я обратила внимание на «Дейли мейл» на вашем столе. – Она ждала, что последует вспышка гнева, но ошиблась. Вместо этого он удивленно посмотрел на нее с обидой и задумчиво покачал головой.

– Прошу прощения, – тихо сказал он, – видно, у вас нелестное мнение о честности медиумов.

Искренность его тона заставила ее смутиться, она поймала себя на том, что краснеет. Алекс взглянула на его аккуратную прическу, безукоризненно белую рубашку с модным серым галстуком, на платочек, торчащий из нагрудного кармана пиджака, перевела взгляд на маленькие розовые ручки с маникюренными ногтями и огромным вульгарным перстнем, после чего посмотрела ему в лицо – довольно приятное. Вполне мог бы сойти за страхового агента.

– Я ничего не выяснял, миссис Джонсон. Я не читаю некрологов. Не просматриваю газеты в поисках сообщений о дорожных происшествиях и не пытаюсь связывать их с моими клиентами; не копаюсь в их школьных годах в надежде извлечь на свет божий давно забытые ими факты, чтобы поразить их. – Он улыбнулся. – К тому же подавляющее большинство тех, кто приходит сюда, называются вымышленными именами, откуда бы мне знать, где и что искать?

Он не сводил с нее взгляд, и Алекс виновато опустила глаза, а он мягко продолжал:

– Я не пытаюсь также сообщать лишь хорошие известия: я передаю только то, что слышу. В этом и заключается мой дар; это все, что я могу делать. – Он, как бы извиняясь, поднял брови. – Нам свойственно заблуждаться относительно тех, кто покинул нас. Нам кажется, что поскольку они ушли, то тем самым обрели искренность. – Он покачал

головой. – Дабы обрести ее, требуется больше, нежели одна жизнь, а искренность лишь одно из того многого, что предстоит нам усвоить на долгом пути по этой жизни и в следующей. Души могут лгать, что они часто и делают; могут искажать ход событий. Видите ли, ничего не меняется одним махом, только лишь оттого, что перешло на иной уровень существования. Если в этой жизни у вас плохая память, то она не может внезапно улучшиться в следующей.

Она увидела его мягкую смущенную улыбку, и ей не захотелось обижать его.

– У моего сына была отличная память.

– Такие аварии происходят очень быстро. Все, как правило, носит сумбурный характер; все идет кувырком, ничего не понять, – вот почему я неохотно берусь устанавливать связь с теми, кто сравнительно недавно покинул нас: нужно, чтобы прошло, самое малое, месяца три; а эта трагедия произошла несколько недель тому назад, не так ли?

Она кивнула.

– Обычно я мало помню из того, что сообщаю во время сеанса, в конце я с трудом припоминаю, о чем шла речь, но тут все совершенно иное, никогда в жизни я не воспринимал информацию в столь ярком и живом виде. И прошу вас, не надо цинизма, мы должны продолжать.

– Вы ошиблись и еще в одном, – сказала она.

Он улыбнулся:

– В чем именно?

– Вы говорили, что кто-то звал Гарри, и сказали, что тут какая-то странность, ибо это была девушка.

– И что же?

– А она не могла называться Кэрри?

– Кэрри?

Алекс кивнула.

– Порой из-за помехи не все воспринимается отчетливо, – сказал он. – Кэрри? Да, Кэрри. – Он на секунду прикрыл глаза и снова поднял веки. – Да, могло быть и так.

– Скажите, вы во время сеанса говорите и с живыми или только с теми, кто уже покинул нас?

– Я тот, кого называют медиумом, миссис Джонсон; я связующее звено между миром земным и потусторонним, – спокойно сказал он, глядя на нее.

– Тогда я не понимаю, каким образом вы могли говорить с Кэрри?

– А почему бы и нет?

– Потому что она жива. Живее не бывает, она в Америке.

По лицу его скользнула тень сомнения, словно пролетевшая птица задела его крылом, в глазах появилось откровенное беспокойство. Он покачал головой:

– Она пыталась пробиться, миссис Джонсон, вот все, что я могу вам сказать. Вы уверены, что она еще в нашем мире? Что и она не стала жертвой несчастного случая?

– Разве вы не можете выяснить это телепатическим путем?

– Многие пытаются именно так объяснить суть дарования медиума, миссис Джонсон. Что, мол, мы телепатически считываем информацию, просто сканируем мозг наших клиентов. Но надеюсь, вы не будете повторять эти стародавние глупости, не так ли? Ибо я поведал вам о двух вещах, которых не было у вас в голове: о том, что ваш сын столкнулся с грузовиком и что Кэрри, кто бы она ни была, старается дать о себе знать.

Она продолжала смотреть на него, собираясь с мыслями.

– Мне очень жаль, миссис Джонсон, что вы столь скептически настроены. Не знаю, удастся ли мне разубедить вас, но я все-таки попытаюсь.

– Что вы имеете в виду?

Он погрузился в долгое молчание. Алекс слышала лишь шипение газа в камине и мурлыканье кошки; с улицы доносилось шуршание шин, она уловила стук захлопнувшейся двери и подумала, уж не явился ли следующий клиент.

Внезапно он наклонился к ней, его лицо было так близко, что она почувствовала тепло его дыхания.

– Миссис Джонсон, – сказал он. – Фабиан хочет вернуться.

Она уехала смущенная и разочарованная. Мейн был прав, подумала она. Прав был и младший викарий. Ничего нельзя добиться, пытаюсь вернуть ушедших, все подобные попытки заканчиваются только – как он сказал – разочарованием и злом. Слова эти отдавали огнем и серой. Он рекомендовал ей пасторальный мир и покой, в котором мягко звучат колокола.

Неужели она столкнулась с тем самым злом, о котором он говорил? Нет, обида, горечь – может быть, но не зло. Возможно, игра, фокусы. Она вспомнила: комната источала опасность, пока в ней не появился Форд; неужели там живет зло? Может, пока он погружен в транс, оно выскальзывает из-за портьер и садится в кружок рядом с кошками? Она поежилась. В мире так много того, чего она не знает и никогда не узнает – так же как и большинство людей, – тайные общества, странные обряды, общение с богами, дьяволами и покойниками. Кто знает тайну? Или истину? Неужели Морган Форд в своем аккуратном сюртучке, восседающий в своей великолепной гостиной, один из тех немногих, кому открылся истинный смысл жизни? Неужели ему одному вверена ее тайна? И если так, то что он делает со своим даром? Сидит в этой странной комнате и говорит ложь скорбящим женщинам?

Алекс услышала нетерпеливый гудок у себя за спиной и подняла глаза – на светофоре был зеленый. Взглянув в зеркало заднего вида, она увидела вплотную за собой капот такси, вскинула руку и двинулась в сторону Гайд-парка. Свернула налево, сбросила скорость и включила стоп-сигнал. Куда она едет? Понедельник, одиннадцать утра, в офисе ее ждут неотложные дела, но она не может заставить себя приняться за них, пока еще не может – в сравнении с постигшим ее разочарованием все кажется несущественным. Чего же она ждала, подумала Алекс и повела плечами.

Может, в самом деле, с грустью подумала она, Фабиан пытался что-то сказать ей. Она была уверена: те странности, что происходят вокруг нее, непонятная игра ее воображения – все это имело какой-то смысл. Она не сомневалась, что пошла к медиуму по настоянию Фабиана. Алекс улыбнулась, и глаза ее увлажнились. Она надеялась узнать что-нибудь о его смерти, думала, что он объяснит ей нечто особенное, но теперь все рухнуло – обман, еще один грязный трюк, который сыграла с ней жизнь.

Да, Мейн был прав. Он и такие, как он, ближе всех к истине, пусть они

и восседают в своих лабораториях в окружении пипеток, мензурок и горелок, с компьютерами, которые все время решают вводимые в них уравнения, пытаюсь вывести единую всеобъемлющую формулу.

Может быть, уже существует некий палимпсест,^[1] на который накладываются строчки кода ДНК, и скоро появится ученый более терпеливый или, возможно, более удачливый, чем все прочие, которому наконец откроется сокровенная тайна религиозной убежденности?

Припарковав машину, Алекс пошла вдоль берега озера, каждой клеточкой своего тела ощущая огромность окружающего мира. За деревьями на фоне неба вырисовывалась панорама Лондона; притираясь боками друг к другу, как пассажиры в вагоне метро, стояли дома. Пожилой человек, не отводя взгляда от поверхности воды, время от времени взмахивал руками, словно сетуя на тщету всего сущего. Она поежилась, обхватила себя за плечи, внезапно со страхом представив себе, что и она состарится и будет вот так же глядеть на воду, делая странные жесты.

Розы в той комнате; роза на ветровом стекле... Одинаковое число роз в вазе... И того же цвета... О чем это говорит?

Что дала ей встреча с Морганом Фордом? Знал ли он, кто она такая на самом деле? Сам ли он догадался, что она имеет какое-то отношение к той аварии, о которой сообщалось в газетах, или же она дала ему какой-то намек? А может, он узнал обо всем телепатическим путем? Пожалуй, это единственное рациональное объяснение, но почему же тогда он допустил ошибку, сказав о грузовике? И искажил имя Кэрри?

Слишком много противоречий. В чем же истина? Что же представлял собой Фабиан? Видела ли она его суть или только то, что на поверхности? Глядя на лодочный эллинг, на скачущих мимо нее всадников – среди них была юная симпатичная девочка с новым модным защитным шлемом на голове, – Алекс задумчиво покачала головой: перемены, перемены... И все сливается в некоей исчезающей точке на горизонте. Все обретает черты сходства – даже наездники напоминают теперь конную полицию. Господи, ей никогда не поддавались головоломки; в чем же тайна этой загадки? Неужели она так и останется неразгаданной, подобно параллельным линиям, которые никогда не сходятся, или же где-то, в невообразимой дали, все-таки есть точка пересечения, где и лежит ответ?

В памяти возник Отто, сначала едва различимо, он словно скользнул в приоткрытую дверь и безмолвно ждал в тени, пока она обратит на него внимание. Алекс смотрела на маленькую девочку с няней, которая кормила уток крошками хлеба, и вдруг почувствовала, что Отто с самодовольной ухмылкой тайком поглядывает на нее. В чем дело? Что он здесь делает,

раздраженно подумала она и попыталась не обращать на него внимания, изгнать из памяти его образ, но добилась лишь того, что он еще четче предстал перед ней. Теперь она видела его комнату, пустые бутылки из-под шампанского, шипящую кофеварку, небрежно расставленные на столе чашки и презрение в глазах, хранивших тайны ее сына, взгляд, в котором ясно читалось: «Я мог бы иметь тебя в любую минуту, как захочу, но не буду себя утруждать».

Что он знает?

Алекс поймала себя на том, что по пути к машине она уже обдумывает, как быстрее выбраться на автотрассу и будет ли он на месте, или же ей придется дожидаться его в коридоре. Она даже не пыталась обуздать свой порыв – ничто не могло остановить ее. Она не думала ни о чем ином, кроме как о темной дубовой двери его комнаты.

Она приехала в Кембридж незадолго до двух часов, припарковалась рядом с колледжем Магдалины и пробежала сквозь сводчатый проход. Торопливо поднявшись по ступенькам, прошла по уже знакомому коридору и, задыхаясь, остановилась у его двери, надеясь услышать хоть какой-нибудь звук: поскрипывание половиц, позвякивание чашек, музыку, голоса или шуршание бумаг. Тишина. Она осторожно постучалась, услышала эхо своего стука и ощутила гулкую пустоту за дверью.

Но дверь открылась, и Алекс отпрянула. На пороге стоял Отто – одна рука в кармане грубошерстной куртки, на изрезанном шрамами лице многозначительная ухмылка. Насмешливо глядя на Алекс, он кивнул:

– Вы явились раньше, чем я ожидал.

Она нахмурилась, задетая этим замечанием, и посмотрела ему прямо в глаза, стараясь понять, что он имеет в виду, но, смутившись, отвела взгляд.

– Прошу прощения, я не поняла... я ничего не просила вам передать.

Он повернулся и вошел в комнату.

– Я сделал кофе. Хотите?

Она увидела, как в прозрачной емкости кофеварки на полу бурлит жидкость и рядом уже стоят две чашки.

– Спасибо.

– Я знал, что вы придете, – деловито сообщил он ей.

– Каким образом?

Он пожал плечами:

– Я вообще многое знаю.

– Что именно?

Он презрительно хмыкнул, и на мгновение у нее появилось желание

ударить его.

– Тем не менее, при всех своих знаниях вы не знали, как спасти моего сына от смерти, – с внезапным сарказмом бросила она, не в силах сдержаться.

Он, встав на колени, поднял кофеварку.

– Придется пить черный и без сахара.

– Спасибо и на том.

Алекс ждала, что он ответит, но Отто промолчал; он продолжал стоять на коленях у кофеварки. И, глядя на него, она почувствовала странную слабость.

Когда он наконец повернулся, в глазах у него была злоба.

– Прошу прощения, Отто, – вдруг занервничав, сказала она. – Я была не очень-то любезна. – Алекс почувствовала, что в нем клокочет тихая ярость; внезапно он показался ей слишком старым для студента, даже старше ее. – Порой я говорю то, – сказала она, – чего на самом деле не думаю.

Отто сел прислонившись к стене; его гнев постепенно стихал, он снова обрел молодежливый вид.

Алекс натянуто улыбнулась:

– Откуда вы знали, что я приеду?

Он ответил медленно и четко, словно диктуя в микрофон:

– Порой я предчувствую какие-то вещи, то, что должно произойти, – иногда крупные события, иногда мелочи, порою ничего не чувствую.

– И что же, они на самом деле происходят?

Он сделал глоток кофе.

– Происходят. – Он испытующе посмотрел на нее. – Но все это ни к чему, вся эта информация бесполезна.

– Почему? – растерянно спросила она.

– Она как бы говорит о том, что уже случилось, поэтому мне с ней нечего делать.

– Вы обещали мне кофе.

Он пожал плечами:

– Конечно, он уже готов.

– Вы знали о столкновении? О том, что оно должно произойти?

– Нет, ничего. – Он помолчал. – Но даже если бы и знал... – Он пожал плечами.

– Вы знаете, почему я приехала?

Он промолчал.

Алекс в упор посмотрела на него, пытаясь что-то прочесть в его

глазах. Ей хотелось увидеть что-то за насмешливой ухмылкой, которая в них читалась, но ничего иного она не заметила. Словно смотрела через стекло, за которым стояла непроглядная ночь.

– Отто, я хочу, чтобы вы попытались кое-что вспомнить; вам это не доставит удовольствия, но для меня очень важно. Вы поможете мне?

– Если смогу.

– Вы врезались в легковую машину, не так ли?

– Да, без сомнения.

– А что происходило до этого?

– Не помню; помню только – вот я в машине, а в следующий миг уже вылетел из нее.

– Прошу вас, попытайтесь вспомнить.

– Я маялся похмельем, у нас была основательная вечеринка; о Фабиане я ничего не знаю. – Он усмехнулся.

– Почему вы улыбаетесь?

– Он умыкнул дочку хозяина и провел с ней ночь. – Отто покачал головой. – Трудно поверить, каким успехом он пользовался у девушек.

– Но никогда не мог удержать их?

Он посмотрел на нее и отвел глаза:

– Это не важно.

– Для вас. А для него?

Отто пожал плечами.

– Ваш сын вел себя по отношению к женщинам как подонок, миссис Хайтауэр; лучше не касаться этой темы.

– Что вы хотите этим сказать?

Он покачал головой.

– Какое это имеет значение, когда он... – Алекс помолчала. – Вы можете рассказать мне?

Он как-то странно улыбнулся:

– Это не важно, в самом деле не важно. – Он отпил кофе. – Мы ехали и просто болтали; я сидел на переднем сиденье, Чарли и Генри сзади; почему-то я не застегнул ремень – в «гольф» сидеть в таком положении, как вы знаете, неудобно. Встали мы рано, только занимался рассвет; Фабиан болтал с Чарли и поглядывал вокруг; внезапно прямо перед нами довольно высоко я увидел огни, они неслись на нас с бешеной скоростью, и я подумал, что это грузовик.

– Что? – услышала Алекс свой крик. Ее пронзила дрожь, захлестнула волна недоверия и смущения. У нее закружилась голова, пол внезапно качнулся, уходя из-под ног, словно лодка, подброшенная волной, и, чтобы

не свалиться с кресла, ей пришлось ухватиться обеими руками за подлокотники. – Грузовик?

– Оказалось, это был старый «ситроен», большой и высокий, а наш «гольф» почти стелился по земле. Тот «ситроен» выглядел как грузовик. Фабиан, должно быть, так и подумал. Он закричал: «Грузовик!» И после этого я оказался на траве или в грязи... толком не помню.

Кресло продолжало раскачиваться с боку на бок, словно жило своей собственной жизнью; пытаюсь побороть тошноту, она прижалась к спинке, различая лишь его глаза напротив, темные как ночь.

– Боюсь, что узнали вы немного.

– Порой и не стоит много знать, – еле слышно сказала она, смутно осознавая, как спазмы сжимают желудок.

В доме пахло чистотой, свежестью и мастикой. Мимси оставила одну из своих неразборчивых записок:

«Дргая миси Айтау, вс рабту сдел. Порошка для окно большо нет. Беда нижн. туалете, бумага отлпает. Бду звтра».

Нахмурившись, Алекс сделала запись в списке покупок, помедлила у нижнего туалета и поднялась в комнату Фабиана. Мимси оставила в ней все как было, как она ей велела. Подобрал его дневник, она села на кровать, вынула открытку, которую взяла у матери Кэрри, и письмо, которое Кэрри написала Фабиану, развернула его и тщательно разглядела. Затем положила рядом открытку и стала сравнивать почерки, сверяя каждую букву алфавита.

Пока она этим занималась, ее пробил озноб, и она ощутила, как в комнате падает температура. Алекс встала, не взглянув на портрет, вышла из комнаты, спустилась в гостиную и села у телефона. Сняла трубку, но, помедлив, положила ее обратно. Снова стала рассматривать письмо и открытку, после чего, решившись, сняла трубку и набрала номер Филипа Мейна.

- Прости, – сказала она, – если я была грубовата прошлым вечером.
  - Да, господи, я все понимаю... Это я вел себя...
  - О нет, ты был мягок и добр.
  - Ты сегодня... ездила?
  - Да.
  - Тогда ясно. – В голосе его слышалось неодобрение.
  - Поэтому я тебе и звоню. Хочу поговорить с тобой на эту тему. Что ты делаешь сегодня вечером?
  - Да ничего существенного; разве что пытаюсь окончательно выяснить проблему происхождения человека.
  - Прошу прощения.
  - Поскольку эта проблема ждала два миллиона лет, думаю, один вечер она еще потерпит.
  - Хочешь рискнуть и попробовать еще раз мой размороженный обед?
- Наступило молчание. Кашлянув, он смущенно сказал:
- Я бы предпочел... э-э-э... пригласить тебя куда-нибудь. Понимаешь,

чтобы ты не возилась со стряпней. Думаю, и тебе было бы полезно куда-то выбраться.

– Хочешь, чтобы мы где-то встретились?

– Да нет же, нет; я заеду за тобой – подъеду и дам сигнал.

– Тебе разрешается и войти, – улыбаясь, сказала она.

– М-м-м... иногда бывает чертовски трудно с парковкой.

Он говорил как-то уклончиво, что удивило ее.

– Прекрасно. – Она пожала плечами. – Когда тебя ждать?

– Примерно через час. Устроит?

– Хорошо, я буду готова. – Повесив трубку, она положила на столик письмо и открытку и тщательно прижала их телефоном.

Ресторан был маленький и неприветливый; чувствовался вечер понедельника. Но на голых деревянных столах весело потрескивали свечи, и обслуживали их со всем тщанием, как бы давая понять, что они явно не ошиблись, придя сюда, что обычно тут не пробиться.

– Если днем ты очутишься на дне шахты и поднимешь голову к небу, то увидишь Венеру. Она все время там, на небосводе. В XV столетии моряки ориентировались на нее, прокладывая курс.

– У них что, были на судах угольные шахты?

Филип Мейн задумчиво улыбнулся:

– В том не было необходимости, девочка. – Он показал пальцем на глаза. – Они видели ее невооруженным глазом.

– А почему мы не видим?

– Эволюция. Мы развиваемся, наши чувства притупляются; теперь курс за нас прокладывают компьютеры.

– Значит, мы не видим Венеру из-за загрязнения атмосферы?

– Нет, боже милостивый, нет; мы не можем разглядеть ее, потому что теперь вообще не знаем, как смотреть; может, дикари в джунглях и видят ее, но если бы мы и обладали способностью рассмотреть Венеру, то все равно были бы ослеплены сиянием электрических огней.

– То есть эволюция не всегда идет на пользу.

Он крутил в руках винный бокал, уставившись в стол.

– С этим ничего не поделать, – решительно сказал он.

– И с каждым поколением мы теряем остроту чувств?

– Старые чувства притупляются, новые развиваются. – Он помолчал. –

Наступает период торжества иррациональности.

– Почему ты так считаешь?

– Способности человека быстро развиваются, и темп этот ускоряется с

каждым поколением. До 1954 года никто не мог пробежать милю за четыре минуты, а теперь это расстояние покрывают за три минуты пятьдесят. Тем не менее в наше время у нас вообще нет необходимости бегать. – Он пожал плечами.

– Я думала, так быстро бегают потому, что принимают допинг.

– Частично, только частично; тут сказывается и эволюция.

– Значит, наши ноги должны становиться короче?

– И руки, в них отпадает необходимость. Нам нужны только пальцы – нажимать кнопки.

– Иначе говоря, через тридцать два миллиона лет от нашего тела останутся в основном лишь пальцы и ноги, как у картофельных человечков на детских рисунках?

Филип вытащил из кармана пачку сигарет.

– Итак, ты отправилась к своему медиуму.

Кивнув, Алекс взяла предложенную сигарету.

– Мистер Форд, должна признаться, заставил меня задуматься. Он утверждал, что ему удалось связаться с Фабианом, описал несчастный случай. – Она прикурила сигарету от свечки, оглянулась, не подслушивает ли ее какой-нибудь официант, и перегнулась через стол. – Он сказал: кто-то в машине кричал, что прямо на них летит грузовик.

– Он мог узнать это из газет... или телепатически – от тебя.

Она покачала головой:

– Фабиан погиб при столкновении с автомобилем, грузовика не было.

Филип удивился:

– Но в газете говорилось...

– В том-то и дело, – прервала она его. – В том-то все и дело. В газете в самом деле речь шла о грузовике, так что я была уверена: он прочел сообщение и выложил это мне. Но сегодня днем я подъехала в Кембридж и поговорила с Отто, с тем юношей, который остался жив. Я попросила его рассказать, что предшествовало столкновению. Он сказал: увидев приближающуюся машину, они решили, что это грузовик, и Фабиан крикнул им об этом. – Она отпила вина и с силой затянулась сигаретой, после чего мрачно уставилась на Филипа.

Он пожал плечами:

– Возможно, телепатия: перед самым столкновением твое подсознание уловило сигнал от Фабиана, но не осознало его, а Форд смог извлечь эту информацию. – Он снова пожал плечами. – Тут довольно сложный комплекс оценки событий. Или...

– Или Форд действительно тот, за кого себя выдает.

– На этот счет ничего не могу сказать. Честно.

Появился официант:

– Голубь для вас, мадам?

– Нет, для меня.

Алекс подождала, пока сервируют стол, после чего опять наклонилась к Филипу Мейну:

– Ты знаешь, где можно найти криминалиста-графолога?

– Графолога?

– Ну да. Не знаю, как они называются – те, к кому обращается полиция, когда надо выяснить, не подделаны ли документы.

– Есть парень, которого я время от времени привлекаю к своим исследованиям; видишь ли, я как-то пытался опровергнуть Свитки Мертвого моря. – Он мрачно усмехнулся.

– Чтобы досадить отцу?

Филип погрузился:

– Нет, это было много времени спустя... – Он замолчал, рассматривая жареного голубя с таким видом, словно тот совершил преступление.

– Смотрится очень неплохо, – улыбнулась она.

– Дохлая крыса, – сказал он.

– Что?

– Дохлая крыса, – повторил он.

– Дохлая крыса?

– Да. Его имя звучит примерно так:^[2] Дерат, Дюрат, Дендрет. Дендрет – вот как его называют.

– Есть ли что-нибудь, чего ты не знаешь? – улыбнулась она.

– Понятия не имею, почему я заказал голубя; я вспомнил, что терпеть их не могу.

– Могу с тобой поменяться.

– Нет, нет, ради бога, нет. Человек должен нести ответственность за свои действия. – Он бросил на нее какой-то странный взгляд, который вызвал у нее секундное беспокойство.

– Но в наши дни можно не превращаться в мученика; мы уже значительно эволюционировали.

– Ура, – сказал он, нерешительно ковыряя голубя вилкой.

Алекс довольно уютно чувствовала себя в окружении мусора, которым был завален «вольво»; ноги ее покоились на бумагах, штрафных квитанциях за парковку и кассетах. У машины был домашний, обжитой вид.

– Ты когда-нибудь чистишь свою машину?

– Увы, нет. Только пепельницу, когда она заполняется.

Улыбнувшись, Алекс посмотрела на полуоткрытую пепельницу, забитую окурками.

– Что ты считаешь полной пепельницей?

«Дворники» ползали по ветровому стеклу, разгоняя струи дождя; перед Алекс, как в калейдоскопе, мелькали огни Лондона.

– Тебя не смущает, что ты возвращаешься в дом, где будешь одна?

Она пожала плечами:

– Нет. Я привыкла, Фабиан приезжал домой только на каникулы.

– Ты хотела бы иметь еще детей?

Она покачала головой:

– Возраст не тот, да и слишком я для этого занята.

– А сколько тебе?

– Много, – улыбнулась она. – Иногда я чувствую себя древней старухой.

Она смотрела, как белые, оранжевые, красные огни вспыхивают перед глазами и разбегаются в стороны, слышала рокот двигателя; резкое торможение заставило ее качнуться вперед, шуршание шин по асфальту стихло. Но «дворники» продолжали щелкать, цок-цок-цок, почти в такт с работой двигателя и ритмом музыки из соседней дискотеки. Два скромных инструмента в оркестре лондонской ночи, подумала она.

– Я не могу больше иметь детей, – сказала она. – У нас... – Она замолчала; мысль об этом резанула ее острее, чем обычно; она провела кончиком языка по нижней губе и уставилась на картину за окном.

Филип притерся к другой машине, стоящей перед ее домом, двигатель он не выключил.

– Спасибо за угощение, – сказала она. – Может, зайдешь?

По его лицу скользнуло какое-то странное выражение, чуть ли не страх.

– Я лучше вернусь поработать.

– Вечером?

– Такой скромный парень, как я, не может заставлять мир вечно ждать его.

– Как и его агент.

– Да. Увы, да.

– Послушай... если ты не против, зайди на минутку – хочу показать тебе открытку и выслушать, что ты о ней думаешь.

Снова по его лицу скользнула тень, и теперь Алекс не сомневалась –

это был страх. Алекс смотрела на него, испытывая какое-то смущение и пытаясь понять, что же его так взволновало, что пробило ту несокрушимую броню уверенности в себе, которая обычно его окружала.

Несколько мгновений он сидел, уставясь в ветровое стекло, потом с каким-то отрешенным видом, словно преодолевая внутреннее сопротивление, переключил передачу на задний ход и посмотрел через плечо.

Видно было, что он с трудом, как бы преодолевая невидимую силу, поднимается по ступенькам. Она молча наблюдала за ним – он брел, будто против сильного течения.

Остановившись у входных дверей, Мейн покачнулся и, чтобы устоять на ногах, ухватился за дверной косяк. Лицо его заливала бледность, на лбу выступили капли пота. Он плотно смежил веки, и она испуганно посмотрела на него.

– Филип? В чем дело?

Он поднял на нее глаза; по его лицу стекал пот.

– Все прекрасно, – сказал он. – Со мной все отлично. Это пройдет; сейчас я приду в себя.

– Что такое, Филип?

– Все хорошо. – Он, нервничая, посмотрел на нее. – Нормально. Отлично. – Он улыбнулся.

Едва они переступили порог, их поразил запах – ужасная, омерзительная вонь. Задохнувшись, Алекс кинулась к открытым дверям, чтобы вдохнуть глоток воздуха. Мейн зажал рукой нос и молча смотрел вокруг.

– В чем дело? – Она включила свет в холле – все нормально. – Будто собака...

Мейн покачал головой:

– Нет, это не собака...

Алекс вошла в кухню, прижимая к носу платок.

– А здесь не пахнет, – сказала она.

Мейн спустился по лестнице.

– Наверху тоже нет запаха.

Она вернулась в холл, где запах чувствовался особенно сильно, остановилась на пороге и втянула в себя сырой ночной воздух.

– Это где-то в доме, Филип, – сказала она. – Может быть,дохлая мышь или что-то такое. – Посмотрев на него, она увидела, что он, широко раскрыв глаза, озирается, а лицо у него мертвенно-бледное. – Филип? Почему бы тебе не присесть? Я открою окно. – Она вошла в гостиную и

включила свет, и тут же взгляд ее прилип к полу.

Там валялись, словно брошенные в гнев чьей-то рукой, открытка и письмо Кэрри.

Стены резко качнулись, отступая от нее. Пол уплыл из-под ног. Алекс шатнуло, и она врезалась в стенку. Пытаясь удержаться, она оперлась руками о стену, но та, казалось, оттолкнула ее. Алекс сделала несколько неверных шагов и свалилась.

– Алекс? Ты в порядке?

Перед ней все кружилось, но она увидела, что Мейн сверху глядит на нее; казалось, что она видит все издали: вот она лежит на полу, вот смотрит на Мейна, вот слышит чей-то голос... ей потребовалось несколько секунд, дабы осознать, что это ее собственный.

– Я... я, должно быть, поскользнулась.

Она увидела подплывающую к ней руку; рука поддержала ее и помогла подняться; она уцепилась за Мейна и внезапно ощутила колючую мягкость его пиджака и тепло груди. Она тяжело повисла на нем и почувствовала его сильные спинные мышцы.

– На полу... – пробормотала она. – Когда я уходила, они были под телефоном. Придавленные аппаратом. Кто-то вытащил их.

Его рука, лежащая у нее на спине, дрогнула; «А может быть, это я дрожу», – мелькнула у нее мысль.

– Успокойся, девочка, успокойся.

По его голосу она поняла, что он старается подавить беспокойство. «В чем дело? – хотелось ей сказать. – Что, черт побери, с тобой происходит?» Она уставилась на него:

– Еще одна шуточка моего воображения?

Он опустил взгляд на свои поношенные коричневые башмаки и откашлялся. Голос его упал до еле слышного шепота, словно он разговаривал сам с собой.

– Нет, господи, о нет, это не шуточка. – Он поднял глаза к потолку и задумчиво обвел взглядом стены, по-прежнему снедаемый тревогой. – Скорее всего, где-то протечка.

– Прости, – сказала она, нагибаясь и подбирая открытку и письмо. – Хочешь кофе?

– Я бы предпочел капельку виски.

– Наливай себе, я приготовлю кофе. – Она вышла из комнаты.

Мейн подошел к буфету и плеснул себе основательную порцию виски. Затем подобрал открытку и письмо и направился к креслу. Еще раз фыркнул, поморщился, посмотрел на потолок и медленно сел. Он подержал

виски у самого носа, вдыхая его запах, потом плотно закрыл глаза.

– Отче наш, – сказал он, – иже еси на небеси, да святится имя Твое, да придет царствие Твое...

– Филип? Ты спишь?

Он, вздрогнув, открыл глаза и покраснел.

– Гм, – буркнул он, шаря по карманам в поисках сигарет.

– Так что ты думаешь?

– Что я думаю?

– О письме.

Он внимательно прочел письмо. Пожал плечами:

– Сказано все достаточно определенно. Но что она подразумевала под «странными привычками»?

– Да я не про содержание, – сказала она. – Про почерк. Посмотри на открытку.

– Да, немного отличается, – признал он. – Может, она ее писала положив на колено или в состоянии волнения; в сущности, почерк тот же самый.

– Твой приятель Дохлая Крыса сможет сказать точно?

– Дендрет?

Голова у него внезапно дернулась, словно он пытался увидеть что-то у себя за плечом; на лице появилось испуганное выражение.

– Эй, с тобой все в порядке?

– Что?

Алекс присела на ручку кресла и поежилась.

– Думаю, можно закрыть окно. И так и так – никакой разницы.

– Никакой разницы?

Она приложила руку к его лбу – он был влажным и холодным.

– Может, приляжешь?

Он тупо смотрел куда-то вдаль, поверх стакана с виски, и молчал. Алекс вышла налить кофе. Когда она вернулась, Мейн сидел точно в такой же позе. Запах в комнате был ужасающим.

Она снова присела рядом с ним на подлокотник и увидела, что лицо его все еще залито потом.

– Нам лучше расположиться на кухне – там куда приятнее. – Она посмотрела на него, не уверенная, что он слышит, и снова приложила руку к его лбу: на мгновение она с ужасом подумала, уж не хватил ли его удар.

– Я здесь чужой, – внезапно сказал он. – Я тут не нужен.

– Хочешь, я позвоню врачу? – спросила Алекс, напуганная невнятицей его слов. Она помахала рукой у него перед глазами, следя за его реакцией,

но он даже не моргнул. – Филип, хочешь, я вызову врача? – Не дождавшись ответа, она снова спросила: – Ты слышишь меня?

– Привет, мама.

Слова прозвучали мягко и совершенно отчетливо, словно Фабиан стоял рядом с ней.

Дернувшись, она взгляделась в холл, перевела взгляд на открытое окно. Потом подбежала к нему и выглянула наружу. Улица была совершенно пуста – ничего, кроме сгустившейся темноты, припаркованных машин и дождя.

Нет, это ей не привиделось.

Она смотрела на Мейна, которого била крупная дрожь.

– Мама.

Слова исходили от Мейна.

Она видела, как тяжело он дышит, как дрожь сотрясает его тело, а лицо заливают пот, и ей показалось, что в комнате стало еще холоднее. Заметила она и то, как побелели у него костяшки пальцев, сжатых в кулаки.

Она застыла на месте, не сводя с него глаз.

Мама.

Это слово продолжало звучать у нее в голове.

Неожиданно он вскочил и, как будто отталкивая что-то от себя, закричал уже своим голосом:

– Нет, говорю я, нет! – Он обвел взглядом комнату, потерянный, смущенный, словно не понимая, где находится, и уставился на Алекс взглядом полным ужаса, – казалось, он не узнает ее. – Я... должен... идти, – медленно, запинаясь на каждом слове, сказал он. – Теперь... я... должен... идти. Мне не стоило приходить.

– Что случилось, Филип? Прошу тебя, расскажи мне.

Он испуганно огляделся по сторонам с тем выражением, которое она впервые увидела у Айрис Трэмьян, и решительно направился в холл.

– Останься и поговори со мной.

– Поехали вместе.

Она покачала головой:

– Я буду ждать тебя в машине.

– Дендрет, – сказала она. – Где я могу найти Дендрета?

Распахнув дверь, он словно в прострации вышел.

– Филип! – Она услышала свой голос, пронзительный, испуганный, как крик потерявшегося ребенка. Повернувшись, обвела взглядом холл, схватила сумку, пальто и ключи, захлопнула дверь и побежала к машине.

Мейн сидел в «вольво», окутанный густым облаком сигаретного дыма;

как только она хлопнула дверцей, он включил двигатель и снялся с места.

– Филип, я хотела бы остаться.

Не обращая на нее внимания, он повернул налево на Кингс-роуд. Лицо его было бесстрастным. Он вел машину очень быстро, и Алекс мотало на сиденье. Огонек индикатора ремней безопасности горел перед ней, пощелкивая, как разозленное насекомое, но она старалась не обращать на него внимания. Он не промолвил ни слова, пока они не вошли в его квартиру.

Мейн налил Алекс бренди, опустился в кресло со своим виски и, глядя себе под ноги, тихонько присвистнул. Алекс вдохнула запах виски и сделала глоток; она почувствовала, как жидкий огонь согрел ее желудок, и, обхватив огромный пузатый бокал обеими руками, с благодарностью глотнула еще.

– Так что произошло?

Он снова присвистнул и вытащил сигареты.

– Это Фабиан говорил или ты?

По-прежнему молча он предложил ей пачку, но она покачала головой и вытащила свои сигареты.

– Тебе не хочется говорить, да?

Он вдруг побагровел, словно бы нечто мучительное вдруг поселилось в нем, и Алекс подумала – лучше бы ей было промолчать.

– Мне очень жаль, прости.

Он щелкнул зажигалкой и уставился на язычок пламени, пляшущий на сквозняке; он смотрел на него так пристально, словно ожидал – вот-вот из пламени появится джинн и придет ему на помощь.

– Очень странно, – неожиданно сказал он.

В первый раз Алекс заметила, как он устал и измотан: кожа складками висела на лице, как выжатое белье на веревке.

– Что ты имеешь в виду?

Пожав плечами, он ничего не ответил.

– Ты помнишь, что писал в своей последней книге?

Он с силой затянулся и уставился куда-то в пространство; Алекс поежилась: струйки дыма вокруг его лица напомнили ей вдруг виденную однажды картину: желтые, болезненные лица курильщиков опиума в каком-то притоне.

– Ты писал, что все мы заложники наших генов. – Ни малейшего отклика. – Ты писал: мы не в силах сопротивляться заложенной в нас программе и не можем изменить ее; единственная свобода, которой мы обладаем, – это возможность не соглашаться с ней. – Он медленно склонил

голову. – Эта программа создается для нас в момент зачатия, в силу случайного набора генов в сперматозоиде отца и яйцеклетке матери. В эту долю секунды и определяется все, что будет унаследовано или отброшено от каждого из родителей. Так?

Повернувшись, он рассеянно посмотрел на нее.

– Ты унаследовал способности своего отца, но не хочешь признаться в этом.

Он отвел от нее взгляд и снова уставился куда-то в пространство.

– Пожалуйста, объясни мне, Филип, прошу тебя, объясни, что произошло.

– Это всего лишь теория, вот и все, – сказал он, не глядя на нее. – Чистая теория, девочка. Доказательств не существует.

– Даже в генной инженерии?

– Это совсем иная сфера.

– Но я ведь права, не так ли?

Он смотрел в пол.

– Может быть, – тихо сказал он. – Но это нечто другое. Цвет твоих волос, форма носа определяются генами. Психические способности – это нечто иное... – Он пожал плечами. – Скорее всего, некий дар.

– Значит, интеллект не передается с генами?

– Конечно же передается.

– А я всегда считала, что интеллект – это и есть дар.

– Отнюдь.

– А как насчет поведения? Оно тоже передается с генами?

– В определенной степени.

– Так почему же не психические способности?

Он быстро взглянул на нее и отвел глаза.

– Почему ты не хотел заходить в дом? Что произошло?

– Все это штучки-дрючки, девочка; понятия не имею, откуда берутся все эти духи, эти голоса, как они себя проявляют. Мы можем воспринимать только узкий спектр видимого света, слышать в узком спектре звуковых колебаний. Может, умирая, мы оставляем отпечатки каких-то колебаний, и некоторые люди способны улавливать их и воспроизводить. Это не значит, что они по-прежнему тут существуют – они пребывают в каком-то ином мире... да и вообще все это не имеет значения.

– А что же имеет значение?

– То, что они оставляют отпечатки, подобно фотографиям. Вся штука в том, чтобы видеть их. – Он покачал головой. – Может, все мы обладаем такими способностями, но не знаем, как ими пользоваться; некоторые ими

пользуются и молчат всю жизнь; другие становятся медиумами и... прекрасно морочат людям голову. – На лицо его стали возвращаться краски, он посмотрел на Алекс. – Тебя мне обманывать не хотелось бы.

– Обманывать меня?

Он задумался, прежде чем ответить.

– У меня было ощущение, что я могу отыскать Фабиана, но пойдет ли это тебе на пользу? Копаться во всем этом, дарить тебе ложные надежды, что он где-то тут...

Она пристально посмотрела на него, наклонилась вперед и потушила сигарету, удивившись, как быстро та догорела.

– Ты врешь, Филип, – сказала Алекс.

– Я не вру, девочка. Просто я стараюсь изъясняться на понятном английском языке.

– Будь все так, как ты говоришь, ты не был бы так испуган. Что-то тебя привело в ужас. Что?

Он покачал головой:

– Ты это все себе вообразила; так всегда бывает, когда люди начинают копаться в подобных вещах.

– Филип, – сказала она, не сводя с него глаз, – пожалуйста, посмотри на меня. Ты мой друг. Ты действительно собираешься убедить меня, что если уж существуют такие вещи, как отпечатки, что остаются после нас, то после двадцати одного года, которые Фабиан провел на земле, все, что от него осталось, – это лишь два слова? «Здравствуй, мама»? Перестань изворачиваться и скажи мне правду.

Он поднял стакан с виски и стал внимательно изучать его; потом погонял виски по стенкам стакана, принялся к нему и снова стал пристально рассматривать стакан, будто отыскивая на нем фирменный знак. Наконец, не глядя на нее, он заговорил:

– Вполне возможно, что в твоём доме кто-то обитает. Какое-то зло.

По спине у нее прошла влажная дрожь. Алекс поежилась и сделала глоток бренди, по вкусу оно напоминало сухой лед. Она резко отставила стакан – во рту у нее горело; она обвела взглядом комнату, закрыла глаза и постаралась сосредоточиться.

– И конечно, если кто-то присутствует, то это Фабиан?

– Те, кто... кто верит во все это, придерживаются мнения, что зло может обретать разный облик: оно может преследовать жертву, погруженную в печаль, оно может воспользоваться ее слабостью, нежеланием смотреть в лицо истине.

– О чем ты говоришь?

– О жуликоватых духах, девочка. И теперь, можно предположить, один из них крутит тебе голову, пытаясь делать вид, что он – твой сын.

Алекс, дрожа, долго смотрела на него и молчала; ею владело отчаяние; она смотрела на него так, словно он был последним ее прибежищем в долгих скитаниях, единственным клочком суши в безбрежном океане.

– Для чего ему это? – спросила она наконец.

– Порой души пытаются вернуться.

– И им удается?

– Есть некоторые свидетельства, что они могут овладеть человеком и подчинить его своему влиянию. И с добрыми целями, и... злыми. – Он мрачно усмехнулся.

Алекс покачала головой:

– Ты поражаешь меня: такой циник – и вдруг... Я-то невежда... а ты знаешь столько... порой кажется, у тебя, как на сцене, сто задников.

Он улыбнулся.

– Вот уж нет, господи. – Он покачал головой. – Не переоценивай меня, девочка.

– Почему они пытаются вернуться?

Он покрутил стакан и взглянул на Алекс. Потом обвел взглядом комнату, опять уставился на стакан, продолжая крутить его в ладонях. Наконец он поднял на нее взгляд; его лицо отражало тяжелые раздумья. Слова падали медленно и неохотно, словно преодолевая сопротивление.

– Потому что у них здесь есть незаконченные дела.

У Артура Дендрета была остроконечная бородка и столь же остроконечный череп; он передвигался по кабинету короткими четкими шажками, как бы подчиняясь заложенной программе.

Каждый квадратный дюйм пола и все полки в кабинете были завалены пачками бумаг и документов, кипами растрепанных справочников, на стенах висели холодные, безжизненные гравюры времен Регентства, которые ровно ничего не говорили о хозяине кабинета. Стол миниатюрного Артура Дендрета был огромен и почти полностью пуст. Обширное пространство зеленой кожи занимали аккуратный блокнот, увеличительное стекло и фотография в рамочке – портрет женщины с серьезным лицом.

– Садитесь, пожалуйста. – Он снял пенсне, укоризненно взглянул на него и водрузил на место. Положив обе руки на блокнот, прищурился, глядя на Алекс, и одарил ее широкой, едва ли не дурашливой улыбкой.

Некоторое время она смотрела на его яркий клетчатый пиджак и шерстяной галстук какого-то неопределенного цвета.

– Мне говорил о вас Филип Мейн.

– А, да. – Его лицо сморщилось, как губка, он яростно замигал и вскинул руку жестом, каким подзывают такси. – Свитки Мертвого моря. Очень интересно. Думал, что-то извлечет из них со временем, но, конечно, зашел в тупик; как всегда со свитками, вам не кажется?

Алекс вежливо улыбнулась:

– Боюсь, что я не знаю.

– Что ж, в любом случае он весьма решительная личность. Итак... – Откинувшись на спинку кресла, Дендрет выжидательно посмотрел на нее.

Алекс открыла сумочку и выложила на огромный стол письмо и открытку. Быстро взглянув на них, он выдвинул ящик и извлек оттуда пинцет. Затем, поддевая им каждый из листков, разложил их перед собой.

– Да, это не Свитки Мертвого моря, – бормотал он, – отнюдь не Свитки Мертвого моря. – Он похмыкал, и плечи его несколько раз дернулись вверх и вниз, как на веревочках. Дендрет пинцетом перевернул открытку. – Ага, Бостон, Кембридж, МТИ, отлично знаком с этим пейзажем. Как-то проколол себе шину на этом мосту; не самое лучшее место для такого происшествия – да, да, – и не самая лучшая страна для проколов, если это «пежо».

Алекс с интересом рассматривала его.

Он поднял указательный палец:

– У них там такие шипы на дорогах, шины только летят, а менять колеса на «пежо» не так-то просто. – Он перевернул открытку. – Итак, чем могу быть вам полезен?

– Я хотела бы выяснить: является ли лицо, написавшее открытку, автором данного письма?

Дендрет взял увеличительное стекло и внимательно изучил письмо, затем, слегка откинувшись, подверг такой же процедуре открытку. Вглядываясь в текст, он поджимал губы, казалось, у него даже нос удлинился. Ни дать ни взять насторожившийся грызун, подумала она.

Решительно отложив лупу, он наконец откинулся на спинку стула, возвел глаза к потолку, на секунду закрыл их, после чего в упор уставился на Алекс.

– Нет, ни в коем случае. Почерк на открытке – весьма слабое подражание почерку письма; есть восемь четко видимых отличий, стоит только посмотреть под увеличительным стеклом. Например, черточка на букве «т». – Он покачал головой. – Нет, совершенно разные почерки. Протяженность, нажим, наклон, петли – вы только взгляните на эти петли! Никакого сравнения быть не может.

Дендрет был явно раздражен – словно ожидал получить стакан хорошего кларета, а ему подсунули какое-то пойло, подумала Алекс. Он взял пинцет и пункт за пунктом, не скрывая своего презрения, изложил все доказательства.

– Я... э-э-э... прошу прощения. Не будучи специалистом, я...

– Да, конечно, вам это не под силу. – В его тоне звучали чуть ли не воинственные нотки. Он вздохнул и уставился на фотографию серьезной женщины; казалось, это его немного успокоило. Теперь он смотрел не столько на Алекс, сколько сквозь нее. – Откровенно говоря, я думаю, что и шестилетний ребенок увидел бы разницу.

– К сожалению, у меня нет под рукой шестилетнего ребенка, – не без сарказма ответила Алекс.

Дендрет извлек из ящика стола чековую книжку и вытащил из кармана авторучку с золотым пером. Выписал счет и прижал его к промокашке.

– Это обойдется вам в тридцать фунтов.

Алекс посмотрела на отпечаток на промокашке, затем на хрустящий белый листок, который он положил перед ней, на этот раз без помощи пинцета.

Она уплатила ему наличными, и он с удовлетворением спрятал купюры в карман – как крыса, утаскивающая добычу к себе в нору,

подумала она.

– Передайте мой привет мистеру Мейну.

Алекс сидела в машине и с тяжелым сердцем рассматривала открытку, в сотый раз перечитывая ее:

«Привет, мам. Тут ко мне все отлично относятся, много чего произошло, я встретила несколько поистине великолепных людей. Скоро напишу еще. С любовью. К.».

Она посмотрела на штемпель. Слово «Бостон» было слегка смазано. Она попыталась сконцентрироваться: есть ли у нее кто-нибудь в Бостоне? Или хотя бы в Америке? Насколько она знала, Фабиан там никогда не бывал.

Она выбралась на Корнуэлл-Гарденз, подъехала к дому Моргана Форда и нажала кнопку домофона. Из микрофона раздался скрипучий женский голос, и замок громко щелкнул.

Нервно, она поднялась по лестнице; дверь в квартиру Форда открыла неряшливо одетая девушка в очках с толстыми линзами, ее растрепанные волосы закрывали почти все лицо; она напомнила Алекс английскую пастушечью овчарку.

– Ага, – сказала девушка. – Миссис Уиллингхэм? В данный момент мистер Форд не может вас принять.

Алекс отрицательно покачала головой:

– Нет, нет, я не договаривалась с ним о встрече. Просто хотела бы узнать, нельзя ли мне несколько минут поговорить с мистером Фордом?

Девушка нерешительно улыбнулась:

– Я думаю, лучше было бы... э-э-э... предварительно договориться. – Она стояла переминаясь с ноги на ногу, покачивая головой.

– Видите ли, я встречалась с ним вчера. И мне хотелось бы спросить его кое о чем... это очень важно.

Сомнения девушки стали еще заметнее.

– Я поговорю с ним, – серьезно сказала она, не скрывая, впрочем, неуверенности в успехе. – И... и... как, вы сказали, вас зовут?

– Миссис Хайтауэр.

Девушка снова кивнула и тяжело зашагала прочь. Алекс осмотрелась – коридор был узкий, обшарпанный, с поношенным красным ковром на полу, стены побелены грубо; кто бы мог подумать, что такой коридор ведет в великолепную гостиную в стиле барокко.

Девушка вернулась, держа в руках толстый блокнот.

– Боюсь, мистер Форд вас не помнит.

– Но я была всего лишь вчера.

Девушка покачала головой:

– Так он сказал.

– В вашей книге должна остаться запись.

Девушка открыла блокнот.

– Во сколько вы у него были?

– В половине одиннадцатого.

– Нет, – покачала она головой. – В это время была миссис Джонсон.

Алекс почувствовала, что краснеет. Она смотрела на толстые линзы, и ей казалось, что к глазам девушки приставлен бинокль.

– Ах да, я назвалась девичьей фамилией.

– Миссис Шуна Джонсон? – с сомнением спросила девушка.

– Да.

– Минутку. – Она снова ушла. На этот раз вслед за ней вышел сам Морган Форд. Взглянув на Алекс, он вежливо улыбнулся:

– О да, вы тут были... не вчера ли?

Алекс кивнула и посмотрела на его маленькие розовые ручки и огромный перстень. Сегодня на нем был другой серый пиджак, более изысканного покроя, кричащий галстук, серые туфли с большими золотыми пряжками; вчера он походил на страхового агента, а сегодня смахивал на преуспевающего посетителя казино.

– Простите, что ворвалась к вам, – сказала она, – но мне надо очень срочно поговорить с вами.

Он взглянул на часы, и на его лице промелькнуло легкое раздражение, которое он постарался не выдать тоном.

– Я могу уделить вам всего лишь пару минут, пока не явится мой клиент; понимаете, я не должен заставлять людей ждать, – вежливо сказал он.

Кошки все так же сидели на посту у газового камина, подозрительно глядя на нее.

– Может, вы напомнили бы мне... – сказал он.

– Мой сын погиб в дорожной катастрофе во Франции, когда водитель другой машины вылетел на противоположную сторону шоссе.

– Что-то припоминаю. – Он кивнул. – Вы должны простить меня – мне приходится иметь дело с таким количеством людей...

– И вчера вы были очень возбуждены.

Он нахмурился:

– В самом деле?

На мгновение ей захотелось крикнуть на него, дать ему в ухо, но затем ее охватило отчаяние, и гневная вспышка сошла на нет.

– Плохо, – сказала она, – если вы не можете припомнить, что происходило. Я хотела спросить вас о том, что сказал мой сын.

– Прошу вас... садитесь.

Алекс села на то же самое кресло, что и в прошлый раз, и увидела, что одна из кошек по широкой дуге направилась к ней.

Форд улыбнулся несколько рассеянно:

– Может, вы дадите мне что-нибудь из ваших вещей: часы или браслет?

– Вчера я давала вам часы.

– Это еще лучше.

Кивнув, она расстегнула замочек.

Он сел рядом с ней и вытянул руку с часами.

– Ах да, – сказал он. – Да, да. Очень сильные чувства. – Он покачал головой. – Невероятно, удивительно. Так что вы хотели узнать?

– Вчера я была груба с вами, потому что не поверила в то, что вы мне сказали. Но с тех пор кое-что произошло. – Она внимательно посмотрела на него, ожидая увидеть либо легкий румянец, либо подрагивание век, даже выражение неудовольствия. Но заметила лишь легкую улыбку. – Вы сказали мне, что мой сын, Фабиан, хочет вернуться; что вы имели в виду?

Форд взглянул на нее:

– До меня доходят эмоции и чувства исключительно сильной напряженности. В пределах земного притяжения есть некая душа – вполне возможно, что и вашего сына, – но с ней сопряжено так много иного, столько сложностей... я чувствую и присутствие девушки; прошу прощения, я сейчас не располагаю временем, но мы должны что-то сделать. Он в поле притяжения Земли, смущен и растерян, ему нужно как-то помочь.

– Что вы хотите этим сказать – в поле притяжения Земли? – Алекс услышала, как в прихожей зазвонил звонок.

– Это значит, что он не может оторваться от нее. Боюсь, так случается при скоростной смерти – при аварии или в случае убийства; душа нуждается в помощи. Видите ли, ваш сын, может быть, даже не понимает, что уже мертв. – Форд улыбнулся.

– В этом нет ничего... – она помолчала, – ничего связанного со злыми силами?

Он с улыбкой вернул ей часы.

– Зло повсюду, но мы защищаемся от него. Есть достаточно несложная процедура – можете не беспокоиться, – которая все расставит по своим местам. – Он смотрел на нее, а она пыталась понять, что кроется за его выражением.

Кошка без предупреждения вспрыгнула ей на колени, немного напугав.

– Серьезное значение имеет окружение. Понимаете, находящаяся в околоземном пространстве душа легко теряется – все вокруг незнакомо, она пытается заговаривать с людьми и удивляется, почему они не отвечают. – Форд улыбнулся. – Она не обладает энергией, ибо у нее нет тела, которое могло бы подпитывать ее этой энергией. Мы организуем круг, он – своего рода маяк, испускает энергию. Душа может найти путь в этот круг, после чего мы обеспечиваем ее духовным наставником, который помогает ей оказаться на другой стороне.

– Вы имеете в виду... в ходе сеанса?

Форд моргнул.

– Мне кажется, лучше сказать «круг», «сеанс» звучит как-то вульгарно: цыганки на набережной и все такое. – Он опять растянул губы в улыбке.

– Я понимаю, вы торопитесь... я вас не задержу. Вчера вы сказали, что чувствуете присутствие некой девушки, ее зовут вроде бы Кэрри. Не можете ли вы припомнить о ней что-нибудь еще?

Он пожал плечами:

– Вчера открывалось так много каналов, и все старались по ним пробиться, полная неразбериха.

– Это очень важно.

– Думаю, что все прояснится, когда мы организуем круг. Для этого нам нужна подходящая обстановка, что-то знакомое вашему сыну; лучше всего – у вас в доме, если вы не возражаете.

Алекс покачала головой.

– А что же ваш муж?

– Мы расстались.

Он кивнул.

– Ваш сын любил его?

– Да.

– Тогда я бы хотел, чтобы и он присутствовал. Нам нужны люди, дабы обрести силу; очень важно присутствие тех, кто были ему близки. Есть у него братья или сестры?

Алекс покачала головой.

– А какие-нибудь родственники?

– Нет. – Она помолчала. – Боюсь, мой муж преисполнен скептицизма.

– Как и вы. – Он одарил ее мягкой, теплой улыбкой. – Но его присутствие важно. В подобной ситуации отец может дать мощную подпитку энергией.

Алекс нерешительно посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Кроме того, если у вас есть друзья, которые знали его и готовы прийти, это тоже окажет существенную помощь. Понимаете ли, я могу привести с собой людей, но куда лучше, если вокруг будут те, кто знал его.

– И сколько их нужно?

– Хотя бы двоих. Нас должно быть минимум пять человек, но лучше побольше. Так, давайте-ка договоримся о встрече. Удобнее всего вечером. У вас есть комната без окон?

– У меня имеется фотолаборатория.

– Отлично.

– Но, прошу прощения, она не очень большая.

– Годится любое помещение. Может быть, лучше всего подошла бы его спальня; но вы не должны пользоваться этой комнатой, пока будет продолжаться действие круга. Вам нужно убедиться, что окна плотно закрыты, чтобы внутрь не проникало ни лучика света, ни малейшего, понимаете?

– Да.

– И за шесть часов перед этим вы не должны ничего есть. И все остальные тоже.

– За шесть часов?

– Кроме того, все должны принять ванну и облачиться в чистое белье. Таковы мои правила, и им необходимо подчиняться.

Слушая мягкие интонации его голоса, Алекс хмурилась: почему эта публика так старательно соблюдает ритуалы, пыталась понять она. Почему нельзя просто взять и приступить к делу?

– Нужно тщательно убрать комнату, проветрить каждый уголок. Зло, понимаете ли, тянется к грязи, к неубранной комнате, к нечистым нашим телам, к нашим продуктам выделения; мы обязаны предоставить злу как можно меньше возможностей. – Он встал, и она проследовала за ним в коридор; новоприбывшего клиента нигде не было видно. «Кто бы это был? – подумала Алекс. – Как они все выглядят? Почему приходят сюда?»

– Маргарет! – громко позвал Форд. – Могу ли я увидеть расписание?

Тут же влетела секретарша и послушно протянула ему блокнот.

– Лучше всего в среду или четверг, – сказал он. – И в течение нескольких последующих недель в этот день вы должны тщательно убирать комнату. Результат может сказаться немедленно, но может прийти и

с запозданием; так что важно, чтобы вы не прекращали уборку. Итак, сегодня среда; нет, времени не хватит. Как насчет четверга? Вы успеете все подготовить?

Она кивнула:

– Справлюсь.

Форд проводил ее до дверей.

– Постарайтесь убедить вашего мужа, – сказал он. – Это в самом деле очень важно.

– Хорошо.

Она еще раз внимательно взгляделась в его лицо. Ей показалось, что за вежливой улыбкой что-то кроется – как будто он знал что-то особенное, но не хотел говорить.

«Я верю: каждый человек – личность и у каждого есть что сказать миру. – Женщина говорила с ужасным калифорнийским акцентом, и притом шепотом, словно это было ее личным открытием, которое она хотела скрыть от трех миллионов радиослушателей. Наверное, она держит интервьюируемую за руку и проникновенно смотрит ей в глаза. – На Тибете говорят: если человека мучают тревоги, пусть он прогуляется под соснами; так они сами делают полторы тысячи лет».

«Надо же!» – сказала интервьюируемая.

– Чушь, – бросила Алекс, наклоняясь и выключая радио.

В мире полно людей, которые открыли все секреты жизни, они лежат перед ними, словно непереваренные зерна кукурузы в их испражнениях. Господи, неужели надо тужиться в туалетах или гулять под соснами, чтобы обрести мир и покой в жизни? Счастливы те, у кого есть на это время. И слава богу, что им нечем больше заниматься.

Алекс свернула с шоссе на ухабистую проселочную дорогу и въехала в ворота, на которых было написано от руки: «Замок Хайтауэр». Она улыбнулась – по крайней мере, Дэвид никогда не теряет чувства юмора, не говоря уже о терпении, с теплотой подумала она. Ему давно следовало бы развестись с ней и найти другую женщину, которая будет любить его и сделает счастливым. Он это вполне заслужил; но сейчас она была рада, что этого пока не произошло.

Через несколько сот ярдов дорога превратилась в море грязи, «мерседес», переваливаясь и буксуя, проехал мимо ворот свинофермы, от которой шел удушающий запах; мутная вода летела на ветровое стекло, и Алекс пришлось включить «дворники». Грязный пес выбежал из пристройки и залаял на нее. Миновав курятник и теплицу, она проехала еще через одни ворота с той же надписью – «Замок Хайтауэр» и стрелкой, указывающей вниз. Справа внизу в долине Южного Даунса она увидела несколько строений, карабкающиеся по склонам холмов виноградники и овец, похожих на белые кусты.

Когда она спускалась по крутому склону, слева показалось озеро – зловещее безжизненное водное пространство со странным рукотворным островком в центре. В рекламе по продаже недвижимости говорилось, что это уникальный средневековый пруд, в котором якобы водятся редкостные карпы; в свое время это прельстило Дэвида больше, чем сами строения.

Карпы, подумала она; есть люди, которые считают, что в поедании карпов заключен секрет вечной молодости.

Она проехала мимо огромного амбара без передней стенки, в котором рядом с пирамидой навоза стоял проржавевший трактор, и оказалась на грязном дворе перед покосившимся коттеджем, который служил Дэвиду домом и на короткое время стал им и для нее, пока холод и отъединенность от мира не выгнали ее отсюда.

Давно уже она тут не была, но почти ничего не изменилось. Конюшни в дальнем конце двора по-прежнему выглядели так, будто вот-вот рухнут, но свеженамаляванная надпись на стене гласила: «Приемная замка Хайтауэр». Она снова улыбнулась – абсурдная величественность названий всегда вызывала у нее улыбку. На пороге показался заляпанный грязью колли и сонно взглянул на нее.

– Привет, Венденж, – сказала она.

Пес махнул хвостом и опустил нос к земле, что-то вынюхивая. Она прошла мимо «лендровеера» Дэвида, стоявшего у конюшни, открыла дверь приемной и вошла в холодную пыльную комнату с каменным полом и старым кухонным столом, на котором возвышался еще более старый кассовый аппарат. Тут же стояли полупустые бутылки с наклейками «Замок Хайтауэр»; из горлышек, словно криво напяленные шляпы, торчали пробки. Остальная часть помещения была доверху завалена ящиками белого картона, на которых зеленым было выведено все то же название – «Замок Хайтауэр». Она вышла, и за ней с громким стуком захлопнулась дверь.

Алекс пересекла длинный двор и подошла к высокому каменному амбару, который выглядел так, будто в свое время служил часовней. Она вошла внутрь. Тут было сыро и холодно и висел прокисший винный запах, как в пустой харчевне.

Ее муж, погруженный в раздумье, стоял в дальнем конце амбара между двумя массивными пластиковыми цистернами. Она прошла мимо давилни, выкрашенной в ярко-красный цвет, мимо пластиковых емкостей поменьше, стоявших в ряд, мимо огромного стеклянного резервуара, заполненного багровой жидкостью. Он поднял к носу стакан с вином, задумчиво понюхал его и выплеснул в канавку, выкопанную по центру амбара.

– Привет, Дэвид, – сказала она.

Он удивленно поднял на нее глаза.

– Боже милостивый! – Он улыбнулся и почесал бороду. – Ну ты меня и напугала!

– Прошу прощения.

Он подошел к ней с распростертыми руками; на нем были грязная джинсовая куртка и мятые шерстяные брюки. Она почувствовала прикосновение его щетины и холодную влажность губ.

– Ты тут не замерз?

– А разве холодно? Я и не заметил.

Она посмотрела, во что он обут.

– Мне думалось, фермеры носят сапоги, а не шлепанцы.

– Я не фермер, – обиженно сказал он. – Я хозяин замка.

– Прости, я и забыла, – улыбнулась она.

– Как бы там ни было, ногам в них тепло. Постой, ты должна это попробовать. – Дэвид подошел к одной из огромных цистерн, которая была открыта, и зачерпнул из нее полстакана вина. – Не обращай внимания на цвет; оно еще молодое и отфильтруется.

Она с сомнением посмотрела на мутную сероватую жидкость и понюхала ее: запах был мягкий, пахло цветами.

– Хорошо отдает в нос, а?

Она кивнула.

– Я еще прибавлю ему градусов. Но и так неплохо, а?

Она попробовала вино и поморщилась – оно было очень холодное, потом покорно покатала его во рту, ожидая указания – то ли глотать его, то ли сплевывать. Дэвид смотрел серьезно и сосредоточенно, как ребенок, который ждет похвалы. Несмотря на хороший запах, у вина был неприятный железистый привкус с примесью горечи.

Алекс проглотила вино, не понимая, правильно ли она поступила.

– Гм... – задумчиво произнесла она, видя, как на его лице энтузиазм уступает место сомнению. – Очень хорошее. Просто прекрасное.

Он просиял и возбужденно потер руки.

– Думаю, что я с ним справился, а?

– Все твои вина просто великолепны, Дэвид.

Он покачал головой:

– Все, что я делал до сих пор, было чепухой, жульничеством, я копировал другие сорта, например второсортное «Альсак». Я пытался повторить «Брики Боттом», «Сент-Гутман» и все остальное, что казалось мне достаточно удачным. – Вскинув голову, он хлопнул в ладоши. – Главное – оригинальность. Я хочу создать великое английское вино, нечто уникальное и неповторимое. – Он сложил в кружок большой и указательный пальцы. – И ограничить его выпуск; в этом-то весь секрет. Чтобы стояла очередь отсюда и до дороги.

– Если они вынесут запах свиного навоза.
Он обиделся, и она пожалела о своих словах.
– Тебе... тебе в самом деле оно нравится? – спросил он.
Алекс кивнула.
– Ему надо еще долго выстаиваться, ты же понимаешь, не так ли?
– Ну конечно, – соврала она, улыбаясь ему.
Он явно почувствовал облегчение.
– Я так и знал, что ты поймешь; по крайней мере, если брак со мной ничего тебе не дал, то хотя бы научил разбираться в винах.
Она опять сочувственно улыбнулась ему.
– Я думаю, Фабиан гордился бы этим вином. В прошлом году он бывал здесь и помогал мне давить виноград. В общем, получилось неплохо, да?
Она кивнула.
– Шардоне! – воскликнул он, глядя в потолок; он повторял это слово громко, отчетливо, словно проповедник на кафедре, читающий Библию.
«Шардоне!» – отозвалось эхо в сыром и холодном помещении, и в чаще бороды Дэвида, как у маньяка, блеснули зубы.
Алекс вздрогнула: внезапно он показался ей чужим и незнакомым.
– Мне нужно поговорить с тобой, – сказала она.
– В этом году я могу выпустить двадцать пять тысяч бутылок; неплохо для начала, как ты думаешь?
– Мне нужно поговорить с тобой, Дэвид.
Он протянул к ней руки:
– Посмотри, ты только посмотри на них.
Она видела грязь под ногтями и потрескавшуюся кожу.
– Когда-то в Лондоне я делал маникюр. Помнишь?
Она кивнула.
– У меня были ухоженные ручки, ибо все, что они делали, было чистойшей ерундой. Теперь они грязные и уродливые, но ими я творю красоту. Разве это вино не прекрасно?
– Да, и надеюсь, оно у тебя хорошо пойдет. Мы не можем вернуться в дом и поговорить?
– Конечно. – Он взял у нее стакан и направился к дверям, там остановился и нежно погладил огромную цистерну из нержавеющей стали. – Для ферментации, – гордо сказал он. – Ни у одного винодела в Англии нет такой. – Он посмотрел на Алекс, и она увидела в его карих глазах грусть. Он бросил Лондон, отказался от большого жалования, элегантных машин, изысканных костюмов и услуг дорогой маникюрши, чтобы вести вот такую жизнь в сырых холодных строениях, в окружении

странных механизмов, прокисших запахов, виноградников, овец и одиночества.

– Ты счастлив? – спросила она.

– Я делаю то, что хочу.

– Но ты счастлив?

Он молча пожал плечами и вышел на яркий солнечный свет. Она последовала за ним, прошла через двор, над которым стоял запах сырой земли, собак и навоза, и, наклонившись под низкой притолокой, вошла в коттедж.

Он наполнил чайник водой из глиняной миски и поставил его на огонь. Алекс присела за сосновый стол и машинально смела в ладонь хлебные крошки.

– Хочешь поесть?

Она покачала головой и высыпала крошки в большой коричневый бумажный мешок, который выполнял роль мусорного ведра.

– Я рад тебя видеть. Ты давно тут не бывала.

Она посмотрела на грязную посуду, громоздившуюся вокруг, и улыбнулась:

– Тебе надо бы обзавестись посудомойкой.

Он покачал головой:

– С винными бокалами она не справится, будут оставаться следы.

– У тебя их скопилась целая груда.

Он пожал плечами.

– Когда темнеет, все равно больше нечем заниматься; вот тогда я и мою посуду.

Чайник слегка зашипел; будто вздохнул, подумала она.

– Я встречалась с медиумом.

Дэвид тщательно протер чашки кухонным полотенцем и взглянул на нее:

– Ну и?..

– Он установил контакт с Фабианом.

Дэвид опустил чашку на стол и вытащил из кармана жестянку с табаком.

– Я знаю, что ты думаешь по этому поводу, но кое-что произошло – и довольно странное.

– Что именно?

Алекс уставилась на старые часы в деревянном корпусе, стоявшие на полке. Четыре пятнадцать.

– Уже? – тихо сказала она и, как бы сомневаясь, взглянула на свои

часы.

– Обычно они на несколько минут спешат.

– К четырем я собиралась быть в «Пингвине». – Она покачала головой.

Дэвид продолжал смотреть на нее.

– Это так важно?

Она кивнула:

– Потребуется не меньше месяца, чтобы все наладить.

– А может, кто-нибудь сходит вместо тебя?

– Нет.

– Я думал, у тебя толковые помощники.

– Так оно и есть, но в данном случае я сама должна там быть. – Она смотрела на часы. – Хорошо, если я еще успею к шести. – Алекс поймала себя на том, что ругает Дэвида: это его вина, что она забыла обо всем, что сидит тут, на его грязной кухне, черт знает где. Он виноват, если у нее сорвется одна из самых удачных сделок. – Могу ли я воспользоваться твоим телефоном? – осторожно спросила она.

– Можешь не спрашивать: тебе принадлежит половина всего, что тут есть.

– Не надо читать мне лекций, – вспыхнула она. – Мне просто нужен этот паршивый... – Она запнулась, закусив губу; не стоит сходить с ума; не стоит винить Дэвида или кого-то еще.

– Ты очень уверена.

– Да, мне кажется, я и в самом деле обрела уверенность. – Алекс засунула руки в карманы пальто; высокие резиновые сапоги были ей великоваты, и нога в них болталась; интересно, кому они принадлежат, подумала она.

Земля хлюпала у них под ногами, когда они прогуливались вдоль посадок виноградника. Бесконечные ряды сухих узловатых лоз без единого листочка или соцветия, они стояли будто полки скелетов, охраняющих царство Гадеса.^[3] Алекс передернуло – она вспомнила, какие ужасные мысли недавно посещали ее. Поскользнувшись, Алекс ухватила за руку Дэвида; та была мускулистой, излучала энергию, и это удивило ее – она и забыла, какой он сильный.

– Все в порядке?

– Вполне.

– В воскресенье кончаем обрезку, – гордо сказал он. – Три месяца, день в день.

– Отлично, – с энтузиазмом поддержала она его.

Начинало смеркаться, стало прохладнее. Слышалось блеяние овец. Высоко в небе пролетел легкий самолетик.

– Ты считаешь, у меня крыша едет, не так ли? – спросила она.

– Нет, я так не думаю. – Он неожиданно заволновался. – Ну как, черт побери, тут оказались овцы, ты только посмотри! – Проследив за движением его пальца, Алекс увидела на склоне холма среди виноградника кучку овец.

– Разве твой пес не гоняет их?

– Эту проклятую собаку овцы не интересуют; он предпочитает спать и гонять кроликов.

– Должно быть, у него что-то не в порядке с генами.

Дэвид как-то странно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на виноградник.

– Чтоб им провалиться. Должно быть, где-то дыра в изгороди. – Он огорченно покачал головой. – Я думаю, тебе здорово досталось. Ты ведь всегда отличалась чрезмерной точностью и работоспособностью, в этом секрет твоего успеха; в прошлом ты никогда не забыла бы о назначенной встрече. Роза на ветровом стекле, ваза с цветами... Да в мире полно красных роз, Алекс. Хотелось бы думать, что они – послание от Фабиана, но это совершенно невероятно; ты заиклилась на совпадениях, придаешь им слишком большое значение. Ты втягиваешь себя во все это.

– Ни во что я себя не втягиваю, – сердито сказала она.

В конце виноградника тропа разветвлялась.

– Обойдем вокруг озера?

– Хорошо, – согласилась она.

Миновав редкий подлесок, они вышли на берег озера. Алекс взглянула на водную гладь и почувствовала какое-то беспокойство: ей никогда здесь не нравилось, а сейчас от озера исходило зловещее ощущение опасности. Пруд времен Средневековья!.. Она никак не могла забыть того описания в рекламном проспекте. Если его осушить, интересно, какие тайны откроются на дне, подумала она. Она вдыхала запах стоячей воды, видела густые заросли камыша, похожие на сухие пальцы мертвеца, смотрела на странный восьмиугольный бетонный островок, что возвышался посреди озера, примерно в ста ярдах от них. Под ним на дне озера размещался круглый зал. Агент по продаже отвез их туда. Зал был построен в конце прошлого столетия каким-то эксцентричным архитектором, связанным со строительством лондонского метро. Теперь, по словам агента, находиться там было небезопасно.

Она поехала при воспоминании об этом месте. Они вошли тогда

через дверь, густо заплетенную кустарником – где-то неподалеку отсюда, – и по туннелю спустились ниже уровня воды в озере, открывая и закрывая за собой многочисленные водонепроницаемые двери – необходимые меры предосторожности против затопления, сказал агент. После чего оказались в просторном помещении с округлым стеклянным куполом, затянутым илом и переплетенными щупальцами водорослей; в мутной воде порой мелькала тень какой-то рыбы. На полу стояла огромная лужа воды, и агент, опасливо посмотрев на нее, сообщил, что крыша может дать течь в любую минуту. Это было четыре года назад.

– Помнишь, как мы спускались в тот зал? – сказала она Дэвиду.

Он кивнул.

– Он все еще существует?

– Я все собирался глянуть на него; как-нибудь подплыву на лодке, поныряю с трубкой – посмотрю, что там и как.

– Можно пройти и по туннелю.

Он отрицательно покачал головой:

– Слишком опасно; если там есть протечки и один из отсеков заполнен водой, можно утонуть, когда откроешь двери. Фабиана это место притягивало непостижимым образом; я дал ему хорошую выволочку в прошлом году, когда узнал, что он туда спускается. – Он пожал плечами. – А жаль, там можно было бы устраивать хорошие приемы.

– Я думала, что ты вообще не любишь никаких приемов.

– Они соответствуют моему образу владельца замка, тебе не кажется?

Отметить приемом под озером вино нового урожая?

Она улыбнулась.

Он вытащил жестянку с табаком и откинул крышечку.

– Послушай, Алекс, я бы не хотел, чтобы ты воспринимала мои слова как критику. Я все еще очень люблю тебя и всегда буду любить – это мои проблемы, и мне их решать. Фабиан мертв. Медиумы – шарлатаны. Они будут тянуть деньги, пока ты сможешь им платить. – Он покатал сигарету меж пальцев и зажал ее губами; они остановились, и он чиркнул зажигалкой; Алекс вдохнула легкий запах табака.

– Откуда же, по-твоему, медиум узнал о грузовике?

– А он и не знал. Он прочел в газете, что там был грузовик, хотя, как ты знаешь, это неверно; по чистой случайности ребята в машине подумали, что им навстречу мчится грузовая машина, а ты решила, что медиум – гений. Пусть даже ты назвалась вымышленным именем – нельзя исключать, что у некоей Джонсон сын и в самом деле погиб при столкновении с грузовиком; каждую неделю на дорогах погибают сотни

людей. Подумай об этом.

– Он и не говорил, что это был грузовик. Он сказал, что так крикнул Фабиан.

– Послушай, чем мы, в конце концов, занимаемся? Опять копаемся во всем этом. – Он покачал головой. – Твой медиум, Форд – или как там его, – сказал, что установил контакт с Фабианом?

Алекс кивнула.

– Значит, ты считаешь, что Фабиан жив, что после аварии он все еще продолжает существовать, скитаясь в каком-то ином мире – мире духов или где-то там?

Она снова кивнула.

– Тогда после столкновения он конечно же должен был бы понять, что ошибся – навстречу им шла легковая машина, а не грузовик. Почему он не сообщил об этом медиуму?

Алекс продолжала смотреть на воду, стараясь не слушать его. По озеру прошла рябь, и она подумала, уж не рыба ли там играет. Она чувствовала себя усталой и измотанной, словно из ее тела вышла вся энергия и пальто прикрывает лишь неподвижную безжизненную плоть.

– А как ты объяснишь поведение Филипа Мейна? – спросила она, но в ее словах не осталось и следа прежнего напора.

– Ты слышала, как он говорил голосом Фабиана?

– Да.

– Скорее всего, это было представление; должно быть, он хороший актер.

– Чего ради ему заниматься этим? Кроме того, так было и с тобой, Дэвид. Словно бы ты... преобразился в него. Я слышала, как из тебя исходил его голос.

Он пожал плечами:

– Воображение может откалывать с нами странные шутки.

Они постояли в молчании.

– Я замерзла, – сказала она. – И хотела бы вернуться.

Они молча двинулись в обратный путь. Рядом раздался громкий всплеск.

– Рыба! – сказал Дэвид.

– И похоже, что большая.

Кивнув, он грустно улыбнулся:

– Фабиан был куда лучшим рыболовом, чем я; у него было больше терпения.

– Забавно, что каждый из нас видел нашего ребенка по-своему. Мне

вот никогда не казалось, что он терпелив: маленьким, если он сразу же не получал того, что ему хотелось, он мог буквально взорваться. Его вспышки прямо пугали меня.

– Он прекрасно чувствовал букет вина. Я думаю, стоило бы ему захотеть, и из него получился бы отличный винодел. – Он заметил легкую усмешку на лице Алекс. – Это развивающаяся индустрия, – обиженно сказал он. – Когда несколько недель назад Фабиан был тут в последний раз, он попробовал шардоне и совершенно точно определил его.

– Несколько недель назад?

– Да.

– Мне он сказал, что после Рождества тут не был.

Дэвид смущенно улыбнулся:

– Может, он не хотел обижать тебя, не хотел, чтобы ты... ну, не знаю... ревновала, что ли. – Он пожал плечами. – Он не раз тут бывал, особенно после Рождества.

Неизвестно почему Алекс почувствовала себя как-то неуютно.

– И что он здесь делал?

– Немного помогал мне с обрезкой. Его в самом деле все тут интересовало. У меня даже появилось ощущение, что он подумывает присоединиться ко мне после Кембриджа. Не очень-то практично, конечно, особенно в данный момент, – я имею в виду деньги. Хотя еще пару лет – и мы будем с прибылью.

– Он приезжал один?

– Да. Прости... я тебя огорчил?

– Нет, нет, конечно же нет; я только рада, что вы были такими хорошими друзьями, это прекрасно.

– Честно говоря, я хотел бы узнать его получше; он был очень сдержан. Я видел, как он часами сидел с удочкой тут, на островке, и пытался понять, о чем он думает.

– А о чем ты думаешь, когда удишь рыбу?

Он замялся.

– Чаще всего о тебе.

– Обо мне? – улыбнулась она.

Он снова раскурил сигарету.

– О счастливых временах, когда мы были вместе. Когда впервые встретились. О том, как мне вернуть тебя. – Повернувшись, он посмотрел на нее, и на несколько секунд они застыли на месте, глядя друг на друга, после чего Алекс опустила глаза.

– В самом деле похолодало, – сказала она, прибавляя шаг.

– Тебе обязательно возвращаться в Лондон сегодня вечером?

– А что?

– Я бы хотел, чтобы ты осталась и мы пообедали. А можем пойти прогуляться. Нам надо договориться о встрече на этой неделе.

– А не залетает ли к тебе какая-нибудь птичка?

– Птичка? Нет, господи, конечно же нет.

– Та, которой принадлежат эти сапоги? – Она увидела, что он покраснел.

– Да я и не знаю, чьи они, – смущенно пробормотал он. – Я думаю, они достались мне вместе с домом.

Она улыбнулась:

– Я ничего не имею против, если даже ты... ну, ты понимаешь...

Он покачал головой.

– Так ты останешься?

– Меня ждет ужин, я должна вернуться.

– Останься на ночь, отдохни; в тебе чувствуется такое напряжение... я устроюсь в пустой комнате... ты сможешь занять мою... там тепло и уютно.

– Посмотрим, – сказала она.

Они вошли в маленькую гостиную, и, пока Алекс освобождалась от верхней одежды, Дэвид принялся разводить огонь в камине.

– Я пользуюсь этой комнатой, лишь когда у меня гости; остальное время предпочитаю существовать на кухне.

– Кухня меня вполне бы устроила.

– Нет, когда комната согреется, в ней будет очень уютно. Она тебе понравится.

Кивнув, она обвела взглядом фотографии, старую потертую мебель и давно вышедший из моды музыкальный центр «Бенг и Олафсен». Алекс вспомнила тот день, когда они купили его; ее поразил тогда дизайн этого агрегата, но каким огромным и неуклюжим он казался сейчас! Среди фотографий был снимок Фабиана на трехколесном велосипеде и совсем недавние черно-белые снимки; его пронзительный взгляд – прямо в камеру – смутил ее, и она отвернулась. На решетке уже занялось пламя, и она вдохнула аромат дыма.

– Подожди немного, сейчас здесь станет очень уютно. Включи музыку, если хочешь. – Дэвид направился к дверям.

– Какую музыку ты теперь слушаешь?

Он пожал плечами:

– Большой частью Бетховена. – Он посмотрел на нее. – Чему ты

улыбаешься?

– Так, ничему.

Он направился в кухню, и Алекс, улыбаясь про себя, последовала за ним.

– Просто мне это показалось забавным. Я пыталась научить тебя слушать классическую музыку, но ты отказывался, говорил, что, слушая ее, чувствуешь себя стариком; тебя никогда не интересовало ничего, кроме поп-музыки.

– Я еще очень любил джаз, – обиженно сказал он.

– Странно, не правда ли, как мы меняемся.

– Ты тоже изменилась? – спросил он, моя руки.

– Да.

– Я не думал, что ты на это способна.

– Я была довольно легкомысленна, как и ты; теперь я посерьезнела – ты тоже.

– По крайней мере, мы меняемся вместе.

«Хотела бы я, чтобы так оно и было», – грустно подумала она.

Они сидели за кухонным столом, глядя друг на друга, и пламя свечи отражалось в блюде, на которое Дэвид выложил жаркое.

– Тебя не смущает, что это твоя собственная овца?

– Нет. Может, и смущало бы, живи я в Лондоне. Но сельская жизнь вырабатывает иное отношение.

Она ткнула вилкой в тарелку, подцепила кусок и попробовала его.

– Вкусно, очень вкусно.

Он не мог скрыть своей гордости.

– Есть и другая причина, почему я решила снова увидеться с медиумом, Дэвид.

– Еще картошки?

Она кивнула.

– Я думаю, что Фабиан мог бы...

– Морковки?

– Спасибо.

– Мог бы – что?

– Ты знаешь ту девочку, Кэрри, с которой он встречался?

– Да.

– Она бросила его после Рождества.

– Бросила? Он никогда не говорил об этом.

– Мне он рассказал. Сказал, что ушел от нее, – скорее всего, им

руководила гордость.

– Никому не хочется признаваться, что его бросили.

– Да. Но я решила, что ей следует сообщить, ты понимаешь...

– Конечно.

– Я поехала к ее матери; та не видела дочь довольно давно; она сообщила мне, что Кэрри в Штатах, и показала несколько открыток, одна из которых была написана Кэрри совсем недавно.

Дэвид подлил себе вина.

– Когда я разбирала вещи Фабиана, то нашла еще несколько таких же открыток и письмо от Кэрри, в котором она сообщала ему, что не хочет больше его видеть. Я подумала, что это несколько странно: зачем ему точно такие же пустые открытки, и все с видами Бостона?

Он пожал плечами.

– Я стащила одну из открыток у матери Кэрри и сравнила с почерком ее письма; мне показалось, он несколько отличается, и я отнесла и то и другое специалисту по почеркам.

– Графологу?

– Да. Я все пыталась вспомнить это слово. – Она уставилась на него. – Дэвид, открытка, которую Кэрри послала своей матери из Бостона и которая была проштемпелевана на почте семь дней назад, написана не Кэрри. Ее писал Фабиан.

Обмякнув на стуле, он смотрел на нее сквозь пар от горячего мяса.

– Ты абсолютно в этом уверена?

– Да.

Он покачал головой.

– Что ты хочешь этим сказать?

Алекс повела плечами.

– Ты хочешь сказать, что он еще жив?

– Ты был во Франции.

Сглотнув комок в горле, он побледнел и медленно склонил голову.

– И что из этого следует?

– Поэтому я и захотела встретиться с медиумом.

Он долго молчал, глядя на остывающую перед ним еду.

– Не сомневаюсь, этому есть какое-то объяснение, – наконец сказал он. – И может быть, очень простое.

– У нас есть выбор, не так ли? Или медиум, или полиция.

– Можно еще ничего не делать.

Алекс покачала головой:

– Нет, этого мы не можем себе позволить.

Она сама убрала комнату Фабиана, задернула шторы и надежно закрепила их края по стенам. Затем выключила свет и оказалась в непроглядной тьме. По спине у нее прошел холодок, началась дрожь. Она стала шарить по стене в поисках выключателя и никак не могла его найти. Кнопка исчезла. Она слышала, как шуршит по стене ее рука. Выключателя не было. Она нащупала дверь, услышала скрип ручки, когда ухватилась за нее, увидела легкий проблеск света из-за портьер, услышала свое тяжелое дыхание.

Найдя выключатель, Алекс включила свет и облегченно вздохнула, слишком испуганная, чтобы смотреть на портрет Фабиана на стене.

Утром Мимси помогла ей вытащить кровать, и теперь комната выглядела странно; Алекс рассматривала шесть пустых стульев, гадая, как расставит их Форд. Нужно о многом расспросить его, подумала Алекс, когда несла пылесос вниз.

Было шесть часов. Интересно, можно ли предложить земляные орешки? А выпивку? А сигареты? Дом застыл в мрачном ожидании вечера. «Включить, что ли, музыку?» – пришло ей в голову.

Раздался звонок в дверь, и Алекс поспешила вниз. На пороге стоял Дэвид в темном костюме и черном галстуке – в первый момент она даже не узнала его.

– Привет, – сказал он.

Она моргнула:

– Ты пришел!

– Я же сказал, что буду.

– Спасибо тебе. – Она поцеловала его в щеку. – Я... я подумала, вдруг тебе не удастся выбраться. Ты хорошо выглядишь.

– Я не знал, что надеть.

Они прошли в гостиную.

– Хочешь выпить?

– А можно?

Она нервно улыбнулась:

– Не знаю, но мне кажется, нужно выпить.

Он вынул жестянку с табаком.

– А если я... Не думаю, что Фабиан будет возражать.

Она пожала плечами:

– Ох, да успокойся, давай выпьем. – Она налила ему и себе хорошую порцию виски. Они чокнулись.

– Твое здоровье, – сказал он.

Она снова нервно улыбнулась.

– Кто будет еще?

– Сэнди.

– Сэнди? Та психопатка?

– Она единственная из моих друзей, кто не подумает, что мы рехнулись.

Они присели, и она стала смотреть, как Дэвид скручивает сигарету.

– Спасибо за тот вечер.

– Мне было очень приятно, что ты осталась.

– К сожалению, не могу тебя порадовать: комната так и не прогрелась.

– А мне было очень хорошо. Ты – в доме, и эта мысль согревала меня.

По ночам бывает довольно одиноко.

– Я думала, что тебе это нравится.

Он пожал плечами.

– Что постелешь, на том и спать будешь.

Алекс снова улыбнулась, пытаясь сообразить, что бы еще сказать; ей казалось, что она разговаривает с чужим человеком. Сделав глоток виски, она почувствовала себя более уверенно и обвела взглядом стены.

– Ты так и не взял эту картину.

– Не важно, она и тут хорошо смотрится; что ни говори, а лошади, эти чертовы создания, так и не принесли мне удачи. – Он прикурил сигарету и сделал основательный глоток виски. – В семь часов?

Она кивнула.

Дэвид сверился с часами.

– Ты еще занимаешься фотографией?

Она качнула головой:

– С тех пор нет...

Улыбнувшись, он тоже покачал головой.

– Что ты делала прошлым вечером?

– Сидела в офисе почти до одиннадцати, потом притащила домой кучу работы. Почти не спала... не могла уснуть – все думала об этом вечере.

– Не жди от него слишком много.

Алекс устало усмехнулась и уставилась в потолок – гулко, как барабан войны, билось сердце, и она подумала, уж не слышит ли Дэвид этот стук. Снова ожил звонок у дверей, издав долгую, чуть ли не агрессивную трель. Дэвид стал было подниматься.

– Я открою, – сказала она.

Высокий человек лет шестидесяти с небольшим смущенно взглянул на нее; у него были волосы с проседью, короткая стрижка, а уши, слишком большие для его головы, оттопыривались в стороны. Какой же он худой, мелькнула у нее мысль.

– Э-э-э... мистер Форд здесь? – Он сутулился, словно бы стесняясь своего роста, и говорил очень робко – его голос был чуть громче шепота.

– Он придет с минуты на минуту.

– О, тогда я подожду его снаружи.

– Милости прошу, заходите.

Гость улыбнулся:

– Благодарю вас. Видите ли, я тут, чтобы принять участие в круге.

Кивнув, Алекс закрыла за ним дверь и повела в гостиную.

– Это мой муж Дэвид. – Она заметила, что на госте отутюженный полистироловый коричневый пиджак, и обратила внимание на его крупные ступни.

– Как поживаете? – приветствовал его Дэвид, вставая. – Дэвид Хайтауэр.

– Очень приятно познакомиться. – Гость нервным движением протянул руку и тут же отдернул, прежде чем Дэвид успел пожать ее. – Милсом.

– Вы пришли для... э-э-э?..

Милсом кивнул.

– Не хотите ли выпить? – предложила Алекс.

Человек нерешительно огляделся.

– Глоточек, если вы не возражаете, будьте любезны.

Алекс вышла из комнаты.

– Чем вы... занимаетесь? – услышала она голос Дэвида и остановилась в холле.

– Я по почтовому ведомству.

– Ага. И что вы там делаете?

– Доставляю письма.

– Ага. Почтальон?

– Да, да.

– Ага. – Она услышала, как Дэвид сделал паузу. – Интересно.

– Да.

Наступило молчание. Алекс вошла в кухню и налила апельсинового сока. Когда она вернулась в гостиную, двое мужчин продолжали стоять друг против друга, глядя себе под ноги.

– Мистер Милсом почтальон, – оживился Дэвид.

– В самом деле? – Она протянула Милсому его напиток. – Вы друг Моргана Форда?

Милсом залился краской.

– Ну, точнее, коллега; иногда я помогаю ему. – Он еще больше покраснел и откашлялся. – Видите ли, порой души предпочитают общаться через меня. – Он издал нервный смущенный смешок.

Алекс перехватила взгляд Дэвида и поняла, что он с трудом удерживается от ухмылки.

– Ага, – сказал Дэвид.

Снова раздался звонок, и Алекс с облегчением выскочила из гостиной. Перед ней стояли Морган Форд, Сэнди и какой-то молодой человек, которого она никогда раньше не видела.

– Дорогая! – воскликнула Сэнди, копна ее черных волос была взъерошена больше обычного, красное пальто напоминало чуть сдувшийся шар. – Ты никогда не говорила мне, что имеешь дело с Морганом Фордом – мы встретились буквально у дверей! Он же самый лучший медиум в стране! Почему ты не говорила? Как ты его уговорила прийти?

Форд безмолвно стоял рядом, как бы теряясь в своей собственной тени, и держал огромный магнитофон. В таком окружении он кажется еще меньше, подумала Алекс.

– Здравствуйте, миссис Хайтауэр, – вежливо улыбнулся он. Она пожала его миниатюрную ладошку, почувствовав острые края перстня. – Позвольте представить вам Стивена Орма.

Они обменялись рукопожатиями; его рука показалась ей холодной, костлявой и вялой, словно бы в нем начисто отсутствовала энергия. У Орма, молодого человека лет двадцати с небольшим, были прилизанные черные волосы и большое золотое кольцо в одном ухе. На длинном бесстрастном лице холодные полуприкрытые глаза. Странная личность, подумала Алекс. Неужели он приятель Форда?

– Заходите, пожалуйста.

– Должен прийти еще кое-кто.

– Думаю, он уже здесь.

Форд кивнул.

Они прошли в гостиную.

– Я не знаю, – обратилась Алекс к Форду, – можно ли в этом случае выпивать или курить?

– Если можно, лучше избегать подобных излишеств. – Он уставился на Дэвида. – Отлично, – сказал он. – Это, должно быть, ваш муж?

– Да, – ответила Алекс.

– Отлично, великолепно.

– Почему? – с интересом спросила Алекс.

– Он точно такой, каким я его себе и представлял, – никаких психических отклонений. Понимаете ли, очень важно поддерживать связь с землей... подобно тому, как заземление позволяет отводить напряжение, так и в составе круга должен быть человек, который не обладает чрезмерной восприимчивостью; его присутствие в немалой мере способствует защите круга.

– Очень умно с твоей стороны, дорогая; лучшего ты и подобрать не могла, – сказала Сэнди, скидывая пальто и оправляя легкое пурпурное платье.

Форд скромно улыбнулся или, в крайнем случае, умело изобразил скромность, подумала Алекс.

– Не могу ли я взглянуть на комнату, миссис Хайтауэр?

Она провела Форда наверх. Он, как и раньше, был в аккуратном сером костюме. Казалось, что все на нем только что было выглажено, даже серые носки.

– Отлично, – сказал Форд, опуская магнитофон. Он взглянул на портрет. – Да, точно таким я его себе и представлял. Хорошо, что он здесь висит. Да и комната неплоха, я чувствую его здесь, ему тут удобно. Он знает, что это его комната.

Он обошел комнату по периметру, рассматривая плакаты на стене и телескоп; внимательно присмотрелся к портьерам.

– Есть тут розетка?

Она показала ему.

– Побережем батарейки, – улыбнулся он, разматывая шнур от магнитофона. – Понимаете, он уже здесь и ждет нас. – Повернувшись, он снова улыбнулся. Алекс ощутила вдруг желание тут же выкинуть вон и его, и всех прочих. Он вызывал у нее раздражение, когда, стоя на коленях на полу, перебирал кассеты, покусившись использовать свои батарейки.

Она взглянула на портрет на стене, Фабиан ответил ей холодным, надменным взглядом; она вспомнила его обугленное тело и, содрогнувшись, задумалась.

– Стоит ли всем этим заниматься? – внезапно спросила она.

– Это всецело зависит только от вас, миссис Хайтауэр. Если вы не хотите продвинуться дальше, будьте любезны, только скажите об этом. Нет никакого смысла во всей этой процедуре, если вы не хотите установить связь со своим сыном, совершенно нет смысла. – Он нажал клавишу на

панели, и она увидела, как вспыхнула зеленая лампочка. – Я готов, – сказал он.

– Вы позволите мне пригласить остальных?

– Да, пожалуйста.

Алекс медленно спустилась по лестнице, слушая приглушенные голоса и случайные реплики, и остановилась, придавленная ощущением опасности. Неправильно все это. Все не так. Айрис Трэмьян, может, и идиотка, но Филипа Мейна, при всей его эксцентричности, дураком не назовешь. И все же что-то испугало его, человека, как ей казалось, вообще не ведающего страха; испугало нечто находящееся в ее доме. Неужели сегодня вечером ее постигнет беда? Может, она сойдет с ума? Озноб снова ручейком скользнул по спине. Еще не поздно, подумала она, еще не поздно положить всему этому конец.

В холле показалась Сэнди:

– Могу ли я заскочить в уединенное местечко, дорогая?

– Под лестницей, – показала ей Алекс.

– Всего на секундочку.

– Сэнди, – сказала она, продолжая спускаться по лестнице, – ты не видела в последнее время Айрис Трэмьян?

Сэнди как-то странно посмотрела на нее:

– Нет, дорогая.

Она лгала.

Алекс вошла в гостиную. Ее била дрожь. Почему Сэнди соврала? Она взяла пачку сигарет и вытащила одну; руки у нее тряслись так сильно, что она не могла справиться с зажигалкой. Перед ней вырос Дэвид со спичкой в руке. Она втянула в себя дым и тут же глубоко затянулась снова.

– Думаю, мы готовы, – сказала она. – Не будете ли вы так любезны подняться наверх?

Она неохотно потушила сигарету и повела всех в холл. Раздался испуганный вскрик, звук спускаемой воды, и из дверей туалета вылетела побледневшая Сэнди. Все уставились на нее. Сэнди оглядывалась с диким видом, держась за грудь.

– Прошу прощения, – пробормотала она, – там обои... на меня упал целый кусок.

– У нас некоторые проблемы с протечками воды, – пробормотала Алекс.

– Я так перепугалась!

Алекс направилась к туалету и приоткрыла дверь. Когда она появилась на пороге, раздался треск и шорох, последний кусок обоев отделился от

стены и, свернувшись, упал на стульчак. Она резко захлопнула дверь и повернулась лицом к остальным, те стояли, молча наблюдая за ней.

– Сырость, – сказала она, пытаясь улыбаться, и показала пальцем вверх на лестницу.

Форд уже расставил стулья тесным кругом. Он поместил Алекс справа от себя, остальным предложил рассаживаться, как они хотят. Потом он плотно закрыл двери и остановился перед Алекс.

– Думаю, не ошибусь, предполагая, что кое-кто из вас никогда раньше не сидел в таком круге. – Он посмотрел на Дэвида и на Алекс. Они кивнули.

– Мы никогда не знаем, произойдет ли что-либо, поэтому придется запастись терпением. Сегодня хороший вечер, ясный и спокойный, и серьезных помех не должно быть. Есть у кого-либо возражения против моего руководства кругом в этот вечер? – Он обвел всех взглядом. – Хорошо. – Форд говорил с мягкой властью. – Все вы должны будете делать лишь то, что я вам скажу; как только я почувствую, что события начинают выходить из-под контроля, я все остановлю. – Он еще раз обвел всех взглядом, и все послушно закивали.

Алекс воспринимала все происходящее как полный абсурд – она сидит в этой спальне, в окружении странных, полных серьезности людей. Хорошо, что с ней Дэвид, еще лучше, если бы вокруг были и другие ее друзья, – она чувствовала себя беззащитной, уязвимой и напуганной. Алекс посмотрела на портрет Фабиана.

– Не обижай меня, дорогой, – беззвучно сказала она.

– Мы проведем наш круг в три этапа. Начнем с вознесения молитвы, дабы защититься от злых сил и просто проказливых душ. Затем мы обратимся к медитации. После нее попытаемся напрямую связаться с душами. Мы хотим связаться с Фабианом и исходим из предположения, что он хотел бы установить с нами связь, поэтому мы попытаемся насытить его энергией. – Он посмотрел на Алекс и потом на Дэвида. – Понимаете ли, души сами по себе не обладают энергией, но они способны воспользоваться энергией, исходящей из нашего круга, чтобы подать голос, а порой даже и возникнуть. – Улыбнувшись, он мягко свел ладони; совсем как школьный учитель, подумала Алекс. – Если в ходе любого этапа у вас возникнет желание заговорить или задать вопрос, пожалуйста.

– Что вы имеете в виду под злыми силами? – спросил Дэвид.

– То, чем мы занимаемся, – это попытка открыть канал для связи с душами. Мы хотим найти контакт с добрыми силами, но при наличии открытого канала, по которому от нас к ним поступает энергия, им могут

воспользоваться и другие силы. Вокруг много сил зла, они иногда пытаются воспользоваться потоком энергии и проникать через эти каналы. Потому-то мы и защищаем наш круг молитвой, и если я почувствую присутствие злых сил, то должен буду немедленно разомкнуть его.

– А что произойдет, если они все же проникнут? – спросил Дэвид.

Форд улыбнулся:

– Обычно приходится иметь дело не столько с силами зла, сколько с душами, которые позволяют себе всякие выходки и проказы, мешают, пытаются передать свои собственные сообщения. Но мы возведем защиту – сила молитвы не подлежит сомнению. Вот почему любителям нежелательно вторгаться в этот мир; вот почему для людей столь опасны игры с вращающимся блюдцем со стрелкой. – Он снова улыбнулся. – Готовы? – Он вопросительно взглянул на Алекс, и та кивнула.

Форд выключил свет, и комната погрузилась в полную темноту. К Алекс пришло спокойствие. Она вдруг ощутила царящее тут тепло и дружелюбие; все пройдет отлично. Она сплела пальцы и наклонилась.

– Милостивый Боже, – с мягким уэльским акцентом начал Форд, – осени вниманием наш круг, и пусть никто из нас не испытает страдания.

Из уважения к молитве она закрыла глаза, но тут же почувствовала себя идиоткой.

– И сохрани нас во здравии в этот вечер.

Молитва, казалось, длилась бесконечно. Форд просил об излечении людей, чьи имена она никогда не слышала, о даровании покоя Вселенной и о скорейшем излечении ноги некоей миссис Эброн.

Наконец слова смолкли, и в помещении наступила мертвая тишина. Где-то вдалеке раздался приглушенный звук сирены, который вскоре стих; казалось, остановилось даже движение на улицах. Алекс опять вспомнила испуганный крик Сэнди. «Что там происходит в этой уборной?» – подумала она, открывая глаза и беспокойно озираясь. Она видела лишь чьи-то тени и силуэты. Глянув в сторону окна, она заметила слабую полосу света, пробивающуюся из-под края шторы. Оставалось надеяться, что в комнате все же достаточно темно. Молчание продолжалось; интересно, видит ли их Фабиан, подумала она и попыталась его представить, но ничего не почувствовала.

Раздался резкий щелчок, и она услышала тему Весны из «Четырех времен года» Вивальди – легкую, грустную, воздушную мелодию.

– Итак, начинаем медитировать, – тихо сказал Форд. – Я хочу, чтобы вы закрыли глаза и представили себе, что идете в поле по мягкой траве. Теплый весенний день, чистое небо; вы чувствуете, как солнце согревает

воздух, чувствуете, как пружинит под ногами первая упругая трава. Как приятно идти! Вам нравится гулять, дышать воздухом, прохладным и чистым; занимается новый прекрасный день. Поле плавно переходит в склон холма, вы пересекаете его, под ногами зеленая трава, над головой голубое небо. Теперь вы видите перед собой тропинку.

Алекс подумала о поле среди виноградников Дэвида, попыталась представить себе то, о чем говорил медиум, ощутить прикосновение травы к ногам; она сделала усилие, чтобы отрешиться от себя и следовать за его словами, подчиняясь мягкому, успокаивающему голосу.

– Идите по тропе: как приятно снова почувствовать под ногами твердую землю, сколько в ней радости. Теперь вы видите перед собой белые ворота; откройте их, войдите в них, и вы увидите реку, широкую реку со спокойным течением, берега которой заросли деревьями, тростником и лилиями. Здесь царят мир и покой. Через реку перекинут мост; вы ясно видите его.

Алекс думала о реке, где она когда-то бывала, со старым выщербленным каменным мостом над ней.

– На дальнем берегу стоят люди. Это ваши друзья, они ждут встречи с вами. И вы переходите мост, вы идете к ним, встречаете их, обнимаете, проводите с ними время. Не бойтесь – идите, веселитесь и радуйтесь вместе с ними.

Алекс видела белые призрачные силуэты на дальнем берегу, они покачивались и разводили руки; видела щели, которые служили им глазами – как на изображении трех фантомов на стене в кабинете Форда, – и замялась в нерешительности. Среди них она увидела Филипа Мейна в его грубошерстном пиджаке; он стоял, пожимая плечами; здесь же она заметила и Форда. «Каких друзей он имел в виду? – попыталась понять Алекс. – Живых или мертвых?» Она ступила на мост, и призраки поплыли к ней, вытягивая руки, как безликие монахи с капюшонами на головах. Мейн и Форд исчезли. И тут она увидела Фабиана, который стоял, склонив голову и отворачиваясь от нее, словно бы чего-то стыдясь.

Алекс кинулась было к нему, но споткнулась о выбоину, а когда подняла глаза, призраки сомкнули ряды и он исчез. Алекс стояла среди них, разглядывала капюшоны и видела за ними пустоту.

– Фабиан? – позвала она дрожащим голосом и стала проталкиваться сквозь толпу призраков. И вдруг она заметила фигуру роста Фабиана, повыше остальных, которая отворачивалась от нее. Она прикоснулась к его плечу. – Фабиан? Дорогой мой?

Он медленно повернулся. Под кромкой капюшона был обугленный

череп, и такой вот Фабиан беспомощно смотрел на нее, как бы прося прощения.

Она чуть не закричала, резко выпрямилась, открыла глаза и обвела всех взглядом. Где она? Куда она, черт побери, попала? Она слышала, как тяжело дышит. Конечно же уже полночь. Что, ей все это привиделось? Разве они не проводили сеанс? Где же все? Она почувствовала, что обливается потом, и оглянулась, всматриваясь в темноту. Она увидела слабую полоску света; интересно, это та полоска, что она видела и раньше? Ей хотелось закричать, сказать что-нибудь, но она боялась звука своего голоса в пустой комнате. Разве тут больше никого нет? Неужели ее оставили в одиночестве? Почему она никого не слышит?

Раздались звуки музыки, и скрипичная мелодия «Лета» Вивальди заполнила помещение; слышно было, как шуршит лента. Алекс вздохнула с облегчением. Вздор. Жульничество, обыкновенный гипноз, дешевый трюк в красивой упаковке. Закрыв глаза, она опять вспомнила обугленный череп и передернулась. Открыла глаза и беспокойно огляделась; спиной она плотно прижалась к жесткой спинке стула, и ей захотелось пошевелиться, но она боялась нарушить тишину. Теперь она почувствовала Дэвида, он тоже волновался. Что он думает обо всем этом?

Алекс услышала звук шагов по ковру, скрип пружин, шорох ткани, почувствовала резкий запах духов Сэнди. Что с ней такое происходит? Действительно ли перед ней возникал Фабиан? Оглянувшись, она снова увидела смутные очертания. Что они все делают? Неужели находятся в гипнотическом трансе? Или же, как и она, сидят в темноте и размышляют?

Она снова закрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь представить реку. Но река исчезла, и вместо нее она увидела озеро на ферме Дэвида, средневековый водоем, пространство черной воды, окруженное мертвыми стеблями камыша, и восьмиугольный остров выщербленного бетона посередине.

Алекс попыталась представить себе мост, но видела только уходящий вниз туннель. Она подумала о входе в него – ступени, заросшие травой и заваленные плетями сухих водорослей, ведущие вниз, словно в бомбоубежище. Увидела прогнившую дубовую дверь, повернула ключ – он долго проворачивался в проржавевшем замке – и наконец толкнула дверь. Та с шорохом поползла по бетону, хрустя и поскрипывая петлями, и ее скрип напоминал карканье ворон. На нее дохнуло плесенью и сыростью, откуда-то издали доносились звуки падающих капель. Внутри было холодно, очень холодно. Она решительно пошла вперед, и ее шаги отдавались гулким эхом; падающие капли щелкали, как далекие

пистолетные выстрелы.

Алекс приблизилась к внутренней двери, открыла ее и двинулась по темному коридору, ее ноги скользили по невидимому полу, она боялась, что вот-вот наступит на лягушку или жабу или просто поскользнется и упадет в грязную слизь. Теперь она была в самом сердце озера, перед ней возникла очередная дверь, за которой находился зал с куполом, тяжелая стальная водонепроницаемая дверь, та самая, которую, сказал Дэвид, она никогда не должна открывать. Если в зале щель и его затопило, то, открыв эту дверь... Алекс стала крутить огромную ручку – нечто вроде рулевого колеса: четыре, пять, шесть оборотов, и дверь широко открылась, как бы приглашая ее войти.

Алекс отпрянула, настолько неожиданной была представшая перед ней картина, затем стала разглядывать огромный зал со сводчатым куполом. В нем было чисто, тепло и уютно. Над высокой крышей проплывали карпы и форели, лениво шевеля плавниками и нежась в потоках теплого света. На полу лежал мягкий ковер, в камине весело трещал огонь. Женщина в одеянии медсестры, стоявшая у камина, нагнулась, голыми руками извлекла пылающую ветку и вскинула ее высоко над головой, не обращая внимания на тлеющие сучки, которые осыпались на пол. Горящие веточки стали шевелиться, словно под порывами слабого ветра, затем, ожив, превратились в маленькие розовые ручки; их пальчики сжимались и разжимались, и она услышала детский плач.

– Не плачь, сейчас к тебе придет мамочка. – Сиделка с улыбкой протягивала ей ребенка, и Алекс с содроганием осознала, насколько она похожа на Айрис Трэмьян.

Алекс, взяв младенца на руки, почувствовала тяжесть детского тельца, увидела розовую кожу его ручек и ножек и взглянула в личико.

На нее смотрел обугленный череп.

Ее окружало тусклое красное свечение, и она удивленно моргнула. Музыка смолкла, догадалась она. Она посмотрела на Форда, стоящего у дверей, и увидела рядом с ним Стивена Орма, Милсома и Сэнди, которая ободряюще улыбнулась ей. Она отвела глаза от Дэвида.

– Все справились с задачей? – спросил Форд. – Медитация была долгой, я чувствовал, все идет хорошо, и не прерывал ее.

Алекс посмотрела на часы. Десять минут восьмого; прошло всего полчаса. Невероятно. Она собралась с духом и взглянула на Дэвида; его ухо было прижато к плечу, и на лице застыло странное сосредоточенное выражение.

– Сэнди, – сказал Форд мягким голосом, – как прошло у вас?

– Невероятно, Морган. Я видела Иисуса.

Форд слегка склонил голову и улыбнулся.

– Он стоял передо мной с корзиной в руках; он сказал, что я должна развивать свои способности целительницы, и показал мне, как делать несколько вещей, которые у меня до сих пор не получались.

Форд удивленно посмотрел на Сэнди.

– Я тоже ощущал присутствие Иисуса, – возбужденным гнусавым голосом сказал Стивен Орм. – Я чувствовал, как он появился.

«Все они законченные психи», – подумала Алекс.

– Я думаю, – сказал Орм, – он явился, чтобы защитить наш круг. Как вам кажется, Морган?

– Целительство Сэнди очень важно; он мог почувствовать необходимость снизойти к ней. – Он посмотрел на Милсома. – Артур?

– Моя жена, – сказал Милсом, и в его хрипловатом голосе было мальчишеское возбуждение. – Стоит мне только захотеть, и она возникает передо мной.

– Ну и как она?

– Прекрасно; она показала мне, чем занимается. Она трудится вместе с другими, воздвигая огромный столп света.

– Да, да, – кивнул Форд.

Алекс не сводила с него глаз, думая, что же ей сказать.

– А мистер Хайтауэр? – спросил Форд.

– Кажется, я заснул, – ответил Дэвид.

– Так часто бывает, – небрежно сказал Форд. Взгляд его переместился на Алекс. – Не хотите ли рассказать мне, что вы видели, миссис Хайтауэр?

Алекс взглянула на Дэвида и пожалела, что ввязалась во все это. Не позволяй, чтобы тебя одурачили, говорил он; не будь идиоткой.

– Я видела Фабиана, – сказала она, и Форд одобрительно посмотрел на нее.

– Да, и мне показалось, что он был здесь. Я совершенно отчетливо чувствовал его присутствие; он и сейчас где-то рядом; у меня ощущение, что сегодня вечером он выйдет на контакт, – очень отчетливое ощущение.

– От его лица остался обгорелый обугленный череп.

Форд кивнул:

– Совершенно естественно, что в ходе медитации немалую роль играет подсознание. Вы воспринимаете его с точки зрения земного плана, в котором сами находитесь. Вы не можете отрешиться от его плотской оболочки, в ней вы его и воспринимаете. Позже, когда он явится к вам, он будет обладать эфирным телом, и в таком виде вы и запомните его.

– Он скрылся от меня. – Она покраснела, чувствуя себя предельно глупо, затем бросила взгляд на Дэвида и увидела, как он глазами пытается ей что-то сказать, о чем-то предупредить ее, но она отвела взгляд прежде, чем смогла уловить его мысль.

– Может, снова сказало влияние вашего подсознания, ваш страх потерять его навсегда. Это пройдет после вашего первого контакта с ним; вы обретете способность в состоянии медитации связываться с ним, когда того пожелаете, и я думаю, вы убедитесь, насколько он нуждается в вашей помощи. – Форд снова улыбнулся и подошел к магнитофону. Встав на колени, он вытащил кассету.

Алекс обвела взглядом комнату и почувствовала, что снова дрожит. В красном свечении портрет Фабиана казался еще более мрачным, чем обычно, а жесткое, холодное лицо Орма вызывало у нее беспокойство. Она взглянула на Милсома, он весело улыбнулся ей в ответ.

– Вы могли слышать странные голоса, миссис Хайтауэр, – сказал Форд. – У меня есть советчик, его зовут Герберт Ленгер. В 1880-х годах он был врачом в Вене; прекрасный человек; в девяностых годах он перебрался в Париж. Какое-то время пользовал Оскара Уайльда.

Алекс уставилась на Форда: тот говорил спокойно и небрежно, как о совершенно обыденном событии, а она была слишком взвинчена, чтобы уточнять, что он имеет в виду.

– Будем продолжать? Сегодня вечером я чувствую сильное воздействие; и помните – все должны делать лишь то, что я скажу, это исключительно важно. Ясно? – Он пристально посмотрел на Алекс, она ответила ему таким же взглядом.

Она задрожала, ужас охватил ее. Ей не хотелось продолжения, не хотелось, чтобы он тушил свет.

Раздался громкий щелчок; из динамика плеера неслась теперь странная барабанная дробь, ритм которой, казалось, убистрялся с каждой минутой.

Свет потух.

Алекс ощутила его почти сразу, он словно распахнул дверь и стремительно закрыл ее за собой. Он был в комнате, он стоял рядом, глядя на нее.

Алекс почувствовала, что у нее начинают дрожать руки. Она ясно увидела, как по комнате скользнула тень, что-то более темное, чем окружающая темнота, и ей остро захотелось зажечь свет, коснуться кого-нибудь. Но она не осмеливалась шевельнуться, не решалась подойти к своему сыну, который не сводил с нее странный пугающий взгляд. Ты

этого хотел, дорогой, разве не так? Разве не потому ты подавал мне знаки? Теперь мы здесь, ради тебя. Будь добр, прошу тебя, будь добр.

Господи, внезапно подумала она, как давно все это было. Как много времени прошло с тех пор, когда он был жив и все было нормально.

Раздался ужасающий вопль, похожий на крик зверя в ночи; он заглушил барабанную дробь и вознесся над Алекс, его издал кто-то из участников круга. Крик повторился. Тише, еще тише, крик перешел в хрип, будто кто-то пытался втянуть воздух сквозь переломанное горло. Кто издал его? Форд? Милсом? Орм? Сэнди? Понять невозможно.

– Мама.

Голос Фабиана, слабый и испуганный. Раздался щелчок, и музыка смолкла.

– Мама.

Ни тени сомнения – это голос ее сына. Алекс стал бить озноб, комната превратилась в глыбу льда, ее трясло так, что она с трудом могла сидеть на месте.

– Дорогой мой, – взволнованно громко сказала она, – здравствуй, мой милый.

Снова ужасный захлебывающийся звук, затем страшный пронзительный крик молодой женщины – такого ей еще не приходилось слышать, его эхо, подумала она, будет теперь вечно метаться по комнате.

«О Боже, пожалуйста, прекрати это, – подумала она, – прекрати сейчас же».

– Кто здесь? – услышала она спокойный, уверенный голос Форда.

Ему ответил голос с заметным немецким акцентом и своеобразной интонацией; чувствовалось, что голос принадлежит образованному человеку.

– Это Герберт. Тут присутствует молодой человек, который хотел бы поговорить со своей матерью.

– Будьте любезны, передайте ему, мы ждем его. Он уже начал пробиваться к нам.

Алекс сквозь темноту уставилась на Форда. Он тоже слышал Фабиана. Значит, это не было игрой воображения. Так подделать голос невозможно. Она попыталась приободриться, но холод и страх не покидали ее. Невозможно, просто невозможно, внушала она себе, чувствовать себя одинокой в комнате, заполненной людьми. И все же, скованная холодом и страхом, которые, словно тяжелые руки, легли ей на плечи, она ощущала себя единственным человеком, оставшимся в этом мире.

– Он нуждается в подпитке энергией, – укоризненно сказал голос с

немецким акцентом.

– Я хочу, чтобы все взяли за руки, – сказал Форд. – Когда через нас пройдет поток энергии, душа обретет силы.

Алекс почувствовала, как маленькая рука Форда сжала ее руку. Она была такой горячей, что едва не обожгла ее ладонь. Камень перстня врезался ей в кожу, но она не решилась изменить положение. Вытянув в темноту другую руку, Алекс ощутила чью-то влажную костистую ладонь. «Кто там справа?» – попыталась припомнить она. Милсом. Он тоже сжал ее кисть.

– Обретайте силу, – сказал Форд, – пусть она льется, пусть хлещет!

Форд и Милсом стали раскачиваться взад и вперед, и она раскачивалась вместе с ними. И вдруг они резко застыли; Форд с силой сжал ее кисть, и его рука словно окаменела.

– Мама!

Голос Фабиана повис в воздухе.

Она снова услышала странный хрип и поняла: хрипит Милсом. Она посмотрела на него, пытаясь что-то разобрать в темноте, и внезапно прямо напротив нее, оттуда, где сидел Орм, донесся крик Кэрри:

– Не позволяйте ему, миссис Хайтауэр!

Голос Кэрри, жалобный и испуганный, пронзил воздух, словно кто-то провел ножом по камню.

– Похоже, что нашим туннелем воспользовалась еще какая-то молодая женщина, – спокойно сказал Форд.

– Молодой женщины тут нет, – произнес кто-то с немецким акцентом.

– Кто здесь? – мягко спросил Форд. – Не назовете ли нам свое имя?

Раздался яростный рык, Форд и Милсом дернулись так, что Алекс чуть не получила вывих суставов.

В затылок ей ударила холодная струя воздуха, скользнула по плечам, окутала все ее тело.

– Пожалуйста, помоги мне, мама, – снова донесся голос Фабиана.

Он был так близко, что ей показалось – стоит протянуть руку, и она коснется его. Она уставилась в темноту.

– Где ты, дорогой?

Внезапно раздался странный гнусавый голос:

– Да не слушай ты этого маленького подонка!

Дернувшись, Алекс задрожала и стала дико вглядываться в темноту.

– Будьте любезны, кто вы такой? – все также спокойно спросил Форд. – Пожалуйста, скажите нам свое имя или же, во имя Господа, немедленно покиньте медиума.

– Мама! – отчаянно закричал Фабиан.

В темноте снова рыкнул тот же гнусавый голос:

– Я его отец!

Перед Алекс все поплыло; она качнулась, вцепившись в руки Форда и Милсома.

– Нет, – сказал Форд, – его отец здесь, в комнате, вместе с нами.

– Мама, – снова раздался стон Фабиана.

– Пожалуйста, прекратите, – сказала Алекс. – Я хочу положить этому конец.

– Отец явившейся души тут, с нами; пожалуйста, оставь нас, кто бы ты ни был, – сурово сказал Форд.

– Меня зовут Джон Босли. Я отец мальчишки, – снова фыркнул голос.

Алекс попыталась освободиться от рук Форда и Милсома, но не смогла.

– О боже, да прекратите же! – Ее сотрясала неудержимая дрожь, ей казалось, что ее вот-вот вырвет. – Морган, прошу вас, прекратите! – закричала она.

– Дорогая? – услышала она мягкий обеспокоенный голос Дэвида. – С тобой все в порядке, милая?

– Я хочу прекратить! Пожалуйста, попроси их прекратить.

– Мама! – снова закричал Фабиан. – Кэрри!

Она скорчилась на стуле, пытаясь вырвать руки и спрятать в них лицо.

– Помогите мне, – сказала она. – Помогите...

И тут она снова услышала тихий молящий голос Кэрри:

– Пожалуйста, не позволяйте ему, миссис Хайтауэр.

– Что не позволять? – слабым голосом спросила она. – Объясни мне. Не позволять – что?

– 4 мая, мама. – Теперь у Фабиана был совершенно иной голос, спокойный и уверенный, такой, как всегда. – 4 мая они собираются выпустить меня.

– Откуда, дорогой? – еле шевеля языком, спросила она. – Откуда?

Наступило долгое молчание, и она стала приходить в себя: увидела комнату, услышала поскрипывание стульев, дыхание и шорох одежды. Форд расслабил пальцы и выпустил ее руку.

Алекс почувствовала, что Фабиан исчез – столь же быстро, как и явился. В комнате остались только тьма и молчание. Высвободив правую руку, она провела пальцами по лицу; оно было в испарине.

– Мистер Форд, – услышала она голос Дэвида, – я думаю, вы должны положить этому конец; моя жена не на шутку испугана.

Ответа не последовало; Алекс обвела взглядом помещение, пытаясь увидеть силуэты присутствующих, но ничего не могла разобрать в темноте; сердце у нее колотилось с такой силой, что заболела грудная клетка.

– Дэвид? – шепнула она. – Я... – Она помолчала. – Я в порядке.

После долгой паузы она услышала голос Форда, который снова обрел мягкость:

– Души удалились.

Алекс услышала скрип стульев, шорох шагов по ковру; вспыхнул свет, и она зажмурилась, а когда снова открыла глаза, Форд стоял у дверей, склонив голову, погруженный в глубокое раздумье.

Алекс огляделась: ничего не изменилось, все было на своих местах. Все еще дрожа, она подумала: а что же, собственно, она предполагала увидеть, и без сил обмякла на стуле. Напротив нее под каким-то невероятным углом на подлокотнике кресла полулежал Орм. Рот у него был открыт, а подбородок выдавался вперед, как у выкинутой на берег рыбы, широко открытые глаза смотрели в потолок. На мгновение ей показалось, что он мертв. Затем Орм застонал и упал на сиденье.

Поставив локти на колени и сплетя пальцы, Милсом сидел наклонившись вперед. Сэнди откинулась на спинку стула, промокая лоб платком.

Алекс опасливо посмотрела на Дэвида, который, засунув руку в карман пиджака, с подозрением оглядывал всех присутствующих.

Она перевела взгляд на Форда.

– Что случилось? – спросила она.

Форд как-то странно посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Прошу вас, расскажите мне, – дрожащим голосом попросила она. – Пожалуйста, объясните мне, что произошло? – Она взглянула на Орма, Милсома, затем на Сэнди. Они выглядели странно, очень странно. Потом посмотрела на портрет Фабиана на стене, увидела холодное мерцание медного телескопа под окном. Какой пустой кажется комната без кровати, какое унылое, холодное освещение, подумала она. Но комната вдруг обрела привычный вид. «По-видимому, я была в транс», – решила Алекс. Да, скорее всего, так оно и было – все привиделось ей в жутком сне. Она несколько расслабилась и снова оглядела присутствующих. «Почему никто не смотрит на меня? – Она в упор взглянула на Милсома, на Дэвида, на Сэнди. – Да посмотрите же на меня кто-нибудь. Пожалуйста. Улыбнитесь мне, скажите, что это был дурной сон, что вы, сидящие здесь, ничего не видели. Пожалуйста, прошу вас, скажите».

Постепенно страх и возбуждение стали уступать место безразличию.

«Что это вообще было? – думала она. – Просто голоса? А где эктоплазма? Мерцание? Где зеленоватая слизь, что ползет изо рта? Левитация?»

Дэвид продолжал рыться в кармане пиджака. «Да жива ли я вообще? – внезапно пришло ей в голову. – Может, потому никто и не смотрит на меня? – Ее охватила паника. – Может, они меня не видят? Я умерла, вот что произошло, я мертва. Пожалуйста, посмотри на меня, Дэвид. Чем ты занят?» Внезапно она нащупала на коленях что-то жесткое и колющее; оно зашуршало, как старый пергамент, и она сжалась от ужаса. Ей показалось, что на коленях у нее лежит гигантское дохлое насекомое. Она попыталась отвести руки, но они окостенели, что-то царапнуло ей пальцы. Алекс оглядывалась вокруг, глаза ее были широко открыты, полны ужаса. Она не могла заставить себя посмотреть вниз, на колени. Что это такое, что за чертовщина?

Она посмотрела на Дэвида, молча взывая о помощи, но тот по-прежнему был занят своим карманом. Алекс почувствовала резкую боль в пальце, словно бы от укуса, громко вскрикнула и опустила взгляд. Не веря своим глазам, она заледенела. Ее крик заполнил комнату.

На коленях у Алекс лежала маленькая сморщенная роза, черная и обугленная.

Алекс открыла глаза и невидящим взглядом уставилась на изображение лошади. Откуда-то доносились неразборчивые голоса. Она с удивлением огляделась, приходя в себя. Вроде бы она была в комнате Фабиана? А теперь лежит внизу, в гостиной. Вокруг толпились люди, а теперь она видела только двоих – Дэвида и Моргана, но они находились так далеко, словно в другой комнате или даже в другом доме.

– Я ни с кем не успела попрощаться.

Они не замечали ее.

– Ваши магические трюки годятся только для хилых старушек, – услышала она слова Дэвида.

– Это довольно обычное явление, мистер Хайтауэр.

Сколько сейчас времени? – попыталась сообразить она. Как давно она лежит тут на диване? И что случилось с остальными?

– Вы в самом деле считаете, что роза может дематериализоваться, пройти сквозь время и пространство и снова материализоваться? – спросил Дэвид.

– В потустороннем мире происходит много такого, чего нельзя объяснить с помощью общепринятых терминов. Это было послание ушедшего своим любимым – единственно возможный способ представить неопровержимые доказательства.

– Каким образом обугленная роза может стать доказательством?

Алекс снова подала голос.

– Я ни с кем не попрощалась, – сказала она.

Но они по-прежнему не замечали ее.

– Мы очень мало знаем о потустороннем мире, но все время пытаемся понять его.

– Экспериментируя с людьми, когда они находятся в беспомощном состоянии?

– Я бы не позволил находиться в составе круга никому, в чьей силе я сомневаюсь.

– У моей жены таких сил не оказалось. Посмотрите, что с ней случилось.

– С ней все будет в порядке; она просто устала. Отдавать свою энергию очень изнурительно. Понимаете, слишком быстро, слишком быстро сразу после тяжелой утраты. Лучше всего заниматься такими

вещами спустя несколько месяцев.

– Тогда почему же вы так не сделали? – сказал Дэвид.

– Это было необходимо.

Наступило долгое молчание.

– Что вы имеете в виду?

– Вмешательство злонамеренных душ.

– Нет, – внезапно громко подала голос Алекс, – нет, этого не было.

Она увидела, как они повернулись и посмотрели в ее сторону с таким видом, словно рассматривали какой-то отдаленный предмет.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – заботливо спросил Дэвид.

Алекс увидела, что он склонился над ней, увидела его кустистую бородку, его глаза, обращенные к ней.

– Хочешь, я вызову врача?

– Она уже приходит в себя, – сказал Форд. – Еще полчаса, и с ней все будет в полном порядке. Подобные явления вызывают сильнейшее эмоциональное потрясение.

– Явления... – сказал Дэвид. Алекс услышала сухой хруст и увидела, что Дэвид крутит в руках почерневший стебель. – Просто роза, давно увядшая роза, выгащенная из какого-то костра, которую вы или кто-то из ваших сообщников бросил ей на колени, когда мы все сидели в темноте, взявшись за руки. Кто-то с извращенным чувством юмора.

– Дэвид, – сказала Алекс, – прошу тебя, дорогой, не злись.

– Я не злюсь, моя радость. Не сомневаюсь, мистер Форд желал тебе только добра. Возможно, некоторых людей успокаивают подобные вещи, но ты к ним не относишься. Попытайся еще немного поспать.

– Я бы предпочла сигарету, – сказала она, усаживаясь на диване. Комната поплыла перед ней, и на мгновение ей показалось, что стена заняла место пола, но тут же, качнувшись, встала на место. Алекс замутило.

– Не вставай, дорогая. Пережди несколько минут.

– Все было не так, как, по-моему, должно было быть, – сказала она, глядя на Форда.

– Без неожиданностей не обходится, – с мягкой улыбкой ответил он.

– Я так отчетливо слышала Фабиана.

– О ком ты говоришь? – спросил Дэвид.

– О Фабиане.

– О Фабиане? – растерянно переспросил он.

– О нем, мой дорогой; ты, конечно, тоже слышал его?

На лице Дэвида появилось изумленное выражение; он повернулся к

Форду, потом снова уставился на нее:

– Ты слышала его?

– Да. И Кэрри. И... – Спыхватившись, она покраснела.

– Да ведь ничего не было, дорогая, должно быть, ты все это себе вообразила. – Дэвид снова взглянул на Форда, но тот подчеркнуто отвернулся от него и смотрел только на нее.

– Фабиан говорил со мной, – сказала она.

– А ко мне он не обращался. Единственным, кто подал голос, был мистер Форд. И те двое странных типов; один говорил так, словно его мутит, а другой – как с удавкой на шее.

Алекс опять стала страшно, страшно и одиноко.

– Ты хочешь сказать, что ничего не слышал?

– Он и не мог слышать, миссис Хайтауэр, – рассудительно сказал Форд. – Он не обладает достаточной чувствительностью. – Кашлянув, Форд повернулся к Дэвиду. – Но вы играли очень существенную роль в том, что состоялось этим вечером; вы крепко держали нас на земле, без вас мы бы почти ничего не добились.

– Добились? – недоверчиво переспросил Дэвид. – Чего, ради всех святых, вы добились?

– Я думаю, этот вопрос вы должны задать своей жене, – сказал Форд.

Алекс видела, что Дэвид не сводит с нее глаз.

– Дорогой, – сказала она, чувствуя, что краснеет, – ты не будешь возражать, если я перекинусь парой слов с глазу на глаз с мистером Фордом?

Дэвид посмотрел на нее и перевел взгляд на мистера Форда.

– Может, ты пока приготовишь нам чай?

Он неловко поднялся и почесал бороду.

– Хорошо... я... – Поглядев по сторонам, он на секунду засунул руку в карман пиджака. – Пойду поставлю чайник. – Он вышел из комнаты, и Алекс услышала звук захлопнувшейся двери. Она встала, и пол поплыл у нее под ногами. Качнувшись, она все же утвердилась на ногах и подошла к бару.

– Теперь вы чувствуете себя получше, Алекс?

Она взяла сигарету, обратив внимание, что Форд первый раз обратился к ней по имени.

– Благодарю вас. Думаю, что да. На меня так много навалилось... – Взгляд ее остановился на розе, которую Дэвид положил на боковой столик; легко нагнувшись, она прикоснулась к ней. – Ее в самом деле послал мне Фабиан?

- Порой такое случается. Кто-то по пути ее обуглил.
- Чья-то душа?
- Да, – тихо ответил он.
- Он часто приносил мне розы; может, он вез мне ее из Франции и в катастрофе она обгорела. Могло быть такое?
- Форд кивнул:
- Не исключено, – и нахмурился.
- Но вы так не считаете.
- Сегодня вечером вокруг нас были и другие души, мешавшие нам. Герберт, мой учитель, предупреждал нас.
- Что вы имеете в виду?
- Когда мы сомкнули круг, то тем самым открыли канал для связи с потусторонним миром. Я никогда не могу точно знать, кто явится, воспользовавшись им. Сегодня мы надеялись, что это будет Фабиан, но часто являются и другие, иногда совершенно незнакомые. Время от времени и злые души пытаются оказать свое влияние на круг, пытаются завладеть им.
- Злые души?
- Форд кивнул:
- Они могут быть очень хитры и изворотливы. Великолепно притворяются. Подделяются под тех, кто ушел от нас: голос, поведение, внешность. Они пытаются воспользоваться энергией, воссоздающейся в круге.
- Почему?
- Для своих собственных целей.
- Вы верите в зло?
- Форд помолчал.
- Конечно. Есть добро, и есть зло, миссис Хайтауэр. Они сосуществуют и здесь, и в потустороннем мире, и между ними поддерживается определенное равновесие.
- И кто-то из этих злых... душ... мог опалить розу?
- Возможно. Многие из того, что происходило сегодня вечером, я просто не понял.
- То есть нас постигла неудача?
- Не знаю. Нашей целью было спасти Фабиана, дать ему освобождение от земных пут. Но было слишком много посторонних вмешательств, все перепуталось. И я не могу быть уверен, удалось ли ему освободиться. – Он покачал головой.
- Вмешательство девушки – это вы имеете в виду?

Форд кивнул:

– Частично.

Прикурив, Алекс снова устроилась на диване.

– Она появлялась и раньше. В вашей гостиной. Девушка по имени Кэрри, с которой встречался Фабиан.

Форд кивнул:

– А этот мужчина, утверждавший, что он отец Фабиана? – Он в упор посмотрел на Алекс. – Что-то вроде Джона Босли. Я не понял, почему он появился, но порой случается, что возникают такие скандалисты.

У Алекс снова запылало лицо.

– Доводилось ли вам сталкиваться с душами, – сказала она, – которые хотят вернуться?

– В человеческий облик?

Она кивнула.

– Вы имеете в виду обладание?

– Я не уверена, как это называется. Но кто-то хочет вернуться, потому что у него тут остались неоконченные дела.

Форд посмотрел на часы.

– Многие души чувствуют после смерти растерянность, особенно те, кто ощущает сильное земное притяжение; часто они даже не осознают, что мертвы; лишь когда они пытаются заговорить с теми, кого любили, со своими друзьями, они выясняют, что никто их не видит, никто не слышит, – и вот тогда только они начинают осознавать, что случилось. До этого многие из них пытаются вести себя как и раньше, занимаются какими-то делами, воображая, что все идет так, как было до их ухода.

– И кому-нибудь это удастся? – спросила она.

– Продолжать свои дела?

Она кивнула.

– Да.

– И как они это делают?

– Они используют физическое тело и мозг кого-нибудь из живущих. Овладевают кем-то и... становятся хозяевами тела. Вот что мы называем состоянием обладания. – Он улыбнулся. – Есть документальные свидетельства, как души продолжают заниматься своими делами, используя живых людей. Такие случаи зафиксированы в среде хирургов, художников... и композиторов. Моцарт, как известно, стал сочинять великолепную музыку в возрасте четырех лет; можно предположить, что он находился под влиянием души какого-то композитора.

– А как насчет зла?

– Взять Гитлера, – сказал Форд. – Прямых доказательств нет, но есть много свидетельств, что Гитлер и несколько других членов из руководства Третьего рейха находились под влиянием злых сил, которые и руководили их действиями.

– Во время нашей первой встречи вы сказали, что Фабиан хочет вернуться. Именно это вы и имели в виду? То, что у него остались неоконченные дела?

Внезапно Форд занервничал. Ему явно не хотелось говорить на эту тему. И она подумала, что этот вопрос ему просто не по зубам.

– Неоконченные дела?

– Да.

Форд улыбнулся.

– Какого рода дела, по вашему мнению?

Алекс опустила глаза.

– Мне кажется столь странным говорить о нем, словно бы он... – Она резко встала, пересекла комнату и стряхнула пепел сигареты в корзину для мусора.

– Словно бы он по-прежнему жив?

Она кивнула.

Форд загадочно улыбнулся:

– Вы женщина с высоким уровнем чувствительности, может даже чрезмерным.

– Что, черт побери, вы хотите сказать?

Форд покачал головой и снова улыбнулся.

– Я не понимаю.

– Мне кажется, придет день, когда вы поймете. – Его лицо потемнело, и она снова почувствовала неловкость. – Я думаю, мы должны снова собрать круг, в следующий четверг.

– Нет.

– Это очень важно... для вашего сына.

– Я считаю этот опыт слишком пугающим.

– Только в первый раз. И нам еще ничего не удалось достичь. – Он встревоженно обвел взглядом комнату. – Потом вы почувствуете себя куда лучше.

– Не могу себе представить, что можно чувствовать себя лучше.

– Можно, – решительно сказал он, – но только если вокруг вас не будут витать души. Когда мы поможем его душе, вот тогда вы обретете мир и начнется исцеление.

– Вы не думаете, что, возможно, я коснулась вещей, которые лучше

было бы оставить в покое?

– Вы должны думать о своем сыне.

Она пристально смотрела на Форда, пытаясь понять, что кроется за его словами. Кто он – жулик, как предполагал Дэвид? А может, она подпала под влияние гипноза и все себе вообразила? Но ведь она совершенно четко и ясно слышала голоса. И все же какие-то сомнения остались. Ведь нельзя не учитывать, что в интересах Форда и дальше продолжать раскручивать это дело, чтобы обеспечивать работой своих странных спутников с их золотыми серьгами и большими ногтями.

– Но, кроме того, я должна подумать и о своем муже.

– Потому что он столь скептически настроен?

– Есть и иная причина. – Она прошлась по комнате, опять села. – Тот мужчина, который утверждал, что он отец Фабиана...

– Та случайная душа?

Алекс покачала головой:

– Нет, не такая уж она случайная. – Она помолчала. – Дэвид – не отец Фабиана.

Форд внимательно посмотрел на нее и, опустив глаза, стал изучать собственные безукоризненные ногти. Что-то его волнует, подумала она. Это открытие должно было все прояснить для него, но похоже, оно лишь ухудшило состояние дел.

– Значит, этот Босли... или как там его звали? – спросил он.

– Я не знаю, кто именно.

Форд как-то странно посмотрел на нее, и она смущенно улыбнулась.

– Я не то имела в виду, – сказала она. – Мы не могли иметь детей. – Она поймала себя на том, что краснеет. – Понимаете, в сперме моего мужа было слишком мало сперматозоидов.

– И вы обратились к услугам донора?

– Не в полном смысле слова... ну, что-то вроде. – Она перевела дыхание и глубоко затаилась. – Я не хотела прибегать к искусственному осеменению... чья-то чужая сперма... я хотела ребенка от Дэвида. Мы связались со специалистом, который в то время экспериментировал в этой области, смешивал сперму какого-нибудь мужа со спермой донора, высокоактивной спермой, как они называли ее. – Алекс грустно улыбнулась. – Таким образом, никогда нельзя было установить, от кого вы зачали – то ли от мужа, то ли... – Она замолчала.

– И теперь вы думаете, что...

Она покраснела.

– Дэвид никогда не сомневался, что Фабиан его сын, и слава богу. Но

я-то всегда знала, что это не так.

– Каким образом?

Она еще гуще залилась краской.

– Ничего не получилось. Специалист объяснил мне, что, по его мнению, сперма Дэвида слишком агрессивна – я толком не поняла, – что у нее какой-то не такой химический состав. И я попросила специалиста помочь мне, не ставя Дэвида в известность.

Форд кивнул.

– Понимаете ли, генная наследственность играет очень важную роль в потустороннем мире, – сказал он. – Это макет характера, личности. Мы знаем, насколько они существенны для физического и психического облика человека, они определяют и контролируют все; я считаю, что гены столь же важны и при бесплотном существовании.

– То есть мы забираем с собой все свои гены?

– По крайней мере, ту часть, которая определяет черты нашей личности.

– Значит, Фабиан нашел теперь своего настоящего отца?

– Вполне возможно.

Она покачала головой:

– Я бы не хотела, чтобы Дэвид узнал об этом. Он так гордился Фабианом. И я не хочу, чтобы пострадала его гордость.

Форд кивнул:

– Я понимаю. Но ваш муж не относится к тем, кого мы называем сенситивами. Души ничего не смогут ему сообщить; он ничего не будет знать, если вы сама не скажете ему.

Алекс закрыла лицо руками.

– О господи, я совсем запуталась, я ничего не понимаю и так перепугана.

– Видите ли, – мягко сказал Форд, – между вашим сыном и его подлинным отцом возник какой-то серьезный конфликт. Его-то мы и должны попытаться разрешить, ибо это может нанести серьезный урон вашему сыну... и вам.

– Каким образом?

– Тут присутствуют какие-то очень мощные темные силы; я пытался справиться с ними, не пугая вас, но мне никогда в жизни не приходилось сталкиваться со столь мощным противодействием. Ваш муж считает, что я шарлатан; вы же, как мне кажется, верите мне, хотя и у вас есть сомнения. Чтобы доказать свою искренность, я готов отказаться от своего гонорара, но и вы, в свою очередь, должны делать все, что я вам скажу. Вы

понимаете?

Она покачала головой.

– Нет. Я не хочу продолжения.

– Алекс, – тихо сказал он, – вы не можете войти в мир потусторонних сил и выйти из него с той же легкостью, с какой нажимаете на клавишу – раз, и музыка смолкла. Их надо одолеть, или они одолеют вас.

Алекс снова почувствовала ледящий озноб, холодная струя воздуха скользнула по ее телу – омерзительное влажное дуновение, от которого блузка, словно промокнув насквозь, прилипла к телу.

– Не можете ли вы каким-либо образом выяснить, кто именно стал отцом вашего сына?

– Я была на Уимпол-стрит. У специалиста по бесплодию. Саффиер. Доктор Саффиер. Он брал сперму от доноров... он говорил, что они очень тщательно подбирают доноров... учитывают их внешность... – Она помолчала. – Цвет волос, глаз и все такое.

– И он помог вам?

– Да.

– Я думаю, вы должны повидаться с ним. Попробуйте выяснить хоть что-нибудь о Джоне Босли.

– Я даже не знаю, жив ли он.

– Это очень важно, – сказал Форд.

– Почему?

– Потом поймете.

Открылась дверь, и вошел Дэвид.

– Вам с молоком, мистер Форд?

Форд встал:

– Прошу прощения, я опаздываю. Мне нужно ехать.

– Хотите метлу или вы прибыли на собственной? – улыбнулся Дэвид.

Форд вежливо улыбнулся в ответ:

– О, в таких средствах передвижения я не нуждаюсь; будь у меня такая возможность, я предпочел бы раствориться у вас на глазах.

«Лендровер» дернулся и пошел юзом по грязной дороге. Алекс уловила запах навоза из свинарника; она увидела, как несколько кроликов, уставившись на свет фар, дернулись, бросились прочь и, проскользнув через ограждение, скрылись в поле.

Ночь была ясной: она видела россыпь звезд, полумесяц и темное пространство земли, словно бы затянутое бесконечной тенью.

– Спасибо, что вытащил меня.

– Не говори глупостей.

– Мне не хотелось вечером оставаться дома.

– Ничего удивительного. Этот парень – как его имя, Форд, что ли? – до смерти перепугал тебя своими штучками.

Она смотрела сквозь ветровое стекло; на капоте лежало запасное колесо. «Лендровер» клюнул носом, и она увидела мерцающее озеро; казалось, это мерцание шло изнутри. Средневековый водоем. Она поехала; ну почему это выражение не оставляет ее в покое, почему оно всегда столь зловеще звучит в ушах? Она представила себе древних столетних карпов, которые охраняют мрачные глубины, и попыталась отвести глаза от озера, но оно как магнит притягивало ее взгляд.

– Он оказался не таким, как я его себе представлял, – бросил Дэвид.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну... в общем-то у него есть чувство юмора; я никогда не думал, что такие люди обладают юмором, мне всегда казалось, они убийственно серьезны. Он больше смахивает на страхового агента, чем на медиума.

Она улыбнулась:

– Именно это подумала и я, когда увидела его впервые. Тем не менее он пользуется очень хорошей репутацией.

Дэвид резко остановил «лендровер», дернул ручной тормоз и приник к боковому стеклу.

Алекс обеспокоенно взглянула на него:

– В чем дело?

Дэвид поднял палец, продолжая что-то разглядывать. Слушая ровное, как биение сердца, постукивание двигателя, Алекс огляделась, она была беззащитна, уязвима и испугана; поскорее бы добраться до фермы – ей не хотелось останавливаться тут в сумерках, рядом с озером, посреди темных полей.

– Вот сволочи.

– Что такое?

– Опять несколько овец забрались в виноградник – как раз там я выращиваю свое шардоне. Вот уж где они мне не нужны!

Алекс почувствовала облегчение.

– Утром починю там изгородь.

– Ты не против, если завтра я одолжу у тебя «лендровер»?

– Не так уж приятно тащиться на нем в Лондон – тебе лучше было бы сесть на поезд в Льюисе.

Она кивнула.

– Но делай как знаешь; я бы хотел, чтобы ты отдохнула, расслабилась, набралась сил.

Улыбнувшись, Алекс положила руку на спинку его сиденья. Хорошо бы обнять его, прижаться к нему, но нет, в глубине души она понимала, что и так поступила с ним не лучшим образом; не стоит беречь его раны – по отношению к нему это было бы нечестно, да и по отношению к себе тоже, пришло ей в голову.

Сидя у кухонного стола, Алекс наблюдала, как Дэвид открывает бутылку вина собственного производства. Колли бродил по комнате, ложился и снова путался под ногами.

– Ты в самом деле сделала все, как он сказал, и шесть часов не ела?

Она кивнула:

– После завтрака крошки во рту не было. А ты?

– Обычно я ем два раза в день – завтрак и обед. – Он открыл холодильник. – Хочешь омлет?

– Я удивлена, что ты не держишь кур; в Лондоне ты всегда хотел обзавестись ими.

– Держать их в Лондоне было бы своего рода новшеством, не то что здесь.

Она улыбнулась.

– Да и в любом случае яйца и вино плохо сочетаются.

– Разве что запивать яичницу шардоне.

На сковородке шипело полдюжины яиц.

– А что ты делал во время сеанса – точнее, круга?

Он взглянул на нее и покраснел.

– Что делал?

– Похоже, ты глазел по сторонам.

Ухмыльнувшись, он похлопал себя по груди и, осторожно стянув пиджак, показал прикрепленный к груди диктофончик.

– Тут все. Вот и посмотрим, кто из нас прав. – Он положил диктофон на стол, включил кнопку перемотки записи.

Она слушала шуршание ленты и вопросительно смотрела на него.

– Ты думаешь, что поступил правильно?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это могло отпугнуть души.

– Никто не сказал, что нельзя пользоваться диктофоном.

– Думаю, ты должен был предупредить меня.

– Скажи я тебе, ты бы не позволила. – Дэвид налил ей вина и, нахмурившись, наблюдал, как опускается осадок в его стакане. Потом поднял его за донышко и поднес к свету. – Цвет неплох, – сказал он.

– Очень чистый.

– И как тебе кажется, не чувствуется водянистость?

– Нет.

– Только легкий желтоватый оттенок, не так ли? – восторженно сказал он. – В последней партии несколько ударял в зелень.

– И что ты сделал? Подкрасил?

Он укоризненно посмотрел на нее.

– Ни в коем случае – только не я. Такой оттенок дает кожура винограда; все зависит от того, как долго ты выдержишь суло.

Алекс понюхала вино. Оно было терпким, слегка маслянистым, и от него щипало в носу; со вторым глотком пришел легкий виноградный аромат.

– Оно еще очень молодое, – смущенно сказал он.

– Ты должен быть очень осторожен, Дэвид, чтобы не передержать его. Большинство потребителей не такие уж знатоки – они хотят лишь, чтобы у вина был приятный вкус.

– Да плевать мне на большинство, пусть пьют свой «Широндель». Господи, неужели ты не понимаешь? Меня привлекает неповторимость; я хочу создать великое английское вино.

Она сделала глоток, закрыла глаза и почмокала, катая вино во рту и надеясь, что именно этого он от нее ждет. Вино было терпкое, и у нее защипало нёбо, она поморщилась, вино обожгло пустой желудок, и она вздрогнула.

– Хорошее, но чуть резковато.

Диктофон громко щелкнул. Дэвид нажал клавишу воспроизведения. Послышалась какофония звуков, и он приглушил громкость.

– Молитву и прочую чушь пропустим, – сказал он.

Она услышала «Весну» Вивальди, тонкие звенящие звуки, полные

радости и оптимизма.

«...Почувствуйте, как пружинит под ногами первая трава, – раздался голос Форда. – Теперь вы видите перед собой белые ворота...»

– Этот кусок я прогоню побыстрее, – сказал Дэвид, нажимая клавишу перемотки.

Алекс испуганно смотрела на аппарат. Она услышала зловещую барабанную дробь, затем чей-то вопль – словно завывание лисицы, попавшей в капкан; вопль медленно перешел в затухающий хрип. Вот-вот она услышит слова – по спине у нее побежали мурашки.

Но хрип прервался сухим шорохом статических разрядов.

Нахмурившись, Дэвид стал возиться с клавишами, гоня запись взад и вперед на разных режимах громкости, но слышался только треск. Он прогнал запись несколько вперед и прислушался – все то же. Дэвид растерянно посмотрел на Алекс.

– В чем дело? – спросила она.

– Думаю, что шло глушение.

– Глушение?

– Предполагаю, что у твоего приятеля была портативная глушилка.

– Чего ради ему было этим заниматься?

– Значит, было из-за чего.

Он пропустил запись на скорости, но по-прежнему слышался лишь сухой треск, шипение и шорох. Внезапно они услышали высокий голос, похожий на верещание бурундука. Дэвид нажал большим пальцем клавишу остановки и торопливо отмотал ленту назад. И снова нажал клавишу воспроизведения.

«Как ты, дорогая?» Это был его собственный голос. Дэвид многозначительно посмотрел на Алекс.

«Я... я в порядке», – раздался голос Алекс.

Наступила пауза, и они услышали голос Форда: «Души удалились».

Дэвид выключил аппарат.

– А не могут ли души и электричество как-то воздействовать друг на друга? – спросила Алекс. Ее сотрясала дрожь, и женщина отлично понимала, насколько смешно звучит ее вопрос.

– Жутьничество, дорогая.

Она покачала головой.

– Все сплошной обман.

Она снова покачала головой:

– Хотела бы я, чтобы ты был прав.

Алекс спала, не погасив свет, в огромной двуспальной кровати. Ночью она несколько раз просыпалась, чувствуя тревогу, и сонные видения ее были заполнены стонами, вскриками, в них постоянно присутствовал голос Фабиана. Каждый раз, просыпаясь и снова погружаясь в сон, Алекс слышала его – совсем рядом, совсем близко от нее. Вся в поту, Алекс в сонном забытии тянулась к стакану с водой, опасаясь, что он опустеет до наступления рассвета и ей придется выходить из комнаты, чтобы снова наполнить стакан.

Ночь за стенами комнаты была полна звуков; над гладью озера разносилось уханье филина. Средневековый водоем. Погружаясь в дремоту, Алекс слышала, как плещутся карпы, как разносится по воде странное приглушенное эхо; видела, как огромная рыба всплывала к поверхности, скользя между водорослей, но, когда она появилась на свету, у нее оказалось обугленное человеческое лицо, и Алекс с криком проснулась.

Послышался осторожный стук.

– Дорогая, как ты себя чувствуешь?

Алекс закрыла глаза, надеясь снова вернуться в сон.

– Все в порядке, спасибо.

Она слышала, как Дэвид бродит по дому, и это успокоило ее. Вот он спустился вниз, и до нее донеслись шаги на кухне, хлопанье открывшейся и закрывшейся двери. Теперь снаружи доносились совсем другие звуки – мирное щебетание птиц; Алекс открыла глаза и увидела, что наступило утро.

Дэвид был уже на винограднике. Алекс толкнула тяжелую дверь и направилась к огромному каменному амбару. Как ему удалось избавиться от одолевших ее со вчерашнего дня тяжелых едких запахов вчерашнего сборища?

К объемистой пластиковой цистерне в середине помещения свисал канат с подтянутого к высоким стропилам полипласта. Дэвид, расставив ноги, стоял над цистерной, подтягивая трос.

– Я готова! – крикнула ему Алекс.

– Сейчас!

Она смотрела, как он спускается по шаткой стремянке.

– Чем ты занимался?

– Новой цистерной – ее доставили только вчера. Хочу немного переместить ее. Я буду рад, если ты останешься и на вечер, да и вообще на весь уик-энд.

– Спасибо. Посмотрю, как буду себя чувствовать.

– Если ты точно вернешься, можешь взять «лендровер» и оставить его

на станции.

– Ты будешь не очень расстроен, если я не появлюсь?

Он повернулся и бросил красноречивый взгляд на виноградник, давая понять, что ему не под силу было бы расстаться с ним даже на несколько минут.

– Справлюсь.

– Счастливей, – сказала она, – у тебя есть что-то, к чему ты очень привязан.

– У тебя тоже.

Она покачала головой.

– Я почти не бываю в офисе после... – Алекс пожала плечами. – Думаю, бывают в жизни такие времена, когда все становится не важно.

– Думаешь, твои клиенты согласятся с тобой?

Она отвела глаза и покраснела.

Алекс почувствовала себя куда лучше, оказавшись в сумятице Лондона, в толчее подземки. В пятницу у Лондона всегда хорошее настроение. Оно читалось на лицах прохожих, многие из которых, одетые ярче обычного, тащили с собой вещевые мешки и сумки, нагруженные припасами для пикников.

Алекс двинулась по Уимпол-стрит. Прошло много лет с тех пор, как она была здесь в последний раз, но улица совершенно не изменилась.

Она не знала номер дома Саффиера, но помнила, как он выглядит, – ей пришлось тут побывать не менее дюжины раз. Да, не менее. Она приходила сюда, уцепившись за руку Дэвида, стараясь не обращать внимания на его смущение, ощущая лежавший между грудей маленький пластиковый контейнер – нужно было хранить его в тепле.

Алекс до сих пор помнила, какую кнопку надо нажимать: вторую сверху. Но теперь рядом с этой кнопкой было написано: «Р. Берд, член Королевского хирургического колледжа, член Совета медицинских исследований». Она пробежала глазами остальные фамилии: Д.Б. Стюарт, Б. Киркленд, М.Дж. Суорд-Даниелс, Саффиера не было. Алекс сделала шаг назад и еще раз просмотрела список жильцов, после чего нажала кнопку у фамилии Берд и застыла в ожидании.

Раздалось короткое жужжание, и замок открылся. Алекс толкнула дверь и вошла. Теперь стены холла были выкрашены в яркий цвет, но все остальное выглядело как прежде. Она поднялась по лестнице и открыла дверь. Смазливая, высокая как жердь девица с короткой челкой взглянула на нее из-за письменного стола.

– Не можете ли вы помочь мне? – спросила Алекс. – Я ищу доктора Саффиера.

Девица открыла рот и отдаленно похожим на гудение гоночной машины на трассе голосом что-то неразборчиво произнесла, отведя назад челку, но она тут же упала обратно на глаза.

– Простите? – склонилась к ней Алекс, пытаясь разобраться, что она сказала.

– Несколько лет назад, – бросила она. – Фью! – Это было уточнение.

– Не знаете ли вы, куда он мог переехать?

Дверь за спиной девицы приоткрылась, и на пороге показался человек в темном пиджаке, слишком большом для него. У незнакомца было доброе

лицо.

– Вы не забыли мой кофе, Люси?

Девушка повернулась и изобразила такой звук, словно группа гоночных машин врезалась в препятствие.

Человек провел по затылку громадной волосатой рукой и уставился на Алекса широко расставленными голубыми глазами.

– Джулиан Саффиер? – переспросил он тихим хриловатым голосом и покачал головой. – Он давно уже съехал отсюда – я тут почти четырнадцать лет.

– Вы не знаете, он еще жив?

Доктор вскинул брови.

– В свое время о нем много писали, но мне уже давно не попадалось его имя. Бесплодие, вы говорите? – Человек вопросительно посмотрел на нее.

Алекс кивнула.

– Мне кажется, он купил практику где-то в Сюррее и организовал там клинику. Но я могу и ошибаться.

– Мне очень надо связаться с ним.

Доктор улыбнулся:

– Попробую поискать его в справочнике. – Он зашел в кабинет и вернулся с толстой книгой в красном переплете, полистал ее. – Нет, здесь его нет. – Подумав, он повернулся к секретарше: – Попробуйте найти мне Дугласа Керра.

– Ага, о'кей! – расшифровала на этот раз Алекс, наблюдая, как легко, словно играя на пианино, девушка пробежала пальцами по кнопкам телефона.

Алекс огляделась. На стене в рамке висело изображение яхты под парусами; огромная дорогая яхта, на борту выведено название – «Гудини».

– Никак, он ваш старый знакомый, а?

Алекс покачала головой:

– Я была его пациенткой.

– Ага. Насколько мне известно, он очень умный человек.

– У вас та же специализация?

– Ну... не совсем... можно считать, что я гинеколог широкого профиля.

Алекс кивнула.

– Хэлло? – сказал доктор. – Дуглас? Говорит Боб Берд. Да, отлично, а ты? Да, Фелицита тоже хорошо; представляешь, где я был на прошлой неделе? Да... у герцога. Послушай, я должен быть краток. Тебе говорит

что-нибудь фамилия Саффиер?

Алекс не сводила с него глаз.

– Джулиан Саффиер? – повернулся он к ней.

– Да, – кивнула она.

– Да, тот самый. – Он помолчал. – Да, бесплодие... Около восьмидесяти? Да, возможно; скорее всего, он и есть. Просто мне пришло в голову, что ты должен его знать. Тот же круг интересов... вот я и подумал... – Он сделал паузу. – Нет-нет, ничего особенного... просто одному человеку понадобился его адрес. – Он снова помолчал. – В Гилдфорде? Да, я так и подумал, что он где-то неподалеку. У кого может быть его адрес? Я рылся в справочнике. – Он нахмурился. – Господи, так это был он? И давно? Понимаю. Это все объясняет. Ну, большое спасибо, поговорим попозже. – Повернувшись к Алекс, он сцепил пальцы. – Боюсь, что он вычеркнут из списков корпорации, – едва ли не извиняясь, сказал доктор.

– Вычеркнут?

Он кивнул и смущенно улыбнулся.

– За что? – удивилась Алекс, почему-то чувствуя себя очень неловко. – Вы не знаете, в чем дело?

Доктор покачал головой:

– Извините, не имею представления. – Он посмотрел на часы.

– Я отняла у вас много времени, спасибо.

Доктор улыбнулся:

– Вы можете найти его в телефонной книге или узнать в справочной службе. Но я даже не представляю, жив ли он еще.

Уже вылезая из такси, Алекс услышала в доме гудение пылесоса. Мимси всегда с особым азартом орудовала им, словно старалась всосать пыль еще до того, как та спрячется.

Дом был полон света и воздуха, от него исходило ощущение надежности. Запах мастики, гудение пылесоса и ворчливый голос Мимси приободрили Алекс. Все нормально. Может быть, Дэвид был прав. Может быть.

– А, мисси Айтойа. Туалет, много беспорядок. Стенка нет бумаги.

– Знаю, Мимси, – кивнула она. – Все дело в сырости.

– Я устроить все для вас. Моя муж, он хорошо устроить обои в туалет.

– Спасибо, Мимси, не беспокойся. – Она содрогнулась, вспомнив, как в последний раз муж Мимси приходил что-то подправлять. Она взяла небольшую пачку писем со столика в холле, прошла в гостиную, сняла

трубку телефона и набрала номер справочной. – Мимси! – крикнула она. – Что ты сделала с той розой, что лежала на столике?

– Кидать ее в мусор.

– Вынь ее оттуда.

– А?

– Справочная. Какой город вас интересует, будьте любезны?

– Гилдфорд, – ответила Алекс, перебирая конверты; на одном из них, самом пухлом, стоял штамп Кембриджа. Затем она услышала голос оператора, и ее сердце гулко забилося.

Фамилия Саффиер в справочнике была. Алекс записала его адрес на обороте толстого конверта; руки так дрожали, что она с трудом разбирала свой почерк.

– Спасибо, – едва слышно сказала Алекс и посмотрела на часы. Одиннадцать.

Она надорвала конверт: в нем было сообщение из стипендиального фонда и несколько писем, адресованных Фабиану в Кембридж. Она просмотрела их: счет из «Америкэн экспресс», отчет из банка, большой конверт с надписью «Игра стоит свеч» и письмо авиапочтой из Бостона, Масс.; имя Фабиана и его адрес отпечатаны точечным принтером. Внутри было письмо, напечатанное подобным же образом, и два листа компьютерных распечаток.

Гриф в верхней части листа гласил: «Бюро Новой Англии». И ниже небольшими буквами: «Расценки: за неделю, день, почасовая оплата. Конфиденциальность гарантируется».

Текст письма был прост и незамысловат.

«Дорогой клиент, мы только что отослали последнюю открытку и ждем ваших дальнейших инструкций. Будьте любезны оплатить ваш счет за квартал, завершающийся 31 марта, и в случае, если наше сотрудничество будет продолжено, переведите деньги за следующий квартал. Искренне ваша *Мелани Харт, исполнительный директор*».

Алекс почувствовала, что бледнеет. Она прочитала письмо еще раз, и ее стала бить дрожь: в комнате стало прохладно. Звездочки в дневнике Фабиана. Две пропущенные недели. Открытки. Еще две недели. Она вынула зажигалку, подошла к камину, поднесла язычок пламени к письму, конверту, распечаткам и бросила их на решетку камина.

– Хотите огонь запалить? Сейчас! Я зажечь для вас.

Алекс повернулась и увидела на пороге Мимси.

– Нет-нет, все в порядке, спасибо, Мимси.

– Холод тут. Уф, как холод. – Мимси растерла ладони и нахмурилась.

Затем протянула руки к Алекс. – Смотреть мусор, и тут и там. Нет там.

– Кого нет?

– Роза.

– Розы? – Алекс все вспомнила, и ее снова заколотило. – Нет розы? Что ты имеешь в виду? Ты же сказала, что выбросила ее? – Она увидела, как последний клочок бумаги почернел и рассыпался в пламени.

Мимси пожала плечами.

Алекс почувствовала, что у нее свело мышцы, фигура Мимси расплывалась, словно она смотрела на нее издалека.

– Когда ты ее выкинула?

Мимси снова пожала плечами:

– Не знать. Час назад?

– Сегодня вывозили мусор?

– Не-а, фургон не приезжать сегодня.

– Я сама посмотрю.

Мимси, протестуя, заспешила за ней.

– Что вам грязь копать? Это плохой роза, она кончена.

Алекс опрокинула мусорные баки и вывалила на тротуар их содержимое. Ей под ноги подкатилась бутылка из-под вина, она отшвырнула ее, и та отлетела в грязь. Встав на колени среди мусора, Алекс стала вглядываться в пустые банки, трясти их, проверять мятые коробки, но ее пальцы нащупывали лишь огрызки фруктов, пластиковые пакеты и хлопья пыли.

Мимси несколько минут смотрела на нее как на сумасшедшую, потом из чувства долга присоединилась к ней:

– Я приносить свежая роза.

Алекс еще раз обвела взглядом мусор на тротуаре, заглянула в пустые бачки.

– Может, кто-то взять, – высказала предположение Мимси.

– Может быть, – сказала Алекс, принимаясь складывать все обратно, при этом она тревожно всматривалась в тихую улицу. – Может быть.

Алекс выжала до упора педаль акселератора, почувствовала резкий толчок и услышала, как агрессивно взвыл двигатель. «Мерседес» рванулся, обгоняя попутные машины, и едва не налетел на «сьерру», которая гневно просигналила ей. Алекс резко притормозила. «Бюро Новой Англии»... Обугленная роза... Может быть, мир окончательно сошел с ума? А может, сказывается влияние Луны или Юпитера? Что происходит? Что, черт возьми, происходит?

Она развернула «мерседес» в сторону Гилдфорда, и перед ней потянулась узкая сельская дорога. Ее затеняли нависающие кроны деревьев, сквозь которые с трудом пробивались лучи послеобеденного солнца. Дорога шла вверх по крутому склону холма, затем нырнула под каменный мост и круто спустилась к небольшой деревушке, состоявшей, казалось, лишь из пары дюжин домов, паба и гаража.

Молодой человек у въезда в деревню показал ей направление, и, миновав примерно полмили, она нашла поворот, отмеченный большим белым указателем, почти скрытым зарослями кустарника; на нем было написано «Уитли Гроув». Алекс проехала между двух высоких каменных колонн, увенчанных черными коваными изображениями соколов, мимо коровника и направилась по длинной ухабистой дороге вдоль изгороди, отделяющей одно поле от другого.

Вписавшись в поворот, Алекс увидела обширное строение из красного кирпича в стиле викторианской готики, невероятно асимметричное, деревянная крутая крыша которого была покрыта лишь наполовину. Совсем как шляпа у ведьмы, подумала Алекс.

Перед домом стояло несколько машин, и Алекс вздохнула с облегчением. И все же желудок свело болью, когда она вышла из машины и растерянно уставилась на здание. Какое оно холодное, строгое, не жилище, а учреждение. У нее было совершенно явное ощущение, что из дома за ней наблюдают, но, обведя взглядом темные окна в свинцовых переплетах, она не заметила никаких признаков жизни.

Перед парадной дверью стоял черный лимузин «даймлер», шофер которого читал газету. Интересно, кому принадлежит машина, гадала Алекс, поднимаясь по ступенькам. Какому-нибудь богатому арабу? Алекс, нервничая, посмотрела на скромную медную табличку у массивной дубовой двери: «Клиника Уитли Гроув». Практикует ли он еще, несмотря

на?.. Удастся ли ей увидеть его сегодня, сейчас, или же какая-нибудь лощеная секретарша заставит ее три месяца дожидаться приема? Господи, тогда в Лондоне это была настоящая горгона Медуза. Алекс попыталась вспомнить, как выглядит Саффиер, но черты его лица стерлись из памяти. Она помнила только, как всецело зависела от него, как появилась у нее надежда, когда надеяться было уже не на что и врачи сказали ей, что надо подумать о приемном ребенке. Теперь воспоминания стали более отчетливыми, ей припомнился его голос, легкий акцент; неизменный загар, жесткие правильные черты лица симпатичного уроженца Центральной Европы; вежливое обращение, искорки в глазах, короткая стрижка; изящные костюмы и галстуки, которые казались слишком броскими в сочетании с белой обувью – он всегда носил белые туфли. Она не могла приехать к нему на осмотр в подержанной машине – он был для нее богом.

Когда родился Фабиан, они послали доктору подарок: набор шампанского. Интересно, вспомнит ли ее Саффиер, вспомнит ли, как двадцать один год назад помог ей? Позволит ли заглянуть в записи? Сохранились ли они у него? Алекс собралась было нажать кнопку звонка, но в это мгновение дверь открылась. Подняв глаза, она, к своему удивлению, увидела Отто, уставившегося на нее.

Алекс сделала шаг назад и, растерянно моргая, присмотрелась к нему. Взлохмаченные черные волосы, шрамы и ссадины, оспинки, крючковатый нос и насмешливые глаза.

– Здравствуйте, миссис Хайтауэр, – сказал он. – Не хотите ли войти?

«Я схожу с ума, – подумала Алекс. – Схожу с ума. Каким-то образом я по ошибке заехала в Кембридж и стою у двери комнаты Отто». Она оглянулась. Все та же подъездная дорожка, и шофер в «даймлере» также перелистывает страницы газеты. «Неужели я в Кембридже? Неужели в Кембридже есть поля?»

Она проследовала за Отто в огромный темный холл, с изумлением глядя на резные деревянные балясины лестницы, на которых сидели химеры. Нет, это конечно же не его общежитие, не его комната. Лестницу сторожил воин в рыцарских доспехах, и, содрогнувшись, Алекс отвела взгляд от узкой щели забрала – доспехи и вооружение всегда пугали ее.

– Вы не успели к службе, – сказал Отто.

Из соседней комнаты доносился приглушенный гул голосов. Алекс уловила аромат шерри и сигаретного дыма. Обеденный зал? Неужели она оказалась в обеденном зале Кембриджа?

– К службе? – растерянно переспросила она.

В темно-сером костюме и черном вязаном галстуке Отто был подтянут и элегантен.

– Вы посещаете церковь, Отто?

Его глаза. Господи, да перестал бы он улыбаться, перестал бы так смотреть на нее.

Перед ней появилась невысокая женщина в черно-белой форме, которая несла поднос.

– Сухое или полусладкое, мадам?

– Сухое, пожалуйста, благодарю вас.

Алекс взяла стакан, он оказался неожиданно тяжелым и выскользнул из пальцев. Звон раскатился гулким высоким эхом.

– Не беспокойтесь, мадам, я все вытру; пожалуйста, возьмите другой.

Взяв стакан, она держала его обеими руками, прижав к себе, как новорожденного.

Отто многозначительно усмехнулся:

– Конечно. Я так и думал, что вы здесь появитесь.

Загадки. Повсюду загадки, весь мир стал загадкой.

Алекс сделала глоток сухого терпкого шерри, оно согрело желудок; еще один глоток, и она увидела, что стакан опустел.

– Не понимаю.

Прекрати ухмыляться, ради бога, прекрати ухмыляться. А ты – успокойся. Думай. Будь разумной.

– Я... я считала, что это дом доктора Саффиера.

– Был.

Ответ сразил ее наповал.

– Я... – Уставившись на пустой стакан, Алекс растерянно улыбнулась. – Я несколько удивлена, видя вас здесь.

Отто смотрел на нее насмешливо, с непонятной многозначительностью.

Она запнулась, пытаясь найти слова и сложить их в связное предложение.

– Вы не знаете, где... где?.. – Она снова уставилась на черный вязаный галстук. Черный галстук, темный костюм. Черный галстук. – Доктор Саффиер переехал?

Теперь взгляд Отто стал откровенно глумливым, и губы растянулись в молчаливой ухмылке.

– Да, конечно.

– Я... э-э-э... не предполагала, что вы его знаете.

– Я многих знаю, миссис Хайтауэр.

– Еще шерри, мадам?

Алекс взяла стакан с подноса, покрепче обхватив его, и поставила на поднос пустой.

– Не хотите ли познакомиться с ними?

– С кем?..

– С родственниками доктора Саффиера. С его друзьями.

– Ну... – Она недоумевающе пожала плечами. – Я думаю...

Но Отто уже отвернулся и зашагал по коридору к дверям комнаты, где было полно людей.

Алекс увидела огромный зал, на стенах, обшитых деревянными панелями, висели величественные холсты: старинные портреты, картины с изображением охотничьих сцен и обнаженных херувимов – все огромных размеров, и она помедлила на пороге, изучая сквозь клубы дыма мужчин в строгих деловых костюмах, женщин в черных платьях, в шляпках с вуалями, официантку с подносом, скользившую между ними, как туземец в джунглях.

– Это брат доктора Саффиера, – сказал Отто, подводя ее к группе беседующих.

Пожилой человек субтильного вида – худое лицо с обвисающими складками кожи – протянул ей руку, густо обсыпанную старческой гречкой. Пожатие было крепче, чем ожидала Алекс.

– Как поживаете? – спросил он с галантным поклоном. В его голосе слышался европейский акцент.

– Алекс Хайтауэр, – представилась она, отмечая, что он совсем не похож на своего брата, хотя голос почти тот же.

Он печально склонил голову:

– Вы были дружны с моим братом?

Была? Была? Она заметила его черный галстук, черный галстук мужчины, стоявшего рядом с ним.

– Э-э-э... нет... я была его пациенткой... много лет назад... он очень помог мне.

– Он многим помогал. – Собеседник покачал головой. – А с ним так поступили.

Она осознала, что рядом находятся еще двое, и посмотрела на них; оба, улыбнувшись, кивнули ей.

– Моя сестра, – сказал брат Саффиера. – И мой зять, мистер и миссис Темплмен.

Алекс поздоровалась.

Они оба еще раз улыбнулись ей, но ничего не ответили.

Что-то начало проясняться. Алекс словно бы приходила в себя после сна. Она попала на похороны. На чьи? Чьи? Ею овладела паника. Только бы не Саффиера, ради бога, только не его.

– Все было специально подстроено, – возмущенно сказала женщина. – Общество хотело добраться до него, и оно этого добилось.

– Совершенно верно, – кивнул брат Саффиера. Он снова посмотрел на Алекс. – Как вы знаете, он так и не оправился от этого удара. Я видел его на прошлой неделе – за день до смерти. Понимаете, от него ничего не осталось, он был полностью разрушен. Блистательная личность, поистине блистательная. И стольким помог. Пришло так много писем, понимаете, масса, буквально масса.

И троица застыла в молчании, скорбно кивая, как марионетки. Алекс внезапно почувствовала себя в ловушке, загнанной в угол, и ей захотелось выбраться отсюда на свежий воздух.

– Он, конечно, продолжал работать, – говорил его брат. – Ему больше не разрешалось называться доктором, но это не могло остановить его клинические исследования. Вы знаете, что он сделал? Из Америки ему по почте прислали докторское звание. По почте! Так что он снова мог называть себя доктором; они не могли остановить его! – Хмыкнув, он посмотрел на свою сестру и зятя, которые кивали улыбаясь.

По почте, подумала Алекс. «Бюро Новой Англии». Воцарилось тяжелое молчание; Алекс растерянно смотрела на них, чувствуя себя незваной гостьей.

– Прошу прощения, я на минутку, – сказала она, отступая назад; повернувшись, Алекс вышла в холл, чувствуя, как по щекам у нее текут слезы. Она остановилась и осторожно вытерла глаза.

– Уже уходите? – услышала она голос Отто и повернулась.

– Мне нужно возвращаться в Лондон.

Он улыбнулся – опять все та же всепонимающая усмешка, подумала она.

– Не завершив своих дел?

Алекс покраснела. Что Отто известно? Много ли он знает? И что, черт побери, он тут делает?

– Отто, вы родственник доктора Саффиера?

Он покачал головой:

– Всего лишь его ученик.

– Ученик?

Его взгляд буквально пронзал ее насквозь.

– Я писал диссертацию на его материалах, о его работе.

– Я... я думала, вы изучаете химию?

– Совершенно верно. Его труды имели прямое отношение к химии, точнее, к биохимии. – Улыбаясь, он не сводил с нее насмешливого взгляда. – Биология и химия очень тесно связаны, миссис Хайтауэр; я думаю, вы разбираетесь в этом лучше других.

Алекс снова почувствовала, как заливается краской. Что тебе вообще известно, хотелось ей спросить – ее смущение начало переходить в гнев, – что ты знаешь, сукин сын?

Отто отвернулся от нее, обвел взглядом холл и уставился на рыцаря в доспехах. Затем, резко повернувшись, в упор посмотрел на нее:

– Я знаю, зачем вы сюда пришли.

Алекс удивили его слова, резкие движения, она попыталась успокоиться и ответить ему таким же жестким взглядом.

– Неужели? – насмешливо спросила она. – В самом деле?

– О да. – Отто улыбнулся. – И я могу вам помочь. Я знаю, где хранятся досье. Я знаю, где тут все лежит. – Снова повернувшись, он пошел через холл в сторону коридора.

Гневное возбуждение покинуло Алекс, уступив место беспомощности. На подгибающихся ногах она последовала за ним.

Ящик стола бесшумно скользнул по направляющим и, щелкнув, застыл на месте.

– Скажите мне, Отто, – спросила она, – почему доктора Саффиера вычеркнули из списков корпорации?

Он рассматривал папки в ящике.

– Путался с мальчишками в общественных туалетах.

У нее все поплыло перед глазами, она уставилась на Отто, – наверное, это шутка, всего лишь странное проявление юмора. Но его лицо оставалось бесстрастным.

«А может быть, он путался и с тобой, подонок?» – подумала она.

– Нет, – сказал он, поворачиваясь к ней.

– Пардон? – Ее бросало то в жар, то в холод.

– Нет, со мной он не путался.

Алекс смотрела на него, щеки ее пылали; ей стало так жарко, что она вспотела. Неужели что-то отразилось у нее на лице? Или он читает ее мысли?

Алекс огляделась – сырой подвал, освещенный единственной лампочкой, от которой, стоило им пошевелиться, зловещие тени падали на стены, на старые, позеленевшие от времени каталожные шкафы, что,

словно часовые, выстроились в ряд посередине комнаты. Что они скрывают, подумала она, какие секреты таятся здесь? Секреты, которые Саффиер не унес с собой в могилу? Этот странный, невероятно одаренный человек, путающийся с мальчишками. В общественных уборных? Но он же обладал таким вкусом... Испугавшись, Алекс взглянула на лестницу, по которой они сюда спустились, на дверь на верхней площадке – Отто закрыл и запер ее изнутри.

Отто перебирал папки с сухим и резким треском, который эхом разносился вокруг. Вдруг его пальцы замерли. Он вытащил тощую зеленую папочку и, приглядываясь, поднес ее к свету, потом направился к металлическому столу, что стоял прямо под голой лампочкой. Положив папку на стол, он кивнул Алекс и сделал шаг назад.

Затаив дыхание, Алекс подошла к столу и, опустив взгляд, прочитала напечатанную на машинке фамилию: «ХАЙТАУЭР. Миссис А.». Она, нервничая, открыла папку. Там лежала пачка разграфленных листов и несколько карточек, схваченных скрепкой.

Алекс взглянула на графики и все вспомнила. Лицо ее залилось краской. Кривые температуры с обведенными черным датами, наиболее благоприятными для зачатия. Господи, через что им пришлось пройти! Она посмотрела на верхнюю карточку. Ее дата рождения. Дата рождения Дэвида. Анализ его спермы. Затем список дат, рядом с которыми тонким неразборчивым почерком, расплывшимися чернилами были сделаны пометки. У нее упало сердце. Ничего. Больше тут ничего нет. Ничего, что могло бы ей помочь.

И тут Алекс увидела это.

Ее охватила дрожь, она читала и перечитывала тонкий наклонный почерк у обреза последней карточки: «Дж. Т. Босли».

Алекс снова услышала отзвук резкого гнусавого голоса: «Меня зовут Джон Босли. Я отец мальчишки».

Алекс попыталась вытащить карточку, но у нее тряслись руки. Оглянувшись, она увидела, какие странные очертания приобрели тени, дрожащие на стенах на каталожных шкафах, – они словно убежали в темноту, чтобы остаться там навеки.

Алекс увидела лицо Отто, его улыбку. Нет, ухмылку. Отто подошел к другому шкафу, вытянул ящик, вытащил из него досье и понес к столу так бережно, словно это была редкая драгоценность. Он положил перед ней папку и, снова отступив на шаг, сложил руки за спиной.

На обложке стояло: «ДОНОРЫ». И все.

Внутри была толстая папка компьютерных распечаток. Имена шли в

алфавитном порядке, страница за страницей. На четвертой она нашла его: «Босли. Джон Терренс. Мужская больница. Лонд. Дата рождения: 27.04.66 г.». Тогда ему было двадцать один, прикинула она. Дальше следовало несколько подробностей: цвет и текстура волос, размеры черепа, цвет глаз, форма лба, длина и ширина носа, рта, подбородка, зубы, шея, телосложение. Алекс поежилась. Слово в слово описание внешности Фабиана.

В конце раздела слова: «Дача использована: один раз. Получ. Хайтауэр. Миссис А.».

Алекс повернулась к Отто.

– Вы все посмотрели? – спросил он.

– Есть что-то еще? – дрожа, спросила она тихим голосом.

Он снова улыбнулся – опять эта зловещая, всезнающая улыбка, насмешливые глаза.

– Не здесь – внизу.

– Где именно?

– Это зависит от того, что вы хотите узнать.

– Перестаньте играть со мной, Отто, прошу вас.

– Я не играю.

– Кто был Джон Босли? Что он собой представлял? Как он умер?

– Он врач. Но я не думаю, что он умер.

Алекс вздрогнула, снова услышав рычание: «Да не слушай ты этого маленького ублюдка...»

– Нет, он мертв; я это знаю.

Отто презрительно взглянул на нее и покачал головой:

– Он жив.

– Откуда вы это знаете? – вскипела она.

– Я уже сказал вам. Я много чего знаю.

– Ну, так это то, чего вы не знаете.

Он улыбнулся:

– Хотите его адрес?

Алекс нерешительно взглянула на Отто: что-то странное проскользнуло в его голосе.

– И какой же он?

– Его легко запомнить. Дуврская тюрьма. Кент-Хаус, Бродмур.

– Он работает там врачом?

– О нет, миссис Хайтауэр. – Отто улыбнулся. – Он заключенный.

Отто говорил медленно и отдельно. Заключенный... Заключенный... Ей захотелось убежать отсюда, оказаться в любом другом месте, где угодно,

но только одной. Чтобы не видеть ни этих глаз, ни этой довольной усмешки. Заключенный. Общественные туалеты. Что же представлял собой Саффиер? Сколько бед он принес ей и другим? Господи, чем, черт побери, он забавлялся? Оплодотворил ее спермой психопата-уголовника.

– Почему... он... там... оказался... Отто?

Отто пожал плечами:

– Убийца; я не помню, сколько у него трупов.

– Кто... как?.. – У нее подкашивались ноги; ей отчаянно хотелось присесть; она прислонилась к столу и попыталась собраться с мыслями. – Кого он убивал?

Отто снова повел плечами и улыбнулся:

– Женщин.

– И Фабиан знал?.. – Она не поднимала глаз от пола.

– Да.

– Это вы сказали ему?

– Сын имеет право знать, кто его родители.

Ее захлестнул приступ ярости, но она закусила губу и сдержалась.

– Я показал ему это досье.

Алекс не сводила глаз с Отто.

– И вы считаете, что поступили исключительно умно?

– Ваш сын очень нежно относился к своему отцу, миссис Хайтауэр.

Куда нежнее, чем вы можете предполагать.

Что он с ней делает? Нож. Он вогнал в нее нож и поворачивает его.

– Он был очень добрый мальчик, – беспомощно сказала она.

Отто перевел взгляд на двери и опять улыбнулся:

– Может, мы поднимемся и присоединимся к остальным?

Миновав главную улицу деревушки – ужасающее смешение маленьких викторианских домиков из красного кирпича и современных изысканных вилл, – Алекс поднялась на холм. Такие дома стоят немалых денег. Интересно, как себя чувствуют их хозяева, имея такое соседство? – подумала Алекс.

Дорожный указатель, как и все прочие, маленький и незаметный: «Бродмур. ½ мили»

У нее зачастило сердце, когда она свернула в эту сторону. Что-то тут не так, слишком уж тихо и пустынно. Может, она перепутала направление? Но тут Алекс увидела старичка, подстригающего газон перед своим бунгалом, и остановила «мерседес». На мгновение она замялась, стесняясь признаться незнакомому человеку, куда она направляется.

– Так я доберусь до Бродмура?

– Поезжайте прямо, там увидите указатель.

Его взгляд заставил ее покраснеть; что он подумал о ней, какие у нее там дела? Нет ли чего-нибудь плохого в том, что она туда направляется? Да и вообще – какое отношение имеет она к этому заведению?

Из-за высокой живой изгороди появился указатель: «Бродмурская больница. Частное учреждение». Черные и красные буквы на сером фоне. Она свернула на дорогу с аккуратно убранными травянистыми обочинами. «Частная дорога. Патрулируется охраной».

Еще несколько ярдов вверх по склону холма, поворот. Она перевела дыхание. Господи. Перед ней была массивная кирпичная стена, подобная крепостной, а за ней стояло внушительное викторианское здание с окнами, забранными решетками, и крутой шиферной крышей. Огромная красно-кирпичная сторожевая будка с флюгером и радиоантенной высилась над стеной, которая тянулась, сколько видел глаз. Стена. Она поежилась. Где-то за ней был Босли. Отец ее ребенка.

Здесь было множество дорожек с указателями, перемежавшимися треугольниками аккуратно подстриженных газонов: «Клуб для персонала», «Аварийное оповещение», «Площадка для крикета». Повсюду указатели, таблички, ярлычки. У Джона Босли тоже есть ярлык – какая-нибудь нашивка? «Верхняя Бродмурская дорога», «Терраса», «Холм капеллана», «Осторожно, скорость контролируется». Она растерянно оглянулась, ища дорогу, которую ей назвали. И вдруг увидела ее прямо перед собой:

«Кентигерн-роуд».

Алекс последовала по ней, оставив позади стену, спустилась вдоль покатой лужайки с двумя елями и небольшой статуей крылатого ангелочка. Спасение и искупление, подумала она, удивленно взглянув на ангелочка. Затем она увидела здание, тот самый «Редвудс». Внушительное кирпичное строение современной конструкции стояло несколько поодаль от дороги, еще за одним травянистым газоном, перед ним располагалось место для парковки.

Алекс не успела вылезти из машины, как дверь открылась и на пороге показался капеллан, добродушный коренастый мужчина средних лет, с седеющими волосами; он, как и полагалось, был в черной сутане с белым воротничком, на ногах – сандалии. Темные стекла его очков блеснули на солнце.

– Миссис Хайтауэр?

Алекс кивнула, и ее ладонь утонула в теплом, крепком и успокаивающем пожатии его руки.

– Легко добрались?

– Благодарю вас, да.

Он посмотрел на часы:

– Боюсь, у нас очень мало времени. К сожалению, в семье одного из наших пациентов произошло несчастье, и я должен...

– Да-да, конечно, – сказала она. – Вы очень любезны, что вообще согласились уделить мне время.

Капеллан провел ее в большую гостиную с розовым ковром и усадил на диван. Сам же сел в кресло, поставив ноги на розовую подушечку. Она огляделась. Комната – вся в мягких розовых и коричневатых тонах – показалась Алекс до странности голой и пустой, в ней не хватало каких-нибудь безделушек, украшений, казалось, ее только что ограбили. Небольшая статуэтка на каминной доске, на стене фотография школьника в рамочке и телевизор – ничего, что могло бы отвлекать внимание от человека в черном, сидевшего в кресле напротив нее. Алекс сложила руки на коленях.

– Вы очень добры, что согласились принять меня, – повторила она.

Священнослужитель добродушно улыбнулся:

– Ничего особенного. – Он сделал паузу. – Итак, Джон Босли?

Алекс кивнула.

– Я хорошо его знаю.

– Он в самом деле... еще жив?

По лицу священнослужителя пробежала тень.

– Да, по крайней мере, был вчера. И даже более чем.

– Просто я сомневалась... вот и все.

– О да, более чем жив. – Он встал. – Я только что вспомнил... одну минутку.

Капеллан вышел из комнаты, а Алекс снова стала осматриваться – телевизор, видеомагнитофон; она уставилась на статуэтку на каминной доске. Два изящных создания из другого столетия, влюбленные и беспечные. Беспечные... В таком-то месте? – подумала она.

Священнослужитель вернулся.

– Я захватил вот это... просто чтобы убедиться. – Он положил перед ней маленькую черно-белую фотографию.

Алекс уставилась на нее. Глянцевый прямоугольник в руках так дрожал, что изображение расплывалось. Два снимка – один анфас, другой в профиль, под ним ряд цифр – бледное худое лицо с копной густых волос. И глаза. Эти глаза.

– О господи, – пробормотала она. – Фабиан. Невероятно, до чего похож. – Она выпустила фотографию, и она упала ей на колени. Алекс попыталась поднять ее, но та выскользнула из непослушных пальцев и спорхнула на пол. Она наклонилась, вдруг ощутив мучительный позыв к рвоте, и приложила руку ко рту. Потом глубоко вдохнула, и все прошло.

Алекс снова посмотрела на капеллана. Тот сидел в кресле со спокойной, мягкой улыбкой.

– Вам очень трудно, – тихо сказал он. – Очень.

– Это сходство... – Алекс замялась.

Капеллан улыбнулся; выражение его лица показалось ей несколько странным.

– Вы никогда раньше не видели его?

Алекс покачала головой.

– Прошу простить меня... я не совсем понимаю. Вы сказали, что он отец вашего... э-э-э... сына?

Алекс кивнула.

– Но вы никогда не видели его?

Она почувствовала, что краснеет.

– Мой муж был... м-м-м... бесплоден. Я была оплодотворена спермой донора... им оказался Джон Босли. Это было сделано одним врачом в Лондоне.

Капеллан нахмурился:

– То есть, строго говоря, вы не имеете к нему никакого отношения? – Он помолчал. – И все же, мне кажется, это не так. Интересная ситуация... –

Он улыбнулся, чуть жизнерадостнее.

– Можно ли мне увидеться с ним?

– Я должен получить разрешение начальника тюрьмы.

– Мне хотелось бы повидаться с ним.

Капеллан улыбнулся:

– Не знаю. – Он покачал головой. – Эта встреча может вернуть его к прошлому, что не пойдет ему на пользу. Я передам вашу просьбу, но особого оптимизма у меня нет. Видите ли, его состояние начинает улучшаться, но лечение шизофрении – процесс медленный и трудный, а что касается его, то тут масса всяких осложнений.

– Могу ли я узнать, за что он здесь очутился?

Капеллан снова встал.

– Я принес досье... вообще, это против правил... но в данных обстоятельствах... не сомневаюсь, что можно сделать исключение.

Алекс засунула пачку машинописных листов обратно в желтый конверт и натянула на него резиновое колечко.

– О... давайте положим туда и фотографию.

– Фотографию... – автоматически повторила она. Ей казалось, что из нее выпустили всю кровь, у нее не осталось никаких сил. Она неторопливо стянула колечко и открыла клапан конверта, радуясь, что хоть чем-то может на несколько минут занять себя. – Фотографию... – повторила она.

– Миссис Хайтауэр, нигде в Библии не сказано, что лишь здоровый человек угоден Богу, – тихо проговорил священник.

Алекс тупо посмотрела на него, видя перед собой лишь лист бумаги со строчками клинического диагноза, и кивнула, стараясь сдержать слезы.

– Если кто-то сошел с ума, – запинаясь, сказала она, чувствуя, как по щекам бегут слезы, – если кто-то сошел с ума, означает ли это, что ему не могут быть отпущены грехи?

– Господь дал нам десять заповедей. Мы не можем нарушать их, не неся за это ответственности. Есть грех, и есть воздаяние за него, что справедливо даже для душевнобольных. Психиатрия не может начинать с белого листа. И я тоже. – Он снова улыбнулся и скрестил ноги. – Лицо, которое совершило преступление в болезненном состоянии, начнет выздоравливать, лишь когда осознает свои поступки, когда сможет сказать: «Тогда я был болен, но сейчас понимаю, что нуждаюсь в прощении».

– Сказал ли Джон Босли такие слова?

Священник покачал головой:

– Боюсь, он не в том состоянии, далеко не в том состоянии.

– Это кажется очень жестоким.
– Жестоким?
– Жестоко со стороны Бога ставить такие условия.
– Мы в англиканской церкви придерживаемся той точки зрения, что зло не может овладеть человеком, который не принимает его. – Он улыбнулся. – Зло обязано получить приглашение – человек должен пригласить дьявола и предложить ему свою жизнь. Дьявол не может явиться сам по себе.

Похолодев, Алекс уставилась на него:

– Вы хотите сказать, что Джон Босли, несмотря на свое сумасшествие, воплощенное зло?

С печальным и сокрушенным выражением лица он воздел руки:

– Может быть. Несмотря на его сумасшествие, мы не можем не учитывать тот факт, что душевное здоровье лица, совершившего ужасное преступление, является отражением овладевшего им зла.

Алекс передернулась. Наступило долгое молчание, краем глаза она увидела, что он смотрит на часы.

– Может ли шизофрения... передаваться по наследству?

– Да, и тому есть немало свидетельств. Общество по изучению шизофрении может предоставить вам информацию... Они сделали несколько весьма интересных открытий.

– То есть мой сын?..

– Да, у вас есть основания для беспокойства. – Он снова посмотрел на часы. – Может, вы еще приедете и мы поговорим более обстоятельно?

– Благодарю вас. С удовольствием.

Он встал и разгладил свое одеяние.

– Вы упомянули, что его лечение сопряжено с множеством сложностей. Что они собой представляют?

Лицо его побагровело, и он смущенно сложил руки.

– Просто дурацкий инцидент, – сказал он. – Совершенно дурацкий.

– Что случилось?

Он еще раз посмотрел на часы.

– Ничего. Ничего такого. – Он помолчал. – Но возможно, вам стоит узнать. В следующий раз... я все расскажу вам в следующий раз... я должен все обдумать.

Алекс не сводила с него глаз. Что произошло? Что, черт возьми, случилось?

– Вы сможете найти дорогу обратно? К шоссе? Сразу же поверните направо.

– Благодарю вас, отче... э-э-э... преподобный... э-э-э... – сказала она.
Капеллан одарил ее улыбкой:

– Звоните мне. Следующие несколько недель я буду очень занят.
Может быть, когда-нибудь в июне?

– Благодарю вас, – сказала она. – Вы были очень добры.
Но мысли священника были уже где-то далеко.

– Он не позволил мне оставить у себя фотографию.

Филип Мейн полулежал, закинув ноги на письменный стол. Он скрестил их, снова развел, положил пятки на грудку бумаг, заваливших стол, после чего, приподнявшись на локтях, переместил тяжесть тела на подлокотники кресла. И задумчиво уставился на телефон.

– Этот тип, Босли, явно из ряда вон. Значит, так и оставил ее?

– По-видимому.

– Приковав к стене погребца?

Алекс, побледнев, кивнула.

– И бросил ее одну?

– Да.

– Никому ничего не сказав?

Она промолчала.

– Он испытывал недобрые чувства... к женщинам?

Алекс покрутила в пальцах сигарету.

– Она обманула его.

– Из ряда вон. Совершенно из ряда вон. Врач должен бы быть разумным парнем... по крайней мере, так считается... – Мейн развел руками. – Но людям свойственны экстраординарные поступки.

– Почему, Филип?

В комнате внезапно потемнело, и она услышала шум хлынувшего дождя. Алекс представила себе холодный погреб, женщину в цепях, которая, рыдая и дрожа, прислушивается к капели. Она передернулась.

Мейн сунул сигарету в густые заросли усов и забыл прикурить.

– Как ты пришла к этой мысли?

– К какой?

– Повидаться с капелланом.

Она пожала плечами:

– Не знаю. Я позвонила в Бродмур – выяснить, могу ли я увидеться с Босли. – Алекс слабо улыбнулась. – Когда мне ответили, голос был такой, словно я позвонила в гостиницу.

– Но встретиться с ним тебе не позволили?

– Необходимо письменно обратиться в управление тюрьмы. Я спросила, с кем бы я могла поговорить по этому поводу. – Она снова повела плечами. – Меня соединили со священником.

Алекс обвела взором привычный хаос; на диване спал Блэк. Секретер, письменный стол, каталожные шкафы – каждый квадратный дюйм пола завален грудями бумаг. Бумаги погребли под собой старую электрическую пишущую машинку и принтер с клавиатурой компьютера. Бумаги были повсюду.

– Напоминает твою машину, – заметила она.

– Мою машину?

– Ну да. И как ты тут работаешь?

– Справляюсь.

Она улыбнулась:

– Мне пришло в голову, что раньше я не была ни в одном из кабинетов моих авторов. Это открытие.

Он обвел взглядом комнату, кивнул:

– Здесь ты в самом деле не была.

– А ты бы хотел, чтобы я тут обосновалась?

– Нет, господи, да нет же. Я считаю, это только к лучшему, что при тебе Дэвид.

– Он пытается излечить меня.

Порывшись в кармане, Мейн извлек спичечный коробок.

– Ты собираешься... ты собираешься вернуться к нему? – несколько смущенно спросил он.

Алекс качнула головой.

Чиркнув спичкой, Мейн закурил и пристально посмотрел на нее. Алекс покраснела.

– Он очень добр ко мне; у него много сил. Мне кажется, что в данный момент я в нем нуждаюсь, хотя мне этого и не хотелось бы – не хочу снова причинять ему боль. – Алекс помолчала. – Он заслуживает кого-нибудь получше.

– Не стоит себя недооценивать, девочка.

У нее увлажнились глаза, на мгновение она смежила веки и склонила голову.

– Я так боюсь, Филип.

– А что думает Дэвид?

Алекс уставилась на мрачную заднюю стену дома напротив.

– Он хочет, чтобы я обратилась к психиатру.

Мейн покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Только не это.

– А что, по-твоему, я должна делать? Ты разрываешься в противоречиях, не так ли? А мне нужна помощь, Филип, мне требуется

поддержка. – Она снова посмотрела на него. – В последний раз, когда мы говорили, ты сказал, что порой души хотят вернуться, потому что у них остаются незавершенные дела.

– Это теория. Всего лишь теория.

– У тебя только и есть что твои чертовы теории.

Он обиделся и стал беспомощно озираться вокруг.

– Прости, – сказала она. – Я не хочу злиться. Но все, что ты делаешь, – это потчущешь меня всякими предположениями, так же как и все остальные. Прошлым вечером я три часа выслушивала теории Дэвида: как я эмоционально измотана, как мне нужна помощь психиатра. Несколько дней назад свою теорию изложил мне младший викарий – мне, мол, нужна пасторская поддержка. Есть у меня и теория Моргана Форда о влиянии темных сил зла. И еще ты со своими рассуждениями о генах. Что мы заложники наших генов, так? – Алекс оторвалась от жесткой спинки стула и наклонилась к нему. – Капеллан тоже дал мне понять о существовании генов, что, мол, шизофрения передается по наследству. И Форд толковал о генах. Он поведал мне, как они важны в потустороннем мире, мол, и там гены представляют собой нечто вроде чертежа личности.

Мейн медленно склонил голову:

– Так оно и есть.

Зазвонил телефон. Потянувшись, Мейн снял трубку.

– Алло? – задумчиво сказал он.

Алекс наблюдала за ним. Здесь она чувствовала себя в безопасности – клубы дыма, мятый пиджак, надежная, прочная мебель... Здесь обитало знание; он многое знал, и у него были ответы чуть не на все загадки и тайны. Жизнь мира не доставляла ему особых хлопот.

За одним исключением. Она вспомнила, как его била дрожь, когда в последний раз он был в ее гостиной.

Филип взял ручку и что-то нацарапал на обороте ближайшей страницы.

– Боже милостивый. – Он помолчал, потом долго что-то писал. – Ясно, – сказал он наконец. – Ужасно. До встречи. – Повесив трубку, он повернулся к Алекс. Взгляд его помрачнел, в комнате повисло неловкое молчание. – Это мой... м-м-м... приятель, тюремный психиатр.

– Да?

Филип разгладил усы.

– Тот, что работал в Бродмуре.

– Быстро же он дал знать о себе.

Мейн пододвинул исписанную страницу и посмотрел на нее, потом

пристально взглянул на Алекс, в его взгляде читалось беспокойство.

– Капеллан говорил тебе что-нибудь о... – он замялся, – о визите Фабиана?

Алекс побледнела.

– Когда?

– Примерно год назад.

Алекс покачала головой:

– Ничего, кроме... – Она помолчала. – Он хотел было что-то мне сказать, но, по-видимому, передумал, может быть, потому, что у нас было мало времени, хотя я так не думаю. Значит, Фабиан приезжал туда? Зачем? Чтобы повидаться с Босли?

– И там возник большой переполох. – Он потушил сигарету и вытащил из пачки другую. – Очень большой. – Не сводя глаз со своих записей, он прикурил сигарету.

Алекс уставилась на два черных ботинка на письменном столе – каблуки были основательно стоптаны.

– По всей видимости, священник находился тогда в отпуске. Его временно замещал викарий из Сэндхерста... у него есть допуск... и его помощники, младшие викарии. – Филип вертел в руках сигарету. – Фабиан договорился с одним студентом-теологом, и тот ухитрился провести в тюрьму его и еще одного парня как младших викариев. – Филип бросил на нее осторожный взгляд.

Алекс удивленно смотрела на него.

– Зачем?

– Они проводили обряд экзорцизма.

В комнате как-то сразу потемнело, и она испугалась.

– Ну и что случилось?

– Это стало известно слишком поздно.

– Слишком поздно?

Он пожал плечами.

– А ты не думаешь, – медленно начала она, – что Фабиан руководствовался самыми благими намерениями? Возможно, ему казалось, будто он поступает правильно? Разве ты не попытался бы помочь своему отцу?

В комнате стало холодно, пронизывающе холодно, ей показалось, что она сидит на сквозняке.

Блэк уселся на диване и угрожающе зарычал.

Мейн глубоко затянулся сигаретой.

Она смотрела на него, испуганно дрожа.

– Он был добрым мальчиком; я уверена, он пытался помочь ему. – Алекс представила себе холодный темный погреб, плачущую женщину в цепях, сжавшуюся на полу, которая, дрожа, слушает звуки падающих капель. – Так кто там был?

– Фабиан, студент-теолог по имени Эндрю Кэстл и еще какой-то парень из Кембриджа, отнюдь не священнослужитель... – Филип всмотрелся в свои записи. – Некто по имени Отто фон Эссенберг.

Алекс показалось, что комната качнулась и поплыла куда-то.

– Да, конечно, – с горечью сказала она. – Отто. Фабиан ходил за ним как овечка. – Она покачала головой. – И как прошел обряд экзорцизма?

– Они пытались изгнать демонов... злых духов... из одного человека.

– Звучит как-то дико, по-варварски.

– А это и есть варварство, – сказал Филип, с загадочным выражением вскидывая брови. – Но порой старые снадобья оказываются самыми лучшими.

– Ты серьезно?

– Да, иногда они срабатывают. Тому есть доказательства, девочка.

– А в случае с Босли?

Он снова уставился в свои каракули.

– Его личность изменилась и осталась в таком измененном состоянии. Раньше он был агрессивным и жестоким, теперь стал растерянным и послушным.

– Может, сказалась его шизофрения?

Филип снова с силой затянулся и ничего не ответил.

– Ты так не считаешь, Филип? – продолжала настаивать она. – Разве это не может быть объяснено, хотя бы частично, его состоянием?

– Может быть, – рассеянно сказал он.

Поежившись, она заметила, что Филип продолжает все так же обеспокоенно наблюдать за ней, пощипывая усы.

– Я боюсь, Филип. – Алекс закрыла глаза. – О господи, Филип, помоги мне.

– Я бы посоветовал бросить все это.

– Нет! – Она яростно замотала головой. – Нет!

– Так было бы куда лучше.

Она подняла на него глаза:

– Тебе легко говорить. Он не твой сын.

Встав, Мейн мягким движением положил ей руку на плечо.

– С тобой все будет в порядке, девочка, не волнуйся. Хочешь кофе?

Алекс кивнула и закрыла глаза; она услышала, как Филип вышел в

холл, и стала прислушиваться к шуму дождя за окном, который эхом отдавался в комнате, в ее голове, в темном пустом пространстве.

– Он горячий.

Придя в себя, Алекс осторожно взяла чашку. Снаружи подала сигнал какая-то машина. Все нормально; где-то существует реальный мир с его обыкновенными делами. Ей захотелось оказаться среди них, вне этих стен.

– Что же мне делать? – спросила она.

– Уезжай куда-нибудь, отдохни.

– Ты даже не пытаешься понять меня.

Мейн мягко улыбнулся:

– Еще как пытаюсь, поверь мне.

– Если даже я уеду, ничего не изменится; когда я вернусь, все будет точно так же. – Ее захлестнула волна страха и беспомощности.

Он откинулся на спинку кресла.

– Ох, дорогая ты моя девочка, – сказал он. – Дорогая моя.

И Алекс вытащила носовой платок, высморкалась и вытерла слезы, которые текли по щекам.

– Отто говорит, что Саффиер ничего не знал.

– Не знал? – удивился Филип. – Чего не знал?

– О Босли. О его состоянии здоровья. Думал, что он нормальный здоровый студент.

– А как твой сын узнал про Босли?

– От Отто, он... – Она резко остановилась, словно в мозгу у нее опустилась завеса. – От Отто, – повторила она, и ее слова звучали как умирающее эхо. – Я... м-м-м... – Она начисто забыла, что собиралась сказать.

Казалось, температура в комнате продолжает падать. Сделав глоток кофе, Алекс чихнула. Филип закурил очередную сигарету и выпустил дым через нос. Она наблюдала, как от чашки кофе поднимаются струйки пара.

– Если изгнание злого духа проходит успешно, Филип, то что происходит с этим духом... с демоном... куда он девается? – Она задрожала от холода.

Мейн окунул в кофе палец и задумчиво уставился на него.

– Ему приходится искать нового хозяина.

– Кого-то с тем же самым набором генов?

– Возможно. – Он еще раз попробовал пальцем кофе. – В Библии есть такая сцена... Иисус изгоняет злых духов... заставляет их переселиться в свиней.

– В Бродмуре я никаких свиней не видела.

Филип уставился на нее, заставив покраснеть; этот взгляд пронзил Алекса насквозь, до самых сокровенных тайников души. Он все понял.

– Может, и так, девочка, – сказал он.

– Это многое могло бы объяснить, Филип.

– Может быть, – согласился он. – Но выяснить нелегко.

– Все чертовски нелегко выяснять.

Мейн кивнул, и на его лице снова появилось встревоженное выражение.

– Тебе бы стоило быть поосторожнее со своим медиумом, – неожиданно сказал он.

Она подняла на него взгляд:

– Почему?

– Порой они становятся опасны.

Она попыталась что-то прочесть в его лице, но не смогла.

– Что ты имеешь в виду?

– Они пытаются прикоснуться к вещам... – Мейн помолчал, – к вещам, в которых сами до конца не разбираются.

Алекс высморкалась и опять чихнула.

– А ты в них разбираешься, Филип? Ты ведь все знаешь.

Он долго молчал, прежде чем ответить.

– Нет, не все. – Мейн задумчиво покачал головой, потом встал и подошел к книжной полке, рассматривая заголовки.

– Нет, боже милостивый, нет, далеко не все.

Воцарилось долгое молчание.

– Филип, – наконец сказала она, – когда мы разговаривали в последний раз, ты сказал, что порой души пытаются вернуться... – Она почувствовала, как нелепо звучат ее слова. – Потому что у них остались неоконченные дела. Как они могут это сделать?

Голос у него был мягкий, едва ли не извиняющийся.

– С точки зрения спиритов... они могут вернуться через кого-то.

– Через кого-то?

– Воплотившись в кого-то. В живого.

– Овладеть им?

Мейн кивнул:

– Бесплотные души не обладают энергией.

– То есть они используют человеческую энергию?

– Такова точка зрения спиритов.

– Значит, им необходимо обрести хозяина?

Он снова устало кивнул.

– Как они могут его найти? – У нее внезапно пересохло в горле.

Он неопределенно повел плечами.

– Душа ищет того, кому присущи слабости.

– Слабости? Что ты под этим подразумеваешь?

– Беспечность, неосмотрительность. – Филип сунул сигарету в рот и яростно запыхтел ею, потом затаился, с хрипом втянув в себя воздух.

Алекс посмотрела на него и увидела, что его сотрясает дрожь, что он с трудом владеет собой.

– Души, преисполненные зла, очень хитры. Они могут обмануть человека.

– Обмануть?

– Ну да, это известно.

– Каким образом?

– Они часто прикидываются кем-то другим.

Алекс охватил озноб; она чуть не свалилась со стула.

– Эти души подбираются к тем, кто пал духом; самая легкая добыча для них – люди, которые перенесли утрату.

«Перестань смотреть на меня, – подумала она, – пожалуйста, не смотри так на меня».

– Нет, – замотала она головой. – Нет.

– Они очень умны, куда умнее, чем можно себе представить.

– Как их можно остановить? – еле слышно спросила она.

– Ты спрашиваешь меня как ученого?

Алекс покачала головой.

– Нет, – сказала она, – как человека, который честен сам с собой.

Мейн взглянул на нее, потом отвел глаза и, поворочавшись в кресле, устался в пол. Раздав сигарету, он извлек откуда-то из-под залежей бумаг новую пачку.

– Из века в век существовал только один эффективный способ. – Бросив на нее короткий взгляд, он перевел его на невидимую точку в пространстве. – Сила молитвы.

Он почувствовал неожиданное облегчение, подумала Алекс, словно ему пришлось преодолеть что-то внутри, чтобы произнести эти слова вслух.

– Молитвы?

– Гм.

– Какого рода молитвы?

Он покраснел и снова устался в пол, будто дожидаясь подсказки суфлера.

– Молитва на изгнание злого духа. Экзорцизм.

Ее начала бить дрожь; температура в комнате, казалось, понизилась еще больше.

– Тут холодно, не так ли? – спросила она.

Ответа не последовало.

– Филип? – У нее дрогнул голос. – Филип? – Она в ужасе посмотрела по сторонам – он стоял рядом с ней, с тревогой глядя на нее. – Тут холодно, правда?

– Я прикрою окно.

– Нет. – Ей не хотелось, чтобы его закрывали, – не хотелось терять связь с внешним миром. – Может, я просто простудилась.

Филип положил руку ей на плечо, и Алекс попыталась преодолеть дрожь, но ничего не получилось.

– Я готова на все, лишь бы положить конец этому кошмару.

– Тогда повидайся со священником, – тихо сказал он, продолжая сжимать ее плечо. – Для нас обоих это будет лучше всего.

Проехав по узкой дороге, оставив позади футбольное поле в Челси, Алекс перегнулась через сиденье пассажира, пытаясь прочесть сквозь стекло номера домов в этом районе современной застройки. Оставалось надеяться, что он не будет возражать, если она прервет его ленч.

Номер 38, как и все остальные, представлял собой половину аккуратного домика с ухоженным садиком перед входом, и ей было несколько неудобно оставлять тут свой «мерседес». Алекс прошла по короткой дорожке к дому и нажала кнопку звонка. Пожалуйста, будь дома, пожалуйста, подумала она.

В дверях появился младший викарий в чистых, аккуратно выглаженных джинсах и старом пуловере, держа в руке часть набора «Лего». Сейчас он показался ей еще более юным, чем раньше.

– Добрый день, – осторожно сказала она и смутилась, пытаясь припомнить, как его зовут. – Преподобный?.. Мистер?..

– Джон Олсоп, – пришел он ей на помощь и уставился на нее, по всей видимости тоже пытаясь вспомнить, кто она такая. Правый глаз у него дергался легким тиком. – Миссис Хайтауэр, не так ли?

Алекс кивнула.

– Рад вас видеть. Как поживаете?

Неподдельный энтузиазм, с которым он ее встретил, несколько смутил Алекс, и на какое-то время она потеряла дар речи.

– Отлично, – сказала она, удивляясь себе самой.

– Очень хорошо. – Он переминался с ноги на ногу, глядя на игрушку в руке, и ей показалось, что сейчас он, как жонглер, подбросит ее в воздух. – Хорошо, – снова повторил он.

– Я подумала... не могу ли я поговорить с вами?

– Конечно, входите, пожалуйста.

Алекс вошла вслед за ним в узкую прихожую. Пол в гостиной был завален деталями «Лего», а в середине высилась конструкция, напоминавшая недостроенный подъемный кран.

Он смущенно улыбнулся:

– Ужасно глупо, слишком для меня сложно. Подарил сынишке на день рождения. Вы когда-нибудь пробовали собирать?

Она покачала головой:

– Выглядит очень неплохо.

– Боюсь, лишь для моего сына.

Они оказались в маленьком кабинетике в задней части дома; он предложил ей кресло. Алекс села и осмотрелась. Обстановка была достаточно скромной, но, по контрасту с жилищем Филипа, тут было аккуратно и чисто; маленький самодельный книжный шкаф, в котором хранилась религиозная литература, выглядел так, словно с него каждый день смахивали пыль; на полке над электрическим камином лежало несколько черепков.

– Это ваше увлечение – археология? – спросила она.

– Да. – Он оживился. – Это из раскопок, которые я проводил.

– Интересно, – сказала Алекс, надеясь, что ей удастся изобразить хоть каплю заинтересованности.

– Как дела? Я был у вас примерно дней десять назад, не так ли?

Она кивнула:

– Боюсь, что не очень хорошо.

– У вас трудные времена. Он ведь был вашим единственным ребенком?

– Да.

– Насколько я знаю, у вас есть определенные трудности и в семейной жизни?

– Да.

– Случается, – тихо сказал он, – что такого рода испытания заставляют людей сближаться.

Алекс покачала головой и грустно улыбнулась.

– Мы сохранили хорошие отношения, но боюсь, что больше никогда не будем вместе. – Она внезапно припомнила, как Олсоп говорил ей, что недавно умерла его жена, и покраснела – ей не хотелось наводить его на грустные размышления. – Как вы справляетесь с воспитанием сына?

– Отлично, – сказал он, но лицо его погрустнело. – Люди думают, что такие, как мы, люди церкви, легче переносим такого рода вещи, но и нам свойственны те же переживания, что и всем прочим.

– Но у вас есть ваша вера.

Он снова улыбнулся.

– Порой она подвергается серьезным испытаниям. Особенно когда ваш сын жует во время проповеди.

Она усмехнулась.

– А как продвигается ваша книга?

– О, вы помните? Боюсь, очень медленно.

– Так всегда говорят мои клиенты.

– Она сама по себе достаточно сложна. А я все время... как-то отвлекаюсь. – Он выжидательно посмотрел на нее.

– Даже не знаю, с чего начать. – Алекс переплела пальцы. – Со мной происходят странные вещи, я напугана.

У него снова дернулся глаз.

– Что вы имеете в виду?

– Не знаю даже, как сказать. Необычные вещи, которым я не могу найти реального объяснения.

– Может, это воображение играет с вами шутки?

– Нет, дело не в воображении.

– Порой горе и потери влияют на нас таким образом.

Алекс покачала головой:

– Нет, тут не игра воображения. Ничего подобного. Неврастеничность мне не свойственна; я не позволила бы разыгрываться воображению. – Она посмотрела на него и еще сильнее переплела пальцы. – В моем доме происходит нечто странное, и так думаю не только я. – Алекс смотрела на него и думала: хорошо, если бы он был постарше, а то такой юный, такой неискушенный. – И мне посоветовали... – Она снова запнулась, чувствуя себя довольно глупо. – Мне посоветовали обратиться к экзорцисту.

Его глаза расширились, и он долго не сводил с нее взгляда.

– Экзорцисту?

– Наверно, вы думаете, что я сошла с ума.

– Нет, я отнюдь так не думаю. Но я считаю, что мы должны обстоятельно поговорить о тех вещах, которые вас пугают, посмотреть, не можем ли мы найти их причину... – Он сделал паузу. – И, возможно, поискать какое-нибудь альтернативное решение.

– Как вы думаете, мы можем поговорить у меня дома?

Олсоп нерешительно посмотрел на нее:

– Конечно, если вам так будет легче. Я только взгляну в свое расписание.

– А нельзя ли нам пойти прямо сейчас? – спросила она.

Он, нахмурившись, посмотрел на часы.

– В четыре я должен забрать из школы сынишку. – Он стал так же серьезен, как и она. – Хорошо, давайте пойдём к вам.

Алекс заметила недалеко от своего дома свободное место на стоянке и притормозила.

– Прекрасная машина, – сказал Олсоп.

– Только очень старая, – уточнила она и огорчилась: ей показалось, что

в ее голосе проскользнули покровительственные нотки. – Ей больше двадцати лет.

– Боюсь, что церковь не может позволить себе «мерседесы».

Она уловила нотку зависти.

– Пользоваться такой машиной довольно глупо. Она дорога в обслуживании.

– За все приходится платить, – заметил он.

Алекс взглянула на него: интересно, а чем он платит, подумала она. Господу, например. Черепками?

Мимси уже ушла, оставив, как обычно, одну из своих неразборчивых записок. Когда они вошли в дом, Алекс поставила кофейник. Викарий обошел гостиную и, подняв глаза к потолку, нахмурился.

– Черный или с молоком?

– Без молока, будьте любезны.

Алекс принесла кофе.

– В крайнем случае можете вылить его в туалет. Если понадобится, он под лестницей...

– Ага. – Олсоп вежливо склонил голову.

Поднимаясь наверх, она почувствовала, что в доме на удивление жарко и даже душно, словно весь день было включено отопление. Наверху было еще теплее. Она прикоснулась к радиатору на лестничной площадке, он был холодный как лед. Она растерянно оглянулась и, войдя в свою спальню, направилась в ванную. Воздух тут был спертый, как в комод.

Моя руки, Алекс рассматривала себя в зеркало. Лицо ее стало влажным от испарины. Она приложила руку ко лбу, но он был холодным, почти ледяным, и она подумала: а что, если это грипп? Алекс осторожно промокнула лицо полотенцем, стараясь не смазать косметику, и прикрыла глаза.

Внезапно ее обдало порывом холодного воздуха, словно распахнулась дверца холодильника, и она почувствовала, как кто-то наблюдает за ней. Алекс медленно открыла глаза и посмотрела в зеркало.

За ее спиной неподвижно стоял Фабиан.

У нее съежилось все внутри, словно она сунула палец в розетку, тело пронзило иглами, и боль была столь мучительной, что она едва не закричала.

Поворачиваясь к нему, она ощутила, что в комнате совсем нет воздуха. Ей было нечем дышать.

Он продолжал стоять на том же месте, в белой рубашке и своем любимом свободном свитере; он был так реален, что ей захотелось

прикоснуться к нему.

Но дышать было нечем.

Фабиан улыбнулся странной, незнакомой ей мрачной улыбкой, в темных глазах застыло насмешливое выражение, которого она никогда раньше не замечала в своем сыне и которое вызвало в ней тревогу.

Алекс почувствовала, что впадает в панику. Боль от шипов и игл была невыносимой, ее била дрожь, легкие болели, она с трудом держалась на ногах.

Игра воображения, услышала она эхо голоса викария. Игра воображения. Она покачнулась, в глазах потемнело, и, заведя руку за спину, она ухватилась за край раковины. И внезапно он исчез.

Алекс, шатаясь, вышла в спальню, она задышалась, не в силах прийти в себя. Затем стремительно спустилась по лестнице и, глотая воздух, дрожа, остановилась в холле, все ее тело зудело. Она вошла в гостиную. Олсоп внимательно рассматривал чашку с кофе. Когда Алекс появилась на пороге, он посмотрел на нее с беспокойством:

– Я что-то не понимаю... у вас есть еще один сын?

– А? – Она уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Молодой человек, который только что поднялся по лестнице?

Почему он улыбается? Что здесь смешного? Тут только она поняла, что он смотрит на нее без улыбки, это нервный тик.

– С густыми волосами? – выдохнула она.

– Да, – тихо сказал он.

– И в таком... свободном пуловере?

Он снова кивнул.

В поисках опоры Алекс ухватилась за спинку стула, и все же ноги не держали ее, она села и закрыла глаза. Потом, с трудом подняв веки, уставилась на него:

– Другого сына у меня нет. Это был Фабиан.

Послышался резкий звон, это задрезжала чашка у него на блюде. Потом она увидела, как завибрировала его ложка, ударяясь о чашку, словно бы он играл на миниатюрном инструменте; выплеснулся кофе.

– Понимаю, – сказал наконец Олсоп, открывая и снова закрывая правый глаз. С огромным усилием он поставил на стол блюдо и чашку и обвел взглядом комнату; видно было, что его тоже сотрясает дрожь, хотя он и старается взять себя в руки.

– Это вы и имели в виду?

Алекс осознала, что продолжает сжимать в руках полотенце. Она стала аккуратно складывать его, расправляя складки.

– Да.

– А не может так быть, что в доме есть кто-то еще?

– То есть?

– Например, мойщик окон, водопроводчик?

Алекс замотала головой.

– Нет, – сказала она, несколько раз открыв и закрыв рот; как золотая рыбка, пришло ей в голову. – Теперь вы понимаете, о чем я говорю?

Олсоп в очередной раз обвел взглядом комнату и уставился на нее.

– Об экзорцизме?

– Вы можете мне помочь?

Он сложил чашей ладони и стал медленно раскачиваться на стуле взад-вперед, в глубокой задумчивости уставившись себе на руки.

– Есть альтернатива экзорцизму, которая... э-э... оказывает такой же эффект. Экзорцизм практикуется редко, и боюсь, вам придется столкнуться с целым рядом бюрократических препон. Придется изложить всю ситуацию епископу – это решать ему; потребуется, самое малое, несколько недель. – Он испуганно посмотрел на нее. – Видите ли, в наше время ситуация несколько осложнилась: простым священнослужителям, таким как я, не позволяют заниматься изгнанием злых духов.

– Я не могу ждать несколько недель, – сказала Алекс. – Прошу вас, вы должны что-то сделать.

– Учитывая наши последние указания, вам придется ждать еще дольше.

– Что вы хотите сказать?

– В таких случаях, как у вас, разрешение дается не раньше чем через два года после утраты.

Алекс вспомнила, как страшно ей было в ванной, и почувствовала полную беспомощность.

– Два года? – слабым эхом отозвалась она.

– Боюсь, церковь исходит из предположения, что после потери близкого человек довольно долго находится в расстроенных чувствах и необходимо, чтобы он пришел в себя. И только если по истечении этого времени повторяются тревожные приметы, вот тогда и выносится вердикт о специальной службе. О службе Освобождения.

– Освобождения?

– Современная терминология. – Олсоп улыбнулся, и Алекс снова увидела, как дернулся его глаз. – Церковь предпочитает пользоваться словом «освобождение» – оно звучит не так драматично.

– Но если это может быть доказано... ведь вы сами сейчас

убедились... – сказала Алекс.

– В течение столетий церковь считала, что состояние овладения вызывается психическим расстройством, а не воздействием духов. В наши дни лидеры англиканской церкви стали уделять большее внимание вопросам психологии и пришли к стойкому убеждению, что далеко не все проблемы могут быть разрешены лишь пастырским попечением. Я предполагаю, что таким образом церковь старается идти в ногу со временем, беря на себя большую ответственность. Часто обстоятельства, при которых служители церкви принимали решение прибегнуть к обряду изгнания злых духов, объяснялись душевным заболеванием, вызванным потерей близкого человека, и случалось, вмешательство приводило к ухудшению ситуации.

– И вы считаете, что я страдаю душевным заболеванием?

Олсоп посмотрел на нее и снова стал разглядывать комнату.

– Нет. Я думаю, что, возможно, вы правы. В этом доме чувствуется чье-то присутствие. Тут тревожно. Но я не считаю, что есть необходимость в экзорцизме. Необходимо выяснить, чем обеспокоена душа, а потом, возможно, нам удастся ее успокоить. – Разговаривая, он все так же раскачивался на стуле взад-вперед.

– Я знаю, чем она встревожена.

Не прекращая покачиваться, Олсоп взглянул на нее.

– Не будете ли вы столь любезны поведать мне? – вежливо спросил он.

Она посмотрела на него и покачала головой:

– Нет, я не могу.

– Было бы полезно знать причину.

Алекс взглянула в окно, потом резко повернулась в сторону холла – ей показалось, будто там что-то шевельнулось. Она настороженно прислушалась, но все было тихо. Алекс перевела взгляд на младшего викария:

– Я думаю, у нее остались тут неоконченные дела.

Олсоп перестал раскачиваться и устоял на нее.

– Боюсь, большинство из нас покидает сей мир, не будучи готовым к этому, оставляя массу дел, которые собирались сделать.

Она кивнула.

– Это вы и хотели сказать?

– Нет. – Алекс посмотрела на полотенце и опять взглянула на Олсопа. – Я думаю, он хочет вернуться, чтобы убить кое-кого. – Она снова опустила глаза, не в силах выдержать его взгляд, который гласил, что она сошла с ума.

– Я думаю, заупокойная месса была бы лучшим вам ответом, – услышала она тихий, спокойный голос Олсопа.

– Что вы имеете в виду? – взглянула она на него.

– Мы можем отслужить мессу здесь, в доме. И вы убедитесь, что все успокоится.

Алекс смутилась, испуганная его предложением.

– Каким образом... что... я не совсем понимаю, что вы предлагаете.

– Если хотите, мы можем отслужить ее прямо сегодня, после того как я заберу сына. Мне лишь нужно будет принести с собой кое-какие предметы.

Алекс не сводила с него глаз.

– Какие предметы?

Олсоп посмотрел на часы:

– Около шести вас устроит?

Может ли он помочь ей, этот серьезный молодой человек с нервным тиком? Неужели словами нескольких молитв он сможет умиротворить все, что тут происходит? Или души высмеют его и заставят покинуть дом?

– Отлично, – услышала она свой голос. – Благодарю вас.

– Чем вы собираетесь заняться до этого времени?

– Заняться? – переспросила она.

– Я думаю, вам лучше не оставаться сегодня днем в доме. У вас есть куда пойти? Какие-нибудь друзья?

– Офис. Я пойду в свой офис.

– Хорошо, – сказал он. – Прекрасная идея. Попробуйте чем-нибудь заняться.

Он встал, огляделся, заметно нервничая, и направился к дверям. Затем недоверчиво уставился на лестницу.

Алекс, не оглядываясь, вслед за ним вышла из дома.

– Звонит Эндрю Маллинс, говорит, что у него есть какая-то идея относительно пьесы, он хотел бы обсудить ее с вами.

Алекс покачала головой.

– Нет, Джулия, – сказала она в интерком. – Только не сегодня.

– А вообще вы с ним поговорите?

– Попроси его позвонить на следующей неделе.

Алекс беспомощно уставилась в стол; господи, сколько же накопилось дел. Перед ней был календарь. Среда, 3 мая. Интерком зажуужжал снова.

– Мистер Приор на линии, – сказала Джулия.

– Мистер Приор? Я его не знаю.

Голос Джулии дрогнул.

– Из крематория, – сочувственно сказала она.

– О'кей.

Мистер Приор почтительно произнес:

– Если у вас есть время, не могли бы вы решить, что будете делать с прахом.

Алекс снова взглянула на календарь: 3 мая. Она поежилась. 3 мая. Завтра, подумала она. Завтра. 4 мая.

– С прахом?

– Конечно, мы можем его рассеять, если пожелаете.

– Нет, – сказала Алекс.

– У нас есть несколько весьма заманчивых предложений. Может быть, высадить розовый куст? Мы можем разбросать пепел вокруг него или захоронить прах под розами... Не урну, конечно, там мало места.

– Нет, – рассеянно сказала она. – Конечно нет.

– У вас нет необходимости сразу же принимать решение – мы можем хранить его в течение трех месяцев.

Урна, подумала Алекс. Маленький черный полистироловый горшок. Господи, если бы все было так просто. 4 мая. 4 мая. Завтра.

– Большой популярностью пользуется резная плакетка на стене; конечно, вам придется подновлять ее каждые пятнадцать лет.

– Конечно.

– Можно внести навечно в Книгу памяти; оплата одноразовая.

Маленький черный горшок, наполненный тонким белым порошком. Ее ребенок.

– Есть еще несколько подходящих мест для захоронения в земле, но до них сложновато добираться. Боюсь, что на более удобные места есть уже целый список ожидающих.

4 мая.

– Или, конечно, вы можете взять урну, как делают сегодня многие, и развеять прах в его любимых местах. Весьма популярное решение в наши дни и, понимаете, не требует никаких затрат.

Любимое место. Развеять его прах над озером. Алекс представила себе, как держит в руках урну, снимает крышку и порыв ветра бросает ей пепел в лицо. Она поежилась.

– Я подумаю над вашим предложением, – сказала она.

– Конечно, можете не спешить, мы храним прах в течение трех месяцев и только потом... э-э-э... избавляемся от него. Конечно, сначала мы поставим вас в известность.

– Конечно.

4 мая.

На проводе Филип Мейн. Не хочет ли она поговорить с ним? Куда же девался тот человек из крематория? – спохватилась Алекс. Она что, закончила с ним разговор? И чем он завершился?

– Ну как ты? – мягко спросил Филип.

– О'кей.

– И ты...

– Да. Сегодня вечером. – Глаза ее наполнились слезами. – Они отслужат заупокойную мессу. Он сказал, что обряда экзорцизма надо долго добиваться... его не проводят сразу после... о господи, Филип, я так боюсь.

– Все будет в порядке.

– Я бы хотела, чтобы ты тоже пришел.

– С тобой все будет в порядке, девочка.

Она высморкалась.

– Могу я потом позвонить тебе?

– Да, и мы с тобой выпьем.

Алекс чихнула и неожиданно почувствовала себя лучше – ей было приятно ощущать его на другом конце провода, от него исходил огромный поток тепла.

– Буду рада, – сказала она.

Ей удалось припарковать машину как раз напротив своего дома. Было четверть шестого. Выключив двигатель, она закрыла глаза. Услышав звук шагов, Алекс, как от толчка, открыла их: мимо шел человек, ведя на

поводке лабрадора; она восхищенно посмотрела на собаку сквозь ветровое стекло. Алекс отвела взгляд и, как ни странно, на минуту развеселилась. Ее окружает нормальный мир, все вокруг нормально, и возвращение в него возможно. Стиснув обеими руками руль, она уставилась на свой дом; как кролик, подумала она, как испуганный кролик, выглядывающий из норки.

4 мая.

Да что, черт возьми, это значит? Почему эта дата все время крутится у нее в голове?

Почему она сидит вот так в машине, в нескольких футах от входной двери своего дома, и не осмеливается войти? В свой дом? В свое жилище? Она уставилась на синюю входную дверь и белые стены – немного облупились, скоро придется красить заново. Она попыталась вспомнить, когда красили стены в последний раз. Самое малое лет пять назад. Господи, как плотно, как надежно ложилась тогда краска; вернется ли когда-либо эта надежность? Сможет ли она снова нормально жить в этом доме?

Ей было не по себе. В зеркале бокового вида возник младший викарий, сопровождаемый человеком, которого она не знала; оба в черных сутанах, они вместе несли какой-то предмет: коричневый пластмассовый ящик, определила она, когда они подошли поближе.

Спутник Олсопа был сорока с небольшим лет, решила Алекс.

Она вылезла из машины.

– Хорошо, что вы успели, – сказал Олсоп. – А то мы уже беспокоились, как бы вы не опоздали. Вы, конечно, знакомы, не так ли?

Алекс вежливо улыбнулась мужчине постарше; у него было сухое лицо типичного церковного деятеля, но не пастора. Будь на нем деловой костюм, он бы походил на преуспевающего адвоката.

– Нет, – ответила она.

– Дерек Мэтью, – коротко представился человек и без улыбки протянул ей руку. – Викарий прихода Святой Марии.

– Ах да, – сказала Алекс, чувствуя его твердое рукопожатие. – Боюсь, я не слишком исправно посещаю церковь.

– Как и большинство, миссис Хайтауэр, – без тени юмора ответил викарий.

– Надеюсь, вы не возражали, что... мы не пригласили вас проводить заупокойную службу... ее организовывал друг моего мужа... он знал моего сына... нашего сына. Так уж получилось.

– Естественно.

– Мы можем... э-э?... – произнес Олсоп.

– Да. – Ее смущало присутствие Мэтью. – Конечно, входите,

пожалуйста. – Алекс присмотрелась к их ноше: она напоминала корзину для пикников, в которой носят сэндвичи. – Церковь Святой Марии... очень красивая.

– Только не для сторонников чистоты стиля, – коротко бросил Мэтью. – Для них она архитектурное бедствие.

Алекс прикрыла за ними дверь. Мэтью внимательно осмотрелся.

– Не хочет ли кто-нибудь... э-э-э... чаю?

– Думаю, лучше сразу же приступить к делу, – сказал Мэтью, бросив взгляд на часы. – У меня встреча, которую я не могу пропустить.

Алекс посмотрела на Олсопа, он не успел отвести взгляд и покраснел.

– Я... м-м-м... я подумал, что Дерек может быть полезен; в такого рода делах он гораздо опытнее, чем я. – Правый глаз у него отчаянно дергался.

– Да, конечно. – Она посмотрела на Мэтью. – Какую мы выберем комнату? – спросила она, нервничая.

– Ту, в которой случались проявления, – вежливо, словно она обращалась к портье, ответил Мэтью.

– Проявления случались во всех комнатах, – не сдержавшись, ядовито заметила она.

– Могу ли я осведомиться у вас, миссис Хайтауэр, баловались ли вы тут оккультными сеансами?

– Я ничем не балуюсь. – Алекс почувствовала, что в ее голосе присутствуют нотки гнева.

– Вы не проводили тут никаких сеансов, вообще ничего такого?

«Послушайте, – захотелось сказать ей, – я не школьница», но, сдержавшись, она кивнула:

– На прошлой неделе мы собирались тут в круг. – Она, смутившись, посмотрела на Олсопа, боясь, что подвела его.

– В таком случае, я думаю, мы должны направиться в ту комнату, в которой вы проводили сеанс, – сказал Мэтью с явным нетерпением.

– Прошу прощения, – беспомощно пробормотала она, чувствуя себя сущей идиоткой.

Алекс двинулась вверх по лестнице; ничего не получится, она так и знала, вообще ничего не получится, и Мэтью решит, что она законченная дура.

О господи, подумала Алекс, открывая дверь и заливаясь густой краской при виде стульев, которые так и остались стоять кружком.

Алекс почувствовала взгляд Мэтью и была не в силах поднять на него глаза. Она посмотрела на портрет Фабиана, на портьеры, края которых так и остались приклеенными к стене липкой лентой.

– Эти занятия весьма опасны, миссис Хайтауэр, – сказал Мэтью.

– Я знаю, – послушно, как школьница, ответила Алекс, глядя на окаменевшее лицо Олсопа.

Тот опустил на пол пластиковый ящик, что-то в нем громко лязгнуло. Мэтью, встав на колени, расстегнул «молнию».

– Нам будет нужен стол, и еще нам потребуется немного соли.

– Соли? – переспросила она.

– Обыкновенной соли. Есть у вас солонка?

– Я сейчас принесу.

Захватив на кухне солонку, Алекс зашла в свою спальню. В комнате стоял пронизывающий холод. Подхватив маленький столик, стоящий в изножье постели, она заторопилась обратно.

– Благодарю вас. – Мэтью взял у нее столик и солонку.

Они закончили свои приготовления споро и без задержек, словно раньше отрепетировали все свои действия. Пока Мэтью вынимал из ящика разные предметы и расставлял их на столе, Олсоп отодвинул в сторону три стула. В центре стола Мэтью аккуратно водрузил, как ночники, две маленьких свечи, затем чашу для причастия, бутылку вина и серебряный поднос. Они работали молча и бесшумно, не обращая на Алекс внимания, словно забыв о ее присутствии. «Как будто меня тут нет», – подумала она.

Мэтью налил в серебряную купель немного воды из принесенной емкости, вознеся при этом действия молчаливую молитву. Туда же высыпал щепотку соли. Подняв купель, он повернулся, глядя мимо Алекс:

– Мы взываем к Тебе, Господь наш, и молим о защите.

Он вынул из чехла кисть с серебряной ручкой, окунул ее в воду и, пройдя мимо Алекс, с силой брызнул на стену. Повернувшись, торжественно проделал эту процедуру с каждой из стен. Затем, положив купель и кисть, вытащил из кармана золотую зажигалку «Данхилл» и зажег свечи.

Олсоп аккуратно перелил оставшуюся воду в емкость и спрятал купель в ящик.

– Начнем? – сказал Мэтью.

Алекс сидела лицом к двум священникам.

– Насколько я понимаю, вы крещены? – спросил Мэтью.

Алекс кивнула.

– Помолимся! – громко и торжественно, словно бы обращаясь к суду, сказал он.

Младший викарий аккуратно сложил ладони и поднес их к лицу.

Алекс чувствовала себя скорее в школьном классе, чем на религиозной

церемонии. Трепеща от гнева и унижения, она молча повторяла их движения.

– К Тебе возносим мы наши молитвы, Господи, и смиренно просим милости.

Да что они вообще знают, эти двое? С их пластмассовым ящичком и разукрашенной серебряной посудой? Неужели им известно больше, чем Моргану Форду? Больше, чем Филипу? А может быть, это всего лишь пара добропорядочных шарлатанов, которые пользуются широко распространенными предрассудками? Или на них в самом деле лежит благоволение Божье, которому подчиняется все сущее? Так что же это за сила?

Наклонившись вперед, Алекс закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться и ощутить ту связь с Богом, к Которому она обращалась, когда была маленькой девочкой, Который защищал ее и по велению Которого все шло как надо.

– Услышь наши молитвы, Господи, мы смиренно молим Тебя о милости, чтобы душа слуги Твоего Фабиана, которого Ты счел нужным призвать из этой жизни, обрела пристанище там, где царят мир и свет, разделив участь преданных Тебе святых душ. Да пребудет с ним Христос, Господь наш.

– Аминь! – сказал Олсоп.

– Аминь! – тихим эхом откликнулась Алекс, прислушиваясь к звуку своего голоса.

– Мы молим тебя, наш Бог всемогущий, принять к себе душу слуги Твоего Фабиана, за которого Ты пролил кровь Свою. Вспомни, Господи, что мы всего лишь прах, а человек – всего лишь трава и цветок в поле.

Да вложи хоть капельку чувства в свои слова, человече! – хотелось ей крикнуть. Хоть капельку человеческих чувств! Она приоткрыла глаза и, закрывая лицо сложенными ладонями, наблюдала за ним, не в силах справиться с подступающим гневом.

– И даруй ему, Господи, вечный покой. – Сделав паузу, Мэтью посмотрел на часы. – И да воссияет над ним неизменный свет. Даруй, Господи, Твоему слуге Фабиану покой и прощение.

Посмотрев на портрет Фабиана, она закрыла глаза и опять поднесла к лицу сложенные руки. *Что ты обо всем этом думаешь, дорогой? Ты не против? Ты меня понимаешь?*

– О Господи, лишь Ты способен оказать милость и отпустить грехи наши. Ты призвал к себе слугу Своего Фабиана, который верил в Тебя и возлагал на Тебя свои надежды.

Ничего. Алекс ровно ничего не ощущала, разве что не верила самой себе, что все это действительно происходит. Она посмотрела на Олсопа, который благоговейно сложил руки, плотно смежив глаза. В комнате было душно; она чувствовала запах плавящегося воска, ее пробивала испарина.

– О Господь наш, Тебе ведом срок жизни каждого из живущих. И когда мы скорбим, что слуга Твой Фабиан так недолго пробыл с нами, мы смиренно молим Тебя даровать ему вечное блаженство и вечную радость лицезреть Тебя.

Язычки свечей колыхались, бросая тени на лицо Мэтью, словно отклоняясь с отвращением от освященной воды.

– Готовясь к жизни вечной, наш брат принял в себя тело Христово, плоть и кровь его. Да восстанет он снова в последний день. Да будь благословен Христос, Господь наш.

– Аминь, – сказал Олсоп.

Алекс не могла заставить себя вымолвить хоть слово.

Наступило долгое молчание.

В комнате сгущалась жара.

– Слава, слава, слава Тебе, Господь наш, Бог всемогущий и всемилостивейший, царство небесное и земное преисполнены славой Твоей. Осанна в высших Богу!

Взгляд Мэтью остановился на Алекс.

– Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение и избави нас от лукавого.

Сделав паузу, Мэтью поднял взгляд, устремив его куда-то вдаль, словно слова эти были настолько значимы, что не могли быть адресованы только одной Алекс.

– И да пребудет навечно, во славе и силе, царствие Твое. Аминь.

Он молча поднялся и повернулся к столу. Взяв облатку, отломил край ее и бросил в дароносицу.

– Агнец Божий, Ты взял на Себя все грехи мира. – Повернувшись, он в упор посмотрел на Алекс. – И пусть плоть и кровь Господа нашего Иисуса Христа даруют вечную жизнь тем, кто примет их. – Он кивнул ей.

Алекс медленно поднялась и, спотыкаясь, подошла к нему.

Мэтью подал ей знак, чтобы она встала на колени, и протянул ей облатку.

– «Примите, ядите», – сказал он, подавая облатку в ее сложенную ковшиком руку и снова глядя куда-то мимо нее.

Она почувствовала на языке сухую гладкость облатки, холодный острый край дароносицы и неожиданную пьянящую силу вина.

– Сие есть кровь Христова.

Она молча вернулась к своему стулу, ощущая во рту кислый металлический привкус.

– Господь Бог наш, сын Твой принес в жертву тело Свое, дабы поддержать нас в последнем путешествии. Молим, чтобы наш собрат Фабиан занял место у престола Христа в вечном празднестве, да пребудет он там отныне и навеки.

– Аминь, – прошептала Алекс.

Олсоп ничего не сказал, и Мэтью презрительно посмотрел на нее, как на маленькую девочку, которая не может собраться с мыслями и говорит не вовремя. Алекс закрыла глаза.

– Боже Всемогущий, Ты смертию смерть попрал, принеся в жертву сына Своего Иисуса Христа.

Слова гулким эхом отдавались у нее в голове.

– Положив его во гроб и воскресив из мертвых, Ты освятил гробницу его.

Алекс слышала, как капает вода – короткие и резкие, как выстрелы, звуки. Она подняла руку ко лбу. Но на нем ничего не было, ничего, кроме легкой испарины.

– Прими наши моления за тех, кто умер во Христе, кто был похоронен вместе с Ним и ожидает воскрешения в надежде на вечную жизнь. Внемли нам, Господи, мы взываем к Тебе от имени мертвых и живых – да будет дарован Фабиану вечный покой во Христе, Господе нашем. Аминь. – Он снова бросил взгляд на часы.

– Аминь, – сказал Олсоп.

Опустившись на колени, Мэтью задул свечи и начал складывать в сумку церковную утварь.

Олсоп открыл глаза, мягко улыбнулся Алекс, поднялся с колен и стал помогать ему.

Алекс сидела, наблюдая за ними. И это все, хотелось ей сказать, это все?! Но она сомневалась, удостоит ли ее Мэтью ответом.

Они спустились в холл, и она открыла перед ними дверь. Выходя, Мэтью повернулся к ней:

– Надеюсь, теперь вы не раз подумаете, прежде чем снова заняться оккультными играми, миссис Хайтауэр.

Алекс послушно кивнула.

Повернувшись, он стал спускаться. Олсоп подхватил сумку и

улыбнулся ей.

– Я позвоню вам через пару дней, узнаю, как у вас дела.

– Благодарю вас.

Алекс тихонько прикрыла дверь и повернулась.

У подножия лестницы стоял Фабиан.

Неожиданно запахло бензином; казалось, им пропах весь холл. Фабиан двинулся к ней, бесшумно скользя, не поднимая ног; он подошел почти вплотную, и она увидела его глаза, но то не были глаза ее сына – злобный холодный взгляд, полный ненависти.

– Нет! – закричала Алекс и, закрыв глаза, рванулась к дверям, пытаясь вслепую нащупать запор.

Она распахнула дверь и вылетела на улицу.

– Помогите!

Никто не отозвался.

– Помогите!

Ни звука.

– О господи, остановитесь, вернитесь же, прошу вас, вернитесь! – Алекс беспомощно смотрела им вслед. – Пожалуйста, помогите, – простонала она.

Но два священнослужителя были уже в конце улицы, они тащили сумку, словно торопясь на пикник, и подолы черных одеяний колыхались в такт их шагам.

Алекс на полной скорости миновала ворота и влетела в заполненную водой колею, грязная волна окатила машину; ей пришлось включить «дворники»; нос «мерседеса» резко клюнул, взлетел в воздух, после чего колеса опустились на землю и, чиркнув по обочине, едва не снесли изгородь.

«Дворники» скребли по ветровому стеклу, чирикавая, как разозленные птицы. Она уловила запах навоза и в тусклом свете фар заметила какой-то небольшой темный предмет. «Мерседес» дернулся – она продолжала вжимать в пол педаль акселератора. Впереди, чуть левее, за пеленой размазанной по стеклу грязи и мелькающими «дворниками» она увидела озеро, затянутое тонкой туманной дымкой. Как саваном, подумала она и передернулась. В сумерках озеро выглядело еще более зловеще.

Она увидела припаркованный у дома «лендровер» Дэвида и подъехала к нему. Выключив двигатель, закрыла глаза и едва не заплакала от облегчения. Двигатель рыкнул несколько раз, потом кашлянул, выражая протест; запах разогретого масла перебивал запах навоза. Мотор чихнул в последний раз. Где-то сзади в сгущающихся сумерках заблеяла овца.

Алекс вылезла из машины и остановилась, не в силах сдвинуться с места – ноги у нее подкашивались. Сначала послышалось блеяние, от озера донесся всплеск. Алекс сделала несколько неверных шагов по направлению к дому, остановилась, покачнувшись, и едва не упала. Оскальзываясь в вязкой грязи, Алекс опять двинулась вперед, но почувствовала, что правая нога вдруг заоченела.

– Проклятье, – пробормотала она, осторожно вытягивая ногу и стараясь не оставить туфлю в грязи. Дом был погружен в темноту, но из-под дверей амбара пробивалась полоска света, и Алекс направилась к амбару.

Дэвид стоял спиной к двери, рассматривая блок, который на канате свешивался со стропил. Блок покачивался над новой пластиковой цистерной, которая по-прежнему стояла посреди амбара.

– Привет, – сказал он, не поворачиваясь. – Хорошо прошел день?

– Нет, – тихо сказала она.

– С ума сойти, ну просто сойти с ума!

– Как ты узнал, что это я?

Он по-прежнему не поворачивался.

– Машина. Всегда узнаю ее по звуку, хотя ты влетела быстрее, чем всегда. Ну не сволочизм ли, как ты думаешь?

– О чем?

– Я вот прикидываю: а что, если оставить ее здесь, как ты думаешь?

Алекс посмотрела на канат.

– Похоже на виселицу.

– Виселицу? – Дэвид повернулся, всматриваясь ей в лицо. – Господи, да ты ужасно выглядишь.

Алекс опустила голову и почувствовала, что из глаз потекли слезы; она чихнула.

– Идем, – сказал он, нежно обнимая ее за плечи. – Я налью тебе выпить.

Они расположились на кухне.

– Я думаю, это великолепно. Служба лично для тебя. – Он улыбнулся. – Это доказывает, что церковь становится конкурентоспособной. Если паства не является в церковь, церковь идет к пастве. Она вступает в битву с соблазнами пиццы, карри и массажисток. «Наберите номер нашей службы», а? Причт является к тебе прямо домой – и можно не беспокоиться о ящике для пожертвований. Надеюсь, они ничего у тебя не потребовали?

– Нет, никаких денежных сборов.

– Не похоже на этих педиков.

– Дэвид! – резко оборвала она его.

– Извини.

Он взял бокал и погонял вино по стенкам.

– Ты же знаешь, утро вечера мудренее.

Улыбнувшись, Алекс сделала глоток виски.

– Хорошо.

– Означает ли это, что теперь ты вернешься?

Она уловила нотку грусти в его голосе и сжала стакан в ладонях.

– Я подумал... понимаешь, – сказал он, краснея, – похоже, у нас сложились очень неплохие отношения. Я подумал... может быть... возможно...

Алекс плотно смежила веки, чувствуя, что на глаза опять набегают слезы, и сидела дрожа и раскачиваясь на стуле взад-вперед. Она сделала еще один глоток, слизывая с ободка слезинки, открыла глаза и посмотрела на Дэвида.

– Еще ничего не кончено, Дэвид. – Жесткий спазм скрутил ее тело с такой силой, что она чуть не застонала. – Все только начинается.

Он положил руку ей на плечо, грубовато погладил лицо.

– Здесь ты в безопасности, дорогая, – сказал он. – Я позабочусь о тебе, не беспокойся. Какое-то время тебе не стоит возвращаться в Лондон... пока ты... пока все не наладится.

Алекс кивнула; одинокая крупная слеза скатилась у нее по щеке, и на ее пути, как плотина, оказался его палец.

Алекс проснулась от звука капающей воды, капли били яростно, резко, словно выстрелы. Алекс упала на лоб тяжелая капля, за ней другая. Плюх. Бам. Звуки эхом отдавались в комнате, словно она находилась в пещере.

Ноги Алекс были словно изо льда. В лицо дул пронизывающий ветер. Бам, услышала она. Алекс подняла руку, чтобы стереть воду с лица.

Но лицо было совершенно сухим.

Нахмурившись, Алекс почувствовала, как у нее вдруг забилось сердце, снова вспомнился жалобный вскрик Фабиана: «Помоги мне, мама!»

И затем чей-то рык: «Да не слушай ты этого маленького ублюдка!»

Что с тобой происходит, дорогой? Пожалуйста, расскажи мне. Прошу тебя.

Бам! Капля стукнула ее, точно теннисный мяч; она почувствовала, как струйка воды сползает по щеке, и дотронулась до нее рукой. Ничего.

И тут внезапно она все поняла.

Содрогнувшись, Алекс закрыла глаза. Теперь она знала, что ей нужно делать, но не была уверена, хватит ли у нее на это смелости.

Часы в гостиной дважды звонко щелкнули, до Алекс донесся какой-то непонятный звук, шорох ткани, затем она почувствовала резкий порыв воздуха. Скрипнуло окно, раздался звук вздувающихся портьер.

Сердцебиение улеглось – это ветер, просто ветер и портьеры. Вот и все. Она с облегчением улыбнулась, откинувшись на мягкие подушки, и почувствовала, как теплеют ноги, как расслабляется тело, как стихает боль.

Алекс ощутила резкий укол в палец и вздрогнула. Иглы с мучительной болью впились в нее, и ее тело конвульсивно содрогнулось. Боль столь же внезапно исчезла, и она осталась лежать, ощущая жжение и зуд во всем теле, словно свалилась в крапиву.

Мощная волна подбросила ее в кровати; Алекс застыла, прислонившись к изголовью, и застонала. Что-то стояло в ногах кровати. Тень, очертания которой были чернее, чем сама темнота.

– Сегодня, мама.

Голос был чист и ясен, до невероятности ясен.

Зуд не стихал.

– Дорогой, это ты?

Алекс протянула руку к ночному столику, ища кнопку настольной лампы. Вспыхнул свет, и она моргнула; глаза у нее болели и чесались; она, прищурившись, уставилась на темные очертания шкафа в ногах кровати.

Портьера пузырем влетела в комнату, словно кто-то гневно отшвырнул ее, и Алекс услышала шум ветра. Она сложила на коленях руки и закрыла глаза.

– Боже, прошу тебя, помоги мне. Пожалуйста, дай мне силы выстоять. Защити и сбереги душу Фабиана, благослови ее, и да упокоится она в мире. Прощу тебя, милый Боже, не дай ему... – Она замолчала.

Кто-то смотрел на нее.

Алекс открыла глаза – никого, никого и ничего, только мебель, вздымающиеся портьеры и свист ночного ветра.

Утром она спустилась на кухню и удивилась, увидев там Дэвида.

– Как ты спала? – спросил он.

– О'кей, – сказала Алекс. – Лишь пару раз просыпалась от ветра.

Он посмотрел в окно.

– Похоже, ветер унес тучи, будет прекрасный день. Ты останешься?

Она кивнула.

– Отлично. Хочешь кофе?

– Спасибо.

Он поставил кофейник на горелку.

– Я думала, ты уже работаешь.

– Жду телефонного звонка. Думаю, удастся вложить деньги во что-нибудь стоящее. А работает только один аппарат – тот, что в кабинете, другой я на днях уронил, и он замолчал.

– Я останусь здесь и позову тебя, – улыбнулась она. – Исполню роль твоей секретарши.

– Прекрасно. Мне нужно закончить кое-какие дела – сейчас я притащу сюда бумаги.

Черт побери, подумала она.

– Мне не часто так везет – находиться в твоём обществе во время уик-энда.

Неужели ты не понимаешь, подумала она; о господи, неужели ты не понимаешь?

Дэвид было нахмурился при взгляде на нее, но получил в ответ доброжелательную улыбку; затем она перевела взгляд на ржавый ключ, который висел на вбитом в стенку крючке за его спиной.

– Пожалуй, я пойду прогуляться.

– Да, на улице сейчас здорово. – Дэвид улыбнулся. – Одно из преимуществ здешней жизни. Я оставлю тебе кофе. И кстати... не взглянешь ли на овец в винограднике?

Алекс кивнула и посмотрела на часы:

– Когда вернусь, позвоню к себе в офис.

– Если хочешь, я сам туда позвоню. Скажу, что ты не очень хорошо себя чувствуешь и пару дней тебя не будет.

– Для тебя все так просто, – сказала Алекс, почувствовав, что прозвучало это несколько раздраженно, но она тут же улыбнулась ему. – А ты мог бы взять и бросить свои дела здесь?

Он покачал головой.

– Вот и я не могу.

– Бывают времена, когда приходится это делать.

Вздохнув, Алекс вышла на утренний воздух, напоенный запахами близлежащего свинарника и мокрой травы. Стояла какая-то особая прохлада – под лучами раннего солнца воздух был прозрачен и насыщен невидимыми каплями влаги.

Алекс пошла по тропинке, в сторону от дома, и по правой развилке свернула к озеру. В дымке тумана на воде бетонный остров казался лишь легкой тенью. Средневековый водоем. Алекс поежилась, уловив запах гниения. Рядом с озером не было слышно даже пения птиц. Остановившись, она присмотрелась к узкой тропке, заросшей ежевикой. Осторожно, чтобы не уколоться, отвела стебель, но не удержала его.

Кто-то вырвал у нее из рук растение и вернул на место.

Замерев, Алекс не отводила от него взгляд. Потом осторожно огляделась по сторонам и посмотрела вниз; она чувствовала, кто-то стоит за ней, и с бьющимся сердцем резко повернулась. Никого. Алекс настороженно потянулась к другому стеблю, но не удержала и его.

Кто-то тут основательно потрудился. И тропа, и сухая подгнившая дубовая дверь, вделанная в бетон, – все было тщательно замаскировано.

Алекс повернула ручку и толкнула дверь, но она была заперта. И у нее снова появилось ощущение, что за спиной кто-то есть; не в силах сдержать дрожь, она резко повернулась. Никого. Алекс долго стояла, прислушиваясь. До нее доносился лишь рокот трактора и отдаленное блеяние овец.

Она выровняла заросли ежевики перед дверью и посмотрела на часы. Девять пятнадцать. Рано, даже слишком рано. Повернувшись, Алекс снова уставилась на озеро, а потом медленно и неохотно побрела назад к дому.

Дэвид сидел за кухонным столом с изжеванной сигаретой во рту, в

окружении бумаг, которыми обложился с самого утра.

– Тебе уже звонили?

Он покачал головой:

– Думаю, еще рано.

Кивнув, Алекс прошла в гостиную и села. Тут было темно и тихо.

Оставь все как есть, говорил ей инстинкт, оставь все как есть, забудь, уходи, возвращайся под крыло викария. И все расскажи ему.

«Если там есть протечка и один из отсеков заполнен водой, ты утонешь, стоит только открыть дверь».

«Не разрешайте ему, миссис Хайтауэр».

«Мама».

«Да не слушай ты этого маленького ублюдка».

«4 мая».

«4 мая».

Сегодня.

Алекс беспокойно встала и подошла к холодному камину, сняла с полки фотографию Фабиана на трехколесном велосипеде. Маленькие невинные глазки, пухлая веселая мордочка. Вглядеться в них можно было, только если поднести фотографию очень близко к лицу. Она медленно вернула ее на прежнее место.

4 мая.

Сегодня.

«Сегодня, мама».

«Не позволяйте ему, миссис Хайтауэр».

Кэрри.

«Сегодня они отпустят меня, мама».

Она встала и прошла на кухню. Дэвид улыбнулся ей.

Ради бога, уходи ты в свой амбар, уходи куда-нибудь. Почему сегодня утром тебе непременно надо тут торчать? Дай мне взять этот ключ. Я должна добраться до него.

– Мы можем сходить в какой-нибудь паб и неплохо там перекусить.

– Неплохо перекусить? – рассеянно повторила она.

– Ленч в пабе! Хороший ленч в пабе. Мы уже несколько лет не позволяли себе это.

– Правда?

Алекс почувствовала, что он внимательно смотрит на нее.

– Алекс? С тобой все в порядке?

Она тупо посмотрела на него. Слова Дэвида стучали в ушах.

«В порядке? В порядке? В порядке?..»

Она почувствовала, что падает, и ухватилась за стену, но та ушла от нее. Алекс услышала скрип стула, и надежная рука поддержала ее.

– Садись... дись... дись...

Она услышала слабый скрип деревянного стула, увидела, как стены уплыли куда-то в сторону и потолок стал опускаться ей на голову, резко, неожиданно. Затем вся комната наклонилась, пол круто взлетел вверх и сильно ударил ее по плечу.

Дэвид стоял над ней на коленях. Она слышала его далекий голос:

– Я вызову врача... врача... врача...

Алекс помотала головой, и потолок закачался, словно привязанный к голове. Она чувствовала затылком жесткие деревянные половицы.

– Нет, – сказала она. – Все отлично. В самом деле, все будет отлично.

Она смотрела ему в лицо, прямо в завитушки его бороды.

– Со мной все в порядке. – Алекс поднялась, нетвердо держась на ногах, и огляделась. Стены заняли прежнее положение. Она присела на стул. – Должно быть, сказалось напряжение...

– Ты должна взять отпуск. Мы можем куда-нибудь поехать... поселимся в отдельных комнатах...

Алекс грустно улыбнулась:

– Хотела бы я, чтобы это было так просто.

Зазвонил телефон. Дэвид посмотрел на аппарат – телефон продолжал звонить.

– Что-то не хочется снимать трубку, – сказал он Алекс с улыбкой.

Ответь же, ради бога, ответь; я этого не вынесу. Пожалуйста, ответь.

Бросив несколько коротких вежливых слов, Дэвид повесил трубку и устался на нее.

– Не тот, кого я ждал. – Он взглянул на часы.

Прошу, зазвони снова. Ты должен позвонить еще раз. Ты должен.

Он будет корпеть над своими бумагами до ленча.

– Я лучше схожу в виноградник, – сказал Дэвид, – посмотрю, все ли там в порядке.

И в амбар с его цистернами, странными машинами и винными запахами. Там его рай, поняла она. Он даже на несколько часов не может пережить разлуку с ними.

– В случае чего я крикну, – заверила его Алекс.

– Батлер. Так его зовут. Джеффи Батлер.

– Отлично, – сказала она.

Алекс посмотрела, как он шагает по двору, выбралась в прихожую и

встала на ящик для обуви. Потянувшись, достала с верхней полки фонарик с обтянутым резиной корпусом и, щелкнув кнопкой, посветила себе в лицо – в глаза ударил яркий луч. Потом она выключила фонарик и сунула его на прежнее место.

Прошло больше двух часов, пока позвонил Джеффи Батлер. Четверть пятого. Два часа, в течение которых она смотрела на ключ, на фонарик на полке, два часа ожидания, с которым медленно уходил день. 4 мая.

– Звонит Джеффи Батлер! – наконец крикнула она и бегом пустилась обратно через двор, испугавшись, что Джеффи Батлер может передумать и повесить трубку. – Он сейчас подойдет, мистер Батлер, – сказала она, не сводя глаз с ключа, который был у нее почти в руках.

О господи, да побыстрее же. Но нет, он стал копаться в своих бумагах, делать заметки, что-то писать. Конечно, можно взять ключ и уйти, пока он занят разговором. А если он заметит его исчезновение? Слишком большой риск.

– Кальций карбонат, – говорил Дэвид. – И мел. Да. – Он хмыкнул. – Да, обыкновенный мел, он уменьшает уровень кислотности. Нет, так и есть, самый обыкновенный мел. Да-да, в полном соответствии с нормативами Европейского экономического совета.

Давай же, давай.

Наконец он повесил трубку, подошел к ней, обнял ее и со вкусом расцеловал в обе щеки.

– Удалось! – сказал он. – Я своего добился! Потрясающе!

– Отлично.

– Джеффи Батлер. Он будет продавать их постоянно, включив в свой прейскуронт.

– Я очень рада.

– Если уж ему мое вино понравилось, значит, оно чего-то стоит. Вечером мы с ним отправимся куда-нибудь отпраздновать такое событие. Здорово, правда?

– Конечно.

– Ты не против, если я на минутку сбегаю в винодельню? Хочу кое-что подобрать для него. Ты в самом деле не против?

– Нет, – сказала она. – Я ни в коем случае не против.

Алекс смотрела в окно и видела, как он пересек двор и скрылся за дверями винодельни, но едва она только успела дотянуться до ключа, как услышала звук подъезжающей машины. Интересно, кто это – клиент или турист, подумала Алекс. Дегустация в любое время. Добро пожаловать. Убирайся, сказала она про себя, пошел вон, кто бы ты там ни был.

Алекс оставила ключ на месте: Дэвид может в любую секунду вбежать сюда – за штопором, за парой стаканов, за чем угодно, черт бы его побрал.

Она в ярости вошла в гостиную и, усевшись на диване, уставилась на фотографию маленького мальчика на трехколесном велосипеде – на пухлого малыша с темными задумчивыми глазками.

Снаружи послышался какой-то шум, и она услышала возмущенный голос Дэвида:

– Алекс? Алекс? Ты где? Да что это такое, черт возьми? Это ты все устроила? Снова эти чертовы психи?

Она посмотрела на каминную полку, откуда на нее смотрел с фотографии улыбающийся Фабиан.

– Дэвид, – позвала она почти шепотом и услышала издалека его возбужденный голос:

– Вы что, не понимаете? Она приехала сюда, чтобы избавиться от всего этого. А вы только и можете все портить, черт бы вас побрал! Почему вы не оставите ее в покое? С ней все будет в порядке, она оправится; несколько дней на свежем воздухе – вот все, что ей нужно.

– Это не так просто, мистер Хайтауэр. Хотел бы я, чтобы так все и было.

Она сразу узнала певучий голос Моргана Форда.

– Дэвид.

Долгое молчание.

4 мая.

Она поехала.

– Дэвид.

Она услышала вежливый, твердый голос Форда:

– Я думаю, мы можем приступить.

– Нет, – отрезал Дэвид. – Она не хочет.

– Ради вас обоих, – сказал Форд.

– Нет, – попыталась выдать она. Но ничего не получилось.

– Душа вашего сына не обрела покой, мистер Хайтауэр. И вы не можете оставить ее в таком состоянии. Пока мы не умиротворим ее, ваша жена не сможет успокоиться.

Не разрешай ему, Дэвид, пожалуйста, не разрешай ему.

– Не могли бы вы заняться этим как-нибудь в другой раз? Когда она окрепнет?

– Она не сможет окрепнуть, пока он рядом с ней. Он все время пользуется ее силой, высасывает из нее энергию.

Нет. Все не так. Разве ты не видишь? О господи, разве ты не

видишь?

– Она для него – как батарея подзарядки, он все время подпитывается от нее. И мы должны как-то компенсировать ее силы или освободить их друг от друга.

– Что вы имеете в виду, говоря о батарее?

– Души не обладают собственной энергией, мистер Хайтауэр. Они высасывают ее из живых существ.

– И вы считаете, что он пользуется энергией Алекс?

– Души, которые не в силах избавиться от земных пут, живут в мире тьмы. И, как любой человек, находящийся в темноте, очертя голову кидается к свету, так и души ищут источник энергии. Для них печаль, тоска – сильнейший ее источник. И то подавленное состояние, в котором находится ваша жена, служит для него своеобразным маяком.

Наступило молчание.

– Значит, такова ваша теория?

– Нет, мистер Хайтауэр, это не моя теория, это – знание.

– А что произойдет, если мы ничего не будем делать?

– Существует опасность, что он полностью овладеет ею.

– Я хотел бы переговорить с моей женой с глазу на глаз.

– Да, конечно. Вам предстоит принять достаточно важное решение.

Видите ли, она должна понять, какая на ней лежит ответственность.

Алекс услышала высокий голос Дэвида:

– Ответственность?

– Мы считаем, что душа вашего сына все еще находится на околоземном уровне, – деловито и спокойно сказал Форд. – Но мы не знаем причину этого: то ли потому, что он не может вырваться из своих пут, то ли его вернули обратно. Предполагаю, что миссис Хайтауэр обеспокоила его, придя на встречу со мной. Часто души не хотят возвращаться – они проявляют нежелание, подобно Самуилу, когда Саул обратился к медиуму. Но порой сильная печаль того, кто потерял близкого человека, притягивает душу. – Снова наступило молчание. – Я просто хотел внести ясность, мистер Хайтауэр. Это очень важно.

– Значит, виновата моя жена?

– Не обязательно, мистер Хайтауэр. Отнюдь не обязательно. Но возможно.

Воцарилось долгое молчание. Затем она услышала голос Дэвида:

– Алекс! Алекс!

Она огляделась.

– Где же она, черт возьми?

Алекс услышала шаги, затем снова голос Дэвида:

– Вот ты где! Ты что, онемела? Я обыскался тебя!

Алекс ничего не ответила.

Она услышала, как закрылась дверь.

– Тут явился твой проклятый дружок-медиум и эта чертова психопатка Сэнди... и с ними все остальные. Какого черта ты их сюда притащила?

– Я этого не делала.

– А кто же?

– Не я.

– Проклятье. Так кто же?

– Фабиан, – просто сказала она.

Алекс услышала щелчок его табакерки, шуршание бумаги, затем снова наступило молчание.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она смотрела на малыша на трехколесном велосипеде – ее ребенок, которого она принесла в этот мир. Ее дитя, которое плачет по ночам. Ее дитя, которое, плача, тянется к свету. Ее стала бить дрожь. Улыбающийся малыш на велосипеде, затерянный во тьме, растерянный и испуганный.

«Помоги мне, мама».

Как?

«Не знаю. Не знаю, что я хочу этим сказать».

«Что ты собираешься делать?»

«Помоги мне, мама».

Алекс услышала щелканье зажигалки, увидела короткую вспышку пламени, ароматный запах его сигареты.

– В последний раз Морган Форд серьезно расстроил тебя.

«Помоги мне, мама».

– Это я виновата, – стараясь справиться с дрожью, сказала она. – Все это – моя вина.

«Конечно же нет».

4 мая.

Дверь открылась.

– Начнем? – сказал Форд.

Алекс повернулась. В дверях застрял молодой человек с золотой серьгой, он втаскивал в комнату деревянный стул. Глянув на нее, молодой человек кивнул. Прилизанные черные волосы, мрачное лицо. Орм, вспомнила она, Орм.

За ним следовал высокий застенчивый старик в коричневом пиджаке, который тоже нес с собой стул. В дверях он смущенно оглянулся, словно

ожидая от кого-то указания вернуть стул на место. Почтальон.

Дэвид стоял молча, нахмурясь, но гнев его уже стих.

Рядом с ней оказался Морган Форд. Седоватые волосы, серый пиджак, черная рубашка, такой же галстук – все тщательно подобрано по цвету. Он одарил ее спокойной, уверенной улыбкой. Она заметила блеск камня в перстне и, подняв глаза, посмотрела ему в лицо, потом увидела черную взъерошенную копну волос Сэнди, золотое кольцо Орма, коричневый полистироловый пиджак Милсома, заметила недовольный кивок Дэвида и беспокойство в его глазах.

– Не позволяй им, Дэвид. О господи, не позволяй им.

– Здесь чувствуется огромное напряжение, – сказал Форд. – Очень мощное.

Не пускай их, Дэвид.

– Пусть она остается в таком положении, – сказал Форд. – Так лучше всего. Пусть чувствует себя удобно.

Нет. Пожалуйста. Нет.

– Порой процесс освобождения души оказывает довольно тяжелое воздействие, – мягко продолжал Форд, посмотрев на Дэвида, затем он перевел взгляд на Алекс. – Иногда душа может предстать в том плотском облике, в котором она была в последние минуты своего земного существования.

Свет потух.

– Милостивый Боже, осени наш круг, и да не случится беды ни с кем из нас.

Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Включился магнитофон, и она услышала музыку Вивальди, легкую, воздушную и грустную.

– Почувствуйте под ногами траву, мягкую и упругую; как хорошо ступать по ней. Вы видите перед собой белые ворота. Войдите в них, и перед вами окажется река.

Останови их. Прошу тебя, Дэвид. Останови их.

– На дальнем ее берегу вы видите людей. Это ваши друзья, они ждут встречи с вами. Пройдите по мосту, подойдите к ним, приветствуйте их, обнимайте, будьте рядом с ними. Не бойтесь, идите, радуйтесь, будьте счастливы вместе с ними.

Алекс посмотрела на другой берег и по ту сторону старого каменного моста увидела Форда в его аккуратном сером пиджаке, он махал ей, подзывая к себе. За ним, разбившись по группкам, толпились люди; они болтали и веселились, словно на приеме с коктейлями. Сэнди, Орм,

Милсом и Дэвид.

Я здесь. Вот я.

Она ступила на мост, но все отвернулись, игнорируя ее.

Я здесь.

Чьи-то руки вцепились в нее, оттаскивая назад.

Пусти меня.

«Ты утонешь, это западня, мост ненадежен».

Кто ты?

Щелчок, затем тишина, полная тишина. Преисполненная ужаса, Алекс открыла глаза и огляделась в темной комнате.

– Началось, – сказал Форд. – Он полон нетерпения. Он не хочет дожидаться, пока мы завершим медитацию.

Струи ледяного воздуха заплясали вокруг нее.

За окном послышался шум машины, за ней шел тяжелый грузовик. Комната содрогнулась и завибрировала. Алекс в полной растерянности огляделась. Невозможно. Здесь же нет дороги. Нет шоссе. Слышал ли Дэвид эти звуки? Слышали ли их все присутствующие?

– Мама! – Сдавленный хрипящий шепот, еле слышный даже в полной тишине. Его издал почтальон.

– Как твоё имя? – спокойным деловитым тоном спросил Форд, словно говоря по телефону.

Еще одна долгая пауза.

Обман. Это не его голос. Разве ты не видишь, что это жульничество?

– Не будете ли вы так любезны сообщить нам свое имя? Если нет, будьте добры освободить медиума от своего присутствия.

Алекс почувствовала дыхание рядом, тяжелое и прерывистое, после глубоких вдохов возникла пауза.

– Вы Фабиан Хайтауэр?

Резкий запах бензина. Алекс услышала, как все стали втягивать воздух, то есть бензин чувствовали все.

– Вы Фабиан Хайтауэр?

Запах неожиданно стал резче, и от бензиновых испарений у Алекс защипало в глазах.

– Мы хотим помочь вам, Фабиан.

Алекс не могла вдохнуть.

– Помочь вам преодолеть преграду и оказаться на той стороне.

Казалось, ей прижали к лицу тугую маску. Чем отчаяннее Алекс старалась вдохнуть, тем плотнее присасывалась к лицу маска. Кто-то

рядом с ней дышал спокойно и ритмично, как пловец.

Нет.

Ее начало трясти. *Дайте вздохнуть, я задыхаюсь, о господи, у меня нет ни капли воздуха. Воздуха! Боже, дайте только вздохнуть!*

Она боролась с вакуумом, образовавшимся вокруг лица, старалась откинуть душившую ее маску, поднырнуть или как-то отвернуться. Грудь болела.

Испарения. Испарения заполняли все пространство комнаты.

И тут только она обратила на это внимание. Дыхание рядом с ней. Ритмичное и спокойное.

Нет.

Она стала отчаянно раскачиваться взад и вперед, дрожь все сильнее и сильнее сотрясала ее тело.

Пары. Бензин. Вот-вот раздастся взрыв.

Дай мне вздохнуть, дорогой. Дай мне воздуха. Молю тебя, дай мне воздуха.

Что-то шевельнулось в ней, что-то холодное, невыносимо холодное. Ледяная рука провела по ее лицу, мягко откинула волосы, сжала плечи. Она слышала, как задрожал и скрипнул в тишине диван, когда она, содрогаясь, пыталась втянуть в себя воздух. Теперь ледяная струйка через ухо просачивалась в мозг.

И тут внезапно Алекс ощутила прилив сил. Она стала сильнее, чем когда-либо. Такой сильной, что уже не нуждалась в воздухе. Нет, пожалуйста, нет. Нет.

Откуда-то издали донесся гул еще одной машины. Раздался пронзительный скрип тормозов – когда машина идет юзом, – отчаянный и испуганный; казалось, он будет звучать вечно. О нет. Она попыталась встать, но какая-то мощная, непонятная сила отбросила ее назад. Она сделала еще одну попытку, но чья-то рука решительно усадила ее на диван. Чья? Дэвида? Форда? Алекс рванулась и наконец встала. Что-то толкало ее обратно, какая-то могучая сила, словно на нее навалилась стена. Но Алекс, исполненная новой силы, оттолкнулась и почувствовала, как перед ней дыбом встал пол. Она опустилась на четвереньки и поползла, преодолевая дюйм за дюймом, цепляясь за грубые нити коврового покрытия; так она добралась до дверей, ухватилась за ручку и повисла на ней всей тяжестью тела, отчаянно борясь, чтобы не рухнуть ничком в темноту комнаты.

В воздухе продолжал висеть пронзительный визг заблокированных шин, которые шли юзом по мокрой дороге.

Алекс напряглась, открывая двери, перевалилась через порог и

неожиданно покатила по кухне; она катилась до тех пор, пока с глухим звуком не ударила о раковину; удар ошеломил ее.

Ее легкие разрывались. Яростно борясь с подступившим вновь удушьем, она сделала долгий, глубокий вздох и в изнеможении полежала несколько секунд, со страхом глядя на дверь гостиной, которая захлопнулась за ней. Чувствуя на спине холодные мурашки, Алекс с трудом встала на ноги и прислушалась. Тишина. Она уставилась на ключ, висящий на гвозде, и на полку с фонариком. Пора? Ключ был холодный, шершавый и тяжелый. Значит, время пришло?

Ключ повернулся легко, слишком легко. Замок был смазан. Открыть двери оказалось потруднее; они прикипели к петлям, и ей пришлось изо всех сил налечь на них, чтобы образовалась достаточно большая щель, сквозь которую она и протиснулась, после чего прикрыла за собой створки.

Алекс обратилась лицом к тьме, вдохнула сырой безжизненный воздух, прислушалась к звуку своих шагов, отдававшихся эхом под сводами помещения, и сказала:

– Я здесь, дорогой.

Голос раскатился гулом во тьме. Алекс включила фонарик и увидела в нескольких футах от себя каменные ступени. Оказывается, она все помнила точно. Алекс спускалась по ступенькам, и воздух становился все более влажным и прохладным. В самом низу была массивная водонепроницаемая дверь с огромным маховиком посередине, как на подводной лодке.

«Если там есть протечка и один из отсеков заполнен водой, ты утонешь, стоит только открыть двери», – вспомнила она.

Она прикоснулась к маховику, и он на удивление легко повернулся. Ей пришлось сделать шесть полных оборотов прежде, чем он замер. Сглотнув комок в горле, она толкнула дверь. Та без малейших усилий открылась, и лишь хруст проржавевших петель разнесся в темном туннеле, как вопль раненого животного.

Она посветила фонариком по бетонному полу и вдоль закругленных стен. Справа от нее был ряд клапанов, над которыми находилось еще одно огромное колесо, на этот раз прямо в стене. «Никогда к ним не притрагивайтесь, – предупреждал агент по продаже недвижимости, – никто не знает, что может последовать». В самом конце, куда еле дотягивался луч фонарика, она увидела другую дверь, похожую на ту, которую только что открыла. Алекс снова посветила по полу, и лужа воды блеснула в свете фонаря. Нервничая, она переместила луч на потолок. Штукатурка пошла расплывчатыми коричневыми пятнами и кое-где отстала.

В центре одного из таких пятен образовалась капля воды и звонко шлепнулась вниз, разлетевшись брызгами на бетонном полу. Бам! Звук эхом разнесся вокруг; она вздрогнула и обернулась, устремив луч фонарика в ту сторону, откуда пришла. И тут Алекс услышала дыхание, тяжелое дыхание, и окаменела. Она замерла на месте, и дыхание стихло. С облегчением вздохнув, Алекс двинулась по туннелю, который спускался все ниже под спокойной черной водой озера, под пеленой тумана, под скользящими в водорослях рыбами и зарослями сухого камыша, напоминавшими пальцы мертвеца.

Пол был затянут слизью, на стенах виднелись пятна плесени. Вокруг плясали длинные тени и звучало гулкое эхо ее шагов. Дверь все приближалась, дверь, за которой лежал танцевальный зал. Если он затоплен... Если...

Рядом с дверью Алекс остановилась и испуганно обернулась.

Бам! Бам! Похоже, что захлопнулась дверь. О господи, нет. Она посветила фонариком в ту сторону, откуда пришла, отблески света заплясали на крыше, затем скользнули на пол. Дверь осталась открытой.

Бам! Бам!

Алекс повернула маховик, и он, хорошо смазанный, стал медленно вращаться – шесть поворотов, как и предыдущий.

И тут фонарик потух.

Нет, только не это. Алекс встряхнула его. Нет, нет. Она еще раз потрясла фонарь. Нет. Пощелкала выключателем. Ничего. «Прошу тебя, – застонала она. – Пожалуйста». Она закрыла глаза и снова открыла их. Никакой разницы. Затаив дыхание, Алекс прислушалась: никогда раньше ее не окружала такая мертвая тишина.

Бам! Бам!

И снова тишина.

Алекс толкнулась в дверь. Свет. Там был свет, удивительно яркий свет. Она потрясенно уставилась на купол крыши, на его толстые стеклянные панели, покрытые слизью и мягкими листьями водорослей, – все точно так, как ей помнилось. Панели излучали яркое свечение, словно бы за ними скрывался источник света; казалось, можно протянуть руку и коснуться неба.

На мгновение ее ошеломило это свечение, ошеломило настолько, что она ничего не заметила в зеленоватом сиянии, которое просачивалось вниз и заполняло все помещение.

Затем ее поразил запах. Ужасный запах гниения, он забил ей ноздри, пополз по горлу, проник в желудок; ничего подобного раньше ей обонять не

приходилось.

Алекс плотно зажала пальцами нос, чувствуя, что ее вот-вот вырвет, и поперхнулась. Что-то ударило ее по плечу, и она вскрикнула, но тут же почувствовала себя дурачком. Это была стена, к которой она прислонилась.

Запах снова стал душить ее; зажав рукой нос, Алекс глубоко вдохнула ртом.

И тут она увидела, что у дальней стены, наблюдая за ней, кто-то стоит. Алекс похолодела.

У нее начали подламываться ноги. Она сделала попытку выбраться из комнаты и резко ударилась о грубую осклизлую стену. Алекс прижала к ней ладони и начала медленно пробираться к выходу. Где же он? Где?

Кто-то закрыл двери.

– Нет-нет.

Резко повернувшись, Алекс увидела гладкую стену. Дверь все еще была открыта, и за ней тянулся темный коридор, всего в паре футов справа от нее.

Алекс взглянула через плечо. Человек смеялся над ней, смеялся беззвучно, не сходя с места. Зловоние опять поразило ее, и она закашлялась.

«Сегодня они меня выпустят».

«Не позволяйте ему, миссис Хайтауэр».

«Да не слушай ты этого маленького ублюдка».

Я хочу выбраться отсюда. Прошу тебя. Боже, я хочу выбраться. Повернувшись, Алекс уставилась в туннель, затем снова бросила взгляд через плечо. *Кто ты? Что тебе надо?*

Бам! Бам!

Ты пришел сюда за мной? Или ты скрываешься во тьме туннеля? Алекс крепко сжала в руках фонарик – она знала, кто там стоит. И знала – та, что там стоит, явилась ни за ней и ни за кем другим.

Алекс услышала плач, тихое всхлипывание. Ее собственное. Отразившись эхом от стен, оно вернулось к ней.

– Простите, – сказала она. – Мне очень жаль.

Алекс оттолкнулась от стены и двинулась через комнату. Мимо нее порхнула тень, и она резко повернулась. Ничего. Снова мелькнула тень; Алекс подняла глаза и увидела темный силуэт рыбы, скользившей среди водорослей по ту сторону стеклянной крыши.

Она сделала шаг вперед и еще один шаг.

Шевельнись. Пожалуйста, пошевелись. Прошу тебя, скажи что-нибудь.

Прямо под ногами раздался резкий треск. У Алекс вырвался дикий крик, еще один и еще. Потом ее крик перешел в стон, – опустив глаза, она увидела какую-то плитку, треснувшую под ногой.

Алекс сделала еще шаг и подошла почти вплотную. Содрогаясь от ужаса, она уставилась в лицо – в лицо девушки, сморщенное, как клочок сухой кожи, в ее глаза, безнадежно устремленные на дверь, которую она открыла с таким запозданием, на искаженный, словно в приступе зловещего смеха, рот.

– Нет, – простонала Алекс, глядя на цепь, обхватывающую шею девушки и закрепленную где-то за ее спиной в темном сумраке. – Нет.

«Он часто спускался сюда, особенно в последнее время. – Голос Дэвида эхом звучал у нее в памяти. – Я, бывало, наблюдал за ним. Он часами сидел с удочкой тут, на острове. Я еще пытался понять, о чем он думает».

Нет.

Алекс отступила назад, медленно, с усилием, как бы преодолевая сопротивление огромной силы. Попыталась перевести взгляд на стены, потолок, но ее глаза, как магнитом, притягивало это лицо: «Привет, мам. Тут все ко мне отлично относятся, много чего произошло, я встретила несколько великолепных людей. Скоро напишу еще раз. С любовью».

Мне очень жаль. Алекс попыталась пробормотать эти слова, но ничего не получилось. *Мне очень жаль; я от всей души...*

Прямо за спиной послышался какой-то шум.

Алекс застыла на месте, охваченная ужасом. Не в силах повернуться, она смотрела себе под ноги, потом снова подняла взгляд на лицо, напоминавшее сморщенный клочок кожи.

Тень шевельнулась. Тень того, кто стоял за ней.

Она покачала головой. *Пожалуйста, не надо.*

Поскрипывание шагов.

Нет, пожалуйста.

Шорох одежды.

Нет.

Она повернулась.

Ничего.

Ничего, кроме черного провала туннеля.

И тут она услышала какой-то звук – на этот раз исходящий от девушки.

О нет. О нет, господи.

Медленно, преисполненная страха, она повернулась.

Девушка улыбалась. Улыбалась ей и ее страхам.

Нет. Пожалуйста, не делай этого. Прошу тебя, не надо.

– Любуетесь плодами рук вашего сына, миссис Хайтауэр?

Голос пронзил ее, словно удар электрического тока; она потеряла равновесие и чуть не упала на девушку. Ее скрутила тошнотная спазма, и на мгновение все поплыло перед глазами.

Он стоял на пороге, с его костлявых плеч свисало пальто.

Ее опять стало отчаянно трясти. В его лице было что-то ужасное. Она хотела закричать, но губы и язык не слушались. Не отводя взгляда от его насмешливых глаз, она прижала руки ко рту. И тут все поняла – в глазах то же самое выражение. Как у Фабиана на трехколесном велосипеде. Как у портрета на стене. Босли. Отто.

Алекс сделала шаг назад, что-то хрустнуло под ногой, и она испуганно дернулась. Повернувшись, она увидела, что девушка смотрит на нее. Алекс отступила назад, подняла взгляд к потолку, затем обвела взглядом стены и снова уставилась на Отто, стоявшего в дверном проеме.

Она попыталась заговорить, но не могла выдать ни слова. В отчаянии Алекс опять оглянулась на девушку, которая, казалось, пошевелилась. Ей хотелось кричать. Но она не могла. *О Господи, помоги мне.* Она снова повернулась к Отто. *О господи, сделай же какое-нибудь движение, да просто шевельнись! Скажи что-нибудь.* Ее сотрясала сильнейшая дрожь; она промерзла до мозга костей; легкие разрывала мучительная боль, и дыхание облачком вырывалось изо рта.

– Что вы хотите? – пробормотала она сдавленным голосом, слыша себя как бы издалека.

Он улыбнулся.

Скажи что-нибудь, ради бога, скажи же что-нибудь.

Отто продолжал улыбаться.

Воздух сгущался, дышать становилось все труднее; она задыхалась, в ужасе озираясь кругом; ее охватила паника.

– Я... хочу... выйти... сейчас же... – произнесла она и двинулась к Отто, преодолевая сопротивление могучей силы, отбрасывавшей ее.

– Он будет тут через минуту, миссис Хайтауэр. Неужели вы не хотите дождаться его?

– Будьте любезны, Отто, пропустите меня. – Внезапно ее голос обрел нормальный тембр, она говорила спокойно и уверенно.

По-прежнему улыбаясь, Отто сделал шаг в сторону. Ей показалось, что прошла целая вечность, пока она добралась до порога. Она стояла, опасливо глядя на него, ожидая какого-нибудь движения с его стороны, боясь, что он попытается остановить ее, но выражение его лица не

изменилось – он продолжал улыбаться.

– Он будет так разочарован, если вы разминетесь.

Алекс отвернулась и, спотыкаясь, побежала по туннелю.

Бам! Капля воды ударила ее, как кулаком, заставив отпрянуть.

– Нет!

Спотыкаясь, она опять рванулась вперед.

Другая капля, как молотком, ударила ее по лбу. Пошатнувшись, Алекс врезалась в стенку и упала лицом в слизь. Еще одна капля стукнула ее по затылку. Она поднялась и, шатаясь, снова пошла вперед. Куда ей идти, в какую сторону? Не сюда. Нет. Она увидела свет. Круглый зал.

– О Боже, помоги мне.

Еще одна струйка хлестнула по переносице, и глаза залило водой. Зал исчез, и она пошла дальше, придерживаясь за стену. Капли разбивались о голову, обжигая, как кислотой. Казалось, миновала целая вечность, и она, хромя, все ковыляла и ковыляла в темноте.

– Господи, помоги мне, молю Тебя, помоги.

В лицо ей, ослепив, ударил луч света.

Крик ее разнесся по туннелю, вернувшись к ней многократно повторенным эхом.

Алекс замерла на месте, как перепуганное животное.

Кто-то обнял ее.

Она почувствовала грубую ткань куртки Дэвида и крепко вцепилась в него.

– О господи. – Переполюнявшие ее эмоции прорвались рыданиями. Она водила руками по куртке, касалась мягких завитков волос на затылке Дэвида. – Слава богу, слава богу. – Глядя его, ощущая под рукой густую бороду, она не могла сдержать рыданий. Затем услышала его голос:

– Все в порядке, мама, все в порядке.

Ее пробила дрожь.

– Все идет хорошо.

– Нет.

Она чувствовала на своих руках его железную хватку.

Приковал ее цепями в погреб.

– Дэвид?

И оставил ее?

– Дэвид, пожалуйста,пусти меня.

Голос был мягкий, спокойный:

– Не беспокойся, мама.

Вскрикнув, Алекс вырвалась и, поскользнувшись на осклизлом полу,

забилась в истерике.

Приподнявшись, она увидела свет в конце туннеля и темный силуэт, который внезапно перекрыл этот свет. Алекс повернулась и побежала, скользя и падая. Она простирала руки, пытаясь за что-нибудь ухватиться, падала, поднималась и бежала, бежала изо всех сил. Потом земля снова ушла у нее из-под ног, и она отлетела в сторону. Дверь. Закрывать дверь. Стараясь выровнять дыхание, Алекс привстала на коленях и сильно ударилась головой. Она вскрикнула от боли и вскинула руки. Что-то круглое и холодное.

Алекс с трудом встала и обеими руками вцепилась в огромное колесо. Оно не шелохнулось. Давай же, давай. Она повернула колесо до отказа и опять потянула его. Ну давай же, прошу тебя; она стала снова вращать его; маховик поддавался с хрустом и скрежетом. Они услышат, они услышат. Иисусе, раньше оно не было таким тугим.

Сильная струя воды ударила ей в лицо.

Алекс все вращала колесо и тянула его на себя. Мощный поток воды отбросил ее назад. Стена. Она слышала яростное шипение воды, оно становилось громче и громче.

– Мама! – услышала она пронзительный вскрик Фабиана.

«Только не трогайте их, никто не знает, чем это может кончиться».

Это был не тот маховик. Вот почему он не поддавался. О господи, только не это.

Вода, подобно кислоте, разъедала ей глаза. Она открыла их, моргая и щурясь от боли. В какой стороне был свет? Где он? Вода хлестала со всех сторон.

Раздался скрежещущий звук, словно трещало и ломалось дерево, с каждой секундой скрежет усиливался. Казалось, кто-то взламывает огромный деревянный ящик. Звук усиливался, превращаясь в яростный грохот; и Алекс словно растворялась в нем. Потом наступила тишина. Полная тишина.

Алекс отчаянно оглядывалась в кромешной тьме, стараясь сориентироваться, отыскать дорогу обратно. Но вокруг не было ничего, кроме непроглядного мрака.

И вдруг Алекс услышала как бы раскаты далекого грома. Грохот перешел в утробный рев, он раздавался прямо у нее за спиной. Алекс стремительно повернулась и на долю мгновения увидела: вот он, свет, вот он, круглый зал. И затем стена воды.

Нет.

Стена воды обрушилась на нее. Первым исчез свет. Потом звуки. Вода

качнула ее, накрыла с головой и понесла. Наступила тишина.
Оглушающая тишина.

Все было залито молочно-белым, мягким, рассеянным светом. Белые пальцы бесшумно скользили вокруг, оставляя легкую рябь на качающих ее волнах сна. Сознание медленно возвращалось к Алекс. Пилюли, подумала она; эти пилюли вернули хорошее самочувствие, погрузив в приятные сны, от которых так трудно пробуждаться.

Серьезный взгляд; легкое щекочущее прикосновение усов; голубые глаза с металлическим отливом. Как долго он находится тут?

– Все в порядке, девочка?

Алекс слабо улыбнулась.

– Здесь несколько душновато... Хочешь, я открою окно?

Алекс кивнула. Жалюзи с сухим шелестом приподнялись, и комнату залило ярким светом. Сонные видения исчезли, уступив место реальности. Очередной день. День, который не имеет значения.

– Какое сегодня число, Филип?

– 18 мая.

Господи. Она попыталась сесть, но боль в плече остановила ее.

– Все еще болит?

– Думаю, стало несколько легче.

Несколько минут они посидели в молчании. Алекс смотрела, как Филип курит, видела, как подрагивают его ресницы, затем попыталась собраться с мыслями, преодолевая воздействие лекарств, целью которых было как раз не давать ей думать.

– Я убила их, – вдруг сказала она.

– Там все держалось на волоске. В любую минуту могло случиться все, что угодно. Давно надо было все запечатать.

– Я подумала, что Дэвид стал Фабианом и что он... что они хотят заковать меня... я открыла клапан. Я думала, что это дверь.

Алекс не отрываясь смотрела в синеву его глаз. В них, как в пруду, отражался свет. Средневековые водоемы. Она передернулась.

– Я убила их.

– Да нет же, господи, нет.

– Я это сделала.

– Несчастный случай, девочка. Несчастный случай.

– Я даже не была на его похоронах. Не пошла на похороны собственного мужа. – Она смотрела, как Филип встал и подошел к окну.

Облокотившись о подоконник, выглянул наружу. – Я должна была быть и на похоронах Отто. Он провожал Фабиана.

– В Германию, – тихо сказал Филип. – Насколько я знаю, его увезли в Германию.

– Так много похорон, – произнесла она.

Снова наступило долгое молчание. Она поежилась.

– Я даже не послала цветы Отто и... той девушке.

– Девушке?

– Кэрри.

– Кэрри?

– Та, которая... – Запнувшись, она уставилась на него. – Ты же знаешь.

Ты знаешь, кто там был.

– Был – где?

– Под озером.

– Что за девушка под озером?

– Та, которую Фабиан... – Она замолчала. Почему он не хочет говорить об этом? Почему он продолжает все отрицать?

Он подошел и сел с ней рядом.

– Озеро спустили. – Он вытащил очередную сигарету. – И нашли там только Отто и Дэвида. И больше никого.

– Но я... я же видела... Филип?

Он решительно покачал головой.

– В зале, – настаивала она, понизив голос.

– Чушь, – сказал он. – Все чушь. Там буквально все разнесло. Вдребезги. Это было исключительное инженерное сооружение. – Он встал и снова подошел к окну.

– Она была там, внизу, – стояла на своем Алекс.

Мейн продолжал смотреть в окно.

– Это и спасло тебя, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Сооружение. Его конструкция. Водонепроницаемые отсеки. Тебя, должно быть, выдавило оттуда, как пасту из тюбика.

– Почему же оно не спасло и их?

Он продолжал молча смотреть в окно.

– Филип... она была там.

Он долго не отводил взгляда от окна.

– Существует определенное равновесие, – начал он тихо, не поворачиваясь. – Оно неизменно. Две пылинки, положительный и отрицательный заряды; они встречаются в пустоте – бам! Существование

одной без другой бессмысленно – не возникает жизни; вообще ничего не происходит. – Повернувшись, он посмотрел на нее. – Вот заходит солнце. – Он ткнул пальцем в окно. – Ты можешь себе представить, куда оно спускается? В ад. В преисподнюю. В ад, девочка. Но мы нуждаемся и в нем; он нам нужен, чтобы существовать. Ты понимаешь?

Открылась дверь, и вошла медсестра в белом халате. Вскинув руку, она выразительно посмотрела на часы.

– Боюсь, вашему гостю пришло время... – Она кивнула Филипу.

Он смущенно поднялся и покраснел.

– Ну, привет...я... м-м-м... может, забегу завтра?

Алекс услышала, как закрылась дверь. Новая полоса жизни. Спокойнее, еще спокойнее; ей захотелось остаться здесь навсегда.

Грузовой фургон прибыл точно в девять. Алекс знала, что это он, даже не увидев его, – мимо окна проплыла огромная тень. Затем она услышала, как смолк двигатель, хлопнула дверца, раздались голоса.

– Они тут, мисси Айтоер, они тут.

– Впусти их, Мимси.

Мимси растерянно смотрела на нее, вытаращив глаза.

– Иди же, – улыбнувшись, кивнула она.

Первым делом они вынесли чемоданы, потом взялись за мебель. Когда выпотрошенный дом был пуст, она осмотрела его. Кое-где надо почистить, подумала она про себя, обходя комнаты, кое-что проверить. Господи, каким он внезапно стал маленьким. И молчаливым.

Стоя на тротуаре, Алекс проводила взглядом удаляющийся фургон. Восемнадцать лет. За восемнадцать лет она так и не узнала, кто живет за соседней дверью. Они не будут скучать по ней, улица не заметит ее отсутствия; сентиментам тут нет места. Они нашли приют лишь в глубине ее сердца.

Устраиваясь в «мерседесе», Алекс обратила внимание на молодую пару, которая прибыла в синем БМВ и теперь припарковала машину напротив. Он подтянут и симпатичен, в костюме от Пола Смита; она – тоненькая блондинка. Он поднял с сиденья малыша и поставил его на тротуар. Затем все трое принялись рассматривать дом.

– Я думаю, парадная дверь будет красной, – услышала она ее слова.

– Или черной, – сказал он. – Черный элегантнее. Вот посмотри, там, в сорок шестом номере, черная.

Тот же самый разговор вели и они, подумала Алекс, и слеза медленно поползла у нее по скуле; восемнадцать лет назад они все трое стояли вот здесь, на тротуаре: Дэвид в пиджаке от Тома Гилби, она и их сынишка Фабиан. Как они были тогда возбуждены. Надежды, мечты, планы. Планы. Вздохнув, она включила двигатель.

Все начинается сначала. Их день для такого решения самый подходящий – у нее над головой синело чистое августовское утро. В плече еще чувствовалась легкая боль – от того рулевого колеса. Ее предупредили, что боли будут какое-то время присутствовать. Но все затягивается, все раны исцеляются – и физические, и душевные. Долше всего живут воспоминания. А ей бы хотелось, чтобы память ее опустела так же, как ее

бывший дом.

Фургон уже добрался до Чейн-Уолк, и рабочие сгрузили мебель на тротуар.

Алекс поднялась по лестнице на последний этаж и обошла огромные пустые комнаты. Внезапно она почувствовала, насколько она свободна, свободна от множества вещей. Она едва обратила внимание на грузчиков, заносивших в дом мебель, – ей ни на что не хотелось тратить усилия, ни на что. Даже огромный букет, доставленный от Филипа, удостоился лишь легкой беглой улыбки.

Этой ночью она спала крепко и сладко, уснула без пилюль, вообще без усилий; в первый раз с того дня, как все это началось, она по-настоящему выпалась.

Так много осталось позади... Все спрашивали ее. Капеллан из Бродмура. Психиатр из больницы. Но все они узнали лишь часть подлинной истории. Не имея в своем распоряжении чьего-то тела, Фабиан больше не мог причинить зла. Без тела, которое ныне погребено под обломками на дне озера и покоится в глубинах ее памяти. Бесплотный, он существует теперь только в ее воспоминаниях. И все поверили ее повествованию. Все, кроме Филипа. Который все знал.

Именно он помог ей пережить последние месяцы. Филип, со своими теориями и объяснениями, помог ей выбраться из-под обломков. Именно он отбрасывал ее идею, едва только она собиралась высказать ее.

Поскольку они искали ...и ничего не нашли... Что же тогда случилось с девушкой?

И это, она понимала, было самое странное.

Алекс смотрела на другой берег Темзы, поблескивавшей под утренним солнцем, на парк, на крыши Баттерси, Клапхэма, Уонтуортской тюрьмы и еще дальше.

Внезапно она ощутила запах Дэвида – кисловатые винные ароматы его джинсовой куртки, почувствовала тепло его тела, колючую щетину усов, услышала такой знакомый голос Фабиана и содрогнулась.

«Проводник; труба; реципиент – технический жаргон; объяснения; Филип; капеллан; Морган Форд». Слова звучали так, словно бы речь шла об электричестве, а не о... Она пресекла эти мысли.

«В случае насильственной смерти, обычно при несчастных случаях или убийстве, душа нуждается в помощи и содействии. Погибший может даже не осознавать, что он мертв».

«Если человек, страдающий одержимостью, умирает, что происходит со злой душой?»

«Вместе с ним она отправляется в ад».

«Может ли такая душа вернуться?»

«Не исключено».

«Если обряд экзорцизма прошел успешно, куда эта душа... этот демон направляется?»

«Она должна найти себе нового хозяина».

«Это было чудовище, Филип. Передо мной стоял Дэвид, но он говорил голосом Фабиана».

«Такое иногда случается».

«В тот раз все было по-другому».

«Потому что туннель перепугал тебя».

«Нет. Фабиан. Он обрел хозяина в лице Дэвида. Форд ошибался. Он сказал, что Дэвид не обладает чувствительностью. Я-то знала, что это не так».

«Откуда?»

«Знала».

«Нет, девочка. Обладай Дэвид чувствительностью, ты бы оттуда не выбралась».

«Зло не может овладеть человеком, который не принимает его. Ты думаешь, Дэвид спустился, чтобы помочь мне? Чтобы найти меня?»

«Возможно».

«Душа искала меня. Я ее не приняла, поэтому она завладела Дэвидом?»

«Возможно».

«И он тоже сопротивлялся?»

«Злые души могут быть очень хитрыми. Они умеют великолепно притворяться. Воплощать в себе характерные черты тех, с кем мы расстались. Голос. Манеры. Внешность».

«Из круга исходит энергия, подобно лучу маяка. Он мог найти путь в круг».

«Разве зло не может быть маяком? Как, например, Отто?»

«Миссис Хайтауэр, ни один искренне верящий священнослужитель не может исключать наличие дьявольских происков».

Одинокий бегун в майке и шортах пересек мост Альберта. Пробежки, подумала она. Давно же она этим не занималась. Но завтра снова начнет бегать.

К ней пришло непонятное спокойствие и умиротворение. Смерть

Дэвида принесла ей странное освобождение. Она была опечалена, глубоко опечалена, порой ей не хватало его телефонных звонков и радостного голоса, когда он рассказывал о своих винах, но странным образом печаль раскрепостила ее.

Словно бы прошлое ушло навсегда.

Алекс поднялась в кабинет. Ей снова хотелось работать. Заниматься делами, заключать сделки, разгребать рукописи. Сконцентрироваться на чем-то совершенно ином.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Джулия.

– Отлично. Я думала, что будет куда хуже. Квартира просто потрясающая, и фантастический вид из окна.

– Мне нравится, когда можно говорить про вид из окна, – улыбнулась Джулия.

Алекс улыбнулась в ответ.

– Вчера что-нибудь было срочное?

– Нет. Филип оставил послание – что-то о театре в четверг; он сказал, что вчера у вас не работал телефон.

Алекс прошла к себе. Ее немного знобило, и она, подняв шторы, распахнула окно, чтобы комнату залил теплый летний воздух.

Письменный стол завален письмами, рукописями, записками. Господи, за время пребывания в больнице она отключилась от всего этого, забыла, что значит пошевеливаться. Надо собраться с мыслями, составить расписание на день. Алекс улыбнулась. Все прошло. Она взгляделась в синее небо. Начинается долгое восхождение туда, где она когда-то уже была, но где не осталось ничего из прошлой жизни. Вздохнув, Алекс включила монитор компьютера.

На экране горели два ярких зеленых слова:

«ПРИВЕТ, МАМА».

---

notes

Примечания

Палимпсест (греч. palimpseston (biblion) вновь соскобленная (книга)) – в древности и раннем средневековье – рукопись, писанная на пергаменте по смытому или соскобленному тексту. (*прим. ред. FB2*)

Игра слов: по-английски выражение «дохлая крыса» звучит как «дед рэт». *(Здесь и далее примеч. пер.)*

3

Гадес – в греческой мифологии бог подземного царства.